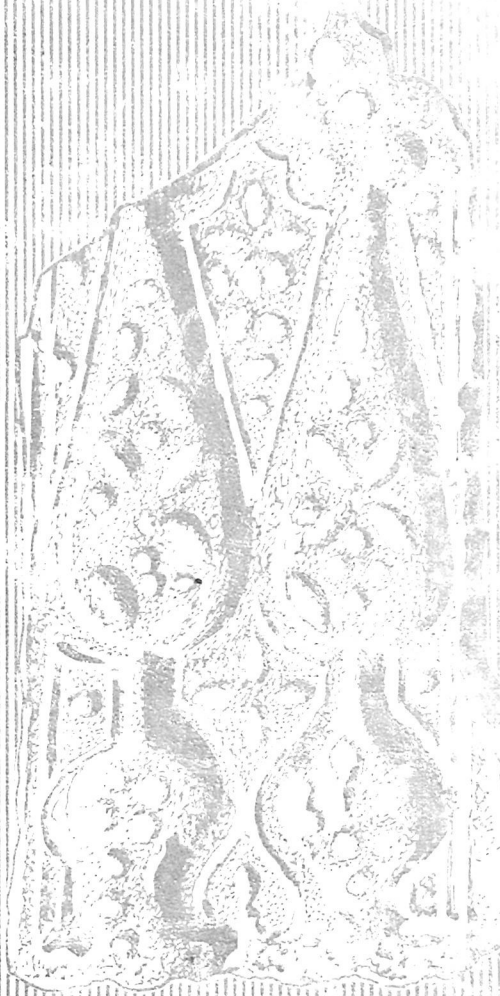

Appendices

**АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

АФРАСИАБ

ВЫПУСК IV

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ ● 1975**

В сборнике дана комплексная характеристика материалов Самарканда XI—начала XIII вв. Статьи посвящены исторической топографии города и его отдельных подразделений, исследованию ремесленного производства, торгово-денежных отношений, описанию общественных и культурных сооружений города караханидо-хорезмийской эпохи, антропологическому составу населения и памятникам эпиграфики и прикладного искусства.

Сборник снабжен библиографическим указателем по истории изучения Афраснаба с 1874 по 1972 г.

Книга рассчитана на археологов, историков, этнографов, преподавателей вузов и всех интересующихся историей республики.

Афраснаб. [Сборник статей]. Вып. 4.
Т., «Фан», 1975.
(АН УзССР. Ин-т археологии).
Вып. 4. (Отв. ред. Ш. С. Ташходжаев). 1975. 163 с. Библиогр.
указатель: с. 144—161.

902.6+9(C52)

Ответственный редактор

кандидат искусствоведения Ш. С. ТАШХОДЖАЕВ

От редактора

В 1974 г. исполнилось 100 лет со дня первых археологических раскопок на Афрасиабе. Афрасиаб был объектом археологического и исторического исследования целой плеяды русских и советских ученых: майора Борзенкова, В. В. Крестовского, Н. И. Веселовского, В. В. Бартольда, В. Л. Вяткина, А. И. Тереножкина, М. Е. Массона.

В последнее десятилетие исследованием памятника занялась комплексная экспедиция под руководством В. А. Шишкина и Я. Г. Гулямова. В октябре 1971 г. в Институте археологии АН УзССР был образован сектор по изучению Афрасиаба, и это явилось логическим завершением многолетней деятельности Афрасиабской экспедиции.

Совершенствовалась и методика археологического исследования Афрасиаба. Изучив огромный опыт советских археологов по исследованию таких громадных археологических объектов и опираясь на опыты предшественников, ученые Института археологии АН УзССР пришли к твердому убеждению, что на Афрасиабе археологические работы необходимо вести одновременно по всем городским кварталам, охватив все периоды его обживания.

Изучение городов Средней Азии как социально-экономических явлений в истории настоятельно требует перехода от общих историко-археологических периодизаций к конкретному изучению исторической топографии отдельных периодов, производственных и жилых кварталов, при сопоставлении

развития которых ярко проявятся процессы изменения внутренней структуры города: перемещение ремесленных кварталов, перепланировка города в целом, расширение или сокращение жизни внутри городских стен.

Материалы раскопок опубликованы в ряде статей. В последнее время они суммировались в специальных сборниках «Афрасиаб» (вып. I—III).

Принципиальное отличие настоящего сборника в том, что он впервые обобщает материалы одного из интереснейших периодов в жизни города — XI — начало XIII вв., хотя конкретно для истории Самарканда (Афрасиаба) этот период подразделяется на ряд этапов: первая половина XI в. является для шахристана временем продолжения упадка, хаузы находятся в запустении, керамисты бросают сюда мусор. С 40-х годов XI в. начинается коренная реконструкция шахристана: на старых мощеных улицах строятся дома, прокладываются новые улицы. Начало последнего этапа — вторая половина XII и начало XIII вв. — характеризуется сокращением жизни внутри города, но не запустением. Завершается последний этап новым подъемом городской жизни: восстанавливаются арк, ряд культовых и общественных сооружений, реконструируются все оборонительные стены города.

Исторической топографии Самарканда XI — начала XIII вв. посвящена статья Ю. Ф. Бурякова и Ш. С. Ташходжаева, открывающая сборник. Новое местонахождение Бухарских ворот города, помещавшихся ранее разными исследователями в разных местах, определяет Г. В. Шишкина. Ее исследования подтверждаются выявленной серией дорог, подводящих к северной окраине городища, к месту описываемых Бухарских ворот.

О кухонной керамике, встречаемой по всему городищу, пишут Ш. Ш. Шарахимов и Ш. Р. Пидаев. Об узкой специализации керамистов, выявленной в результате раскопов в центральной части Афрасиаба, где была открыта мастерская по изготовлению котлов и терракотовых очажков, сообщает статья Ш. С. Ташходжаева.

Интересные материалы по истории денежного обращения освещены в статье Б. Д. Кочнева и Т. С. Ерназаровой, анализирующих монеты караханидского периода.

В работах Ю. Ф. Бурякова, М. Садиева, Л. Г. Брусенко, Э. Ю. Буряковой, М. И. Филанович, М. Исхакова и Б. Д. Коч-

нева изучается культовый комплекс, состоящий из мечети, мавзолея, кладбища, могильного камня, кирпича и краниологического материала.

Статья М. И. Филанович посвящена удивительному образцу прикладного искусства — резному дереву, которое широко применялось в украшении дворцов и мечетей Бухары и Самарканда. Великолепные образцы работ резчиков по дереву обнаружены и в глухих малодоступных горных уголках верховий Зарафшана.

В библиографическом указателе, составленном Д. Кадыровой, собраны публикации по материалам археологических работ на Афрасиабе за 100 лет, начиная с первых раскопок в 1874 г. до 1972 г.

Ш. С. Ташходжаев

В. Л. Вяткин попытался раскрыть историческую топографию Афрасиаба во все времена его существования. Результаты работ оказались неожиданными даже для его современников, а для последующих исследователей сомнение В. Л. Вяткина в правильности отождествления древнего Самарканда с Маракандой греческих авторов стало темой длительных дискуссий, протекающих вот уже сорок лет. Афрасиаб — трудный для археологических исследований памятник, дошедший до нас в виде городища с многочисленными холмами кварталов и огромными впадинами хаузов и площадей, опоясанного четырьмя кольцами стен с возвышающейся на севере цитаделью. Подробное описание стен, каналов, мест предполагаемых ворот было выполнено в свое время В. Л. Вяткиным. Последующие исследователи пытаются уточнить их умозрительно, без археологических раскопок. При подведении некоторых итогов изучения верхнего слоя Афрасиаба необходимо начинать с обзора доступных письменных источников.

Несмотря на то, что при Саманидах Самарканд утратил роль официальной столицы, которая была переведена в Бухару, он оставался крупнейшим торгово-ремесленным центром Мавераннахра. Даже в конце X в. именно Самарканд, а не Бухара описывается географами как столица Согда, в состав которого на положении отдельных округов включаются Несеф, Кеш и даже столица Саманидского государства Бухара.

Централизация власти в Саманидском государстве, несомненно, способствовала экономическому расцвету городов, первое место среди которых принадлежало Самарканду. Уже в этот период произошли значительные изменения в топографии города. При общем значительном разрастании города вокруг шахристана, особенно к югу от него, на удобных площадях, обильно орошавшихся водами выведенных из Даргома каналов, развивались обширные торгово-ремесленные пригороды-рабады, площадь которых превышала размеры шахристана. Сюда переместился центр экономической жизни города. Выросли кварталы ремесленников, базары и лавки менял¹. Густая застройка ремесленных кварталов далее от центра сменялась густой зеленью сельской округи с замками, садами и виноградниками, сквозь которые, по словам очевидца, нельзя было различить построек цитадели². Вся эта обширная округа была обнесена стеной размерами два на два фарсаха, которая, однако, в описываемый нами период была лишена запирающихся ворот. Об этом автор конца X в. Абу-ль Касым ибн Хаукаль сообщает: «В стенах рабада нет запирающихся ворот, ни деревянных, ни железных по причине происшедших здесь смут, из-за которых правитель приказал снять ворота»³.

Возвращение Самарканду роли столичного города в условиях междоусобной борьбы Караханидов приводит к повторному освоению пустовавших в X в. территорий шахристана, который вновь начал превращаться в наиболее укрепленную часть города. В это время, как показывают раскопки, неоднократно ремонтировалась внешняя, четвертая стена шахристана, не утратившая своего оборонительного значения вплоть до захвата города монголами. Особенно заметно следы ремонта прослеживаются по западному фасу стены, а близ Шахи-Зинда отдельные ее участки были выложены заново⁴.

Как и в предшествующие столетия, во внешней стене шахристана было четверо ворот. Северные, Бухарские, открытые

---

¹ Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-ль Касыма ибн Хаукаля, Труды САГУ им. В. И. Ленина, «Археология Средней Азии», Ташкент, 1957, стр. 14.

² Там же, стр. 15.

³ Там же.

⁴ М. К. Пачос. К изучению стен городища Афраснаб, СА, 1967, № 1, стр. 68—69.

при раскопках последних лет, располагались к северо-западу от цитадели. Восточные, или Китайские ворота, вероятно, находились близ Ходжа Данияра, где в 1971 г. раскрыто 7 уровней дорог, в том числе несколько настилов, вымощенных чупанатинским сланцем, последний уровень которых относится к XII — началу XIII вв. Ворота эти стояли на возвышенности. От них спускались по «многочисленным идущим вниз ступенькам к Согдийской реке»⁵. Южные ворота — Большие, Кешские или Железные. Последнее название ворот могли получить в X в., когда во время восстания горожан против центральной власти Саманидов они оказались сожженными и были выстроены заново из железа⁶. Западные или Наубехарские ворота также стояли на возвышенности, от них дорога уходила вниз через русло Атчапара.

Фортификационные работы проводились и внутри шахристана. Раскопки М. К. Пачоса⁷ дают основание считать, что в начале XIII в. значительному ремонту подверглась внутренняя двойная линия крепостных стен. Ее ворота были усилены возведением отдельных стен, особенно вдоль южного фаса.

За восточными воротами раскрыто отдельно стоящее укрепление в виде круглой в плане башни и примыкающей к ней группы помещений, сложенных из сырцового кирпича. Судя по монетам и керамике, это укрепление было возведено в начале XIII в. для усиления городских ворот. Этим же временем датируется и возведение небольшой пахсовой стены в районе южных ворот, где расстояние между валами двойной стены наиболее значительно.

К югу от средней части двойной стены по краю возвышенности возводится третья дополнительная пахсовая стена, положение которой позволяло держать под контролем обширную часть шахристана вплоть до внешней стены. На восточном фасае пахса прославилась крупнорубленным камышом, этот прием кладки являлся характерным в хорезмшахский период.

В пахсовой кладке стены была найдена керамика с бирю-

⁵ Е. К. Бетгер. Указ. соч., стр. 14.

⁶ Там же, стр. 15—16. О наличии многочисленных преданий, связанных с железными воротами, упоминает автор XII в. Наджмеддин Несефи (см.: Кандия Малая, пер. В. Л. Вяткина, КСКО, вып. 8. Самарканд, 1905, стр. 246.

⁷ М. К. Пачос. Из раскопок на Афрасиабе, сб. «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965, стр. 27—29.

зовой поливой, а под ее основанием — гончарная печь с сосудами XI в.⁸ Все эти материалы позволяют утверждать, что третья стена, усиливающая оборону южного фаса укреплений, окружающих часть шахристана, была возведена в начале XIII в. при Мухаммаде Хорезмшахе. Большие работы были проведены и в укрепленном районе шахристана — арке. Арк имеет в плане прямоугольную форму и правильную ориентировку по странам света. Цитадель была исследована В. Л. Вяткиным, который отмечал, что «несмотря на ряд пересекающихся траншей, достигающих глубиной до 3 м, остатков фундамента, а также мусора на холме обнаружено не было. Возможно, здания на холме были каркасные, не оставляющие обычно следов уже через короткое время»⁹. Далее автор подчеркивает, что «цитадель» не дала почти никаких археологических предметов.

Однако о возведении в цитадели парадных зданий с выкладкой полов глазурованными плитками, относящимися, несомненно, к концу XII — началу XIII вв., было известно по раскопкам 1874 г. майора Борзенкова¹⁰. Около 1907 г. В. Л. Вяткиным в южной части цитадели были расчищены остатки круглой башни из сырцового кирпича. Здесь же на уровне башни были раскрыты две постройки «казарменного типа» с узкими окошечками в северо-восточном углу¹¹. Повторная зачистка этих комплексов показала, что сложены они из сырцового кирпича размером 32×16×4—5 см, относящегося к караханидскому стандарту, и связаны с крупным ремонтом обветшавших стен цитадели.

Раскопками М. К. Пачоса в 1969—1970 гг. раскрыта северо-западная башня цитадели со следами нескольких перестроек. Самый наружный, наиболее значительный ремонт произведен путем выкладки рубашки из небольших блоков пахсы и крупного сырцового кирпича с прокладкой слоями камыша (как в третьей стене) и каркасом из деревянных бревен, уложенных поперек стены. Этот прием, известный с античной поры, широко применялся в хорезмшахских по-

⁸ М. К. Пачос. К изучению стен городища Афрасиаб, стр. 63—64.

⁹ Там же.

¹⁰ М. Ростиславов. Об археологических изысканиях в Зеравшанском округе, ПТКЛА, год 3, Ташкент, 1897—1898, стр. 144—145.

¹¹ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 10—11.

стройках как в самом Хорезме, так и в занятых Мухаммадом Хорезмшахом городах Средней Азии. Н. М. Бачинский считает, что этот прием преследовал цели защиты сооружений при землетрясениях¹².

К северо-западу от цитадели было раскрыто укрепленное ядро в виде вала от цитадели к северной стене с округлой башней в центре. Башня и прилегающие здания были построены из такого же кирпича как и «казармы» и служили опорным пунктом дополнительной обороны цитадели со стороны шахристана, а также для защиты с западной стороны пандуса, подводившего к цитадели. Стандарт кирпича характерен для караханидской эпохи¹³.

Помимо оборонительных сооружений в цитадели проводится исследование парадных общественных комплексов. При археологических раскопках 1963 г. внутри цитадели были раскрыты руины монументального парадного здания с обилием фрагментов резных неполивных и поливных терракотовых кирпичиков. Найдена штукатурка со следами росписи, фрагменты резных необожженных архитектурных деталей, фигурная выкладка полов жженым кирпичом и глазурованными кирпичиками. Облицовочный кирпичик декора стен в основном полихромный, сочетающий белый, голубой и марганцевый тона. Однако в период интенсивного строительства оборонительных сооружений парадное здание лежало в руинах и попало частично в ремонтную рубашку стен цитадели¹⁴.

Группа парадных помещений XII в. с обводным коридором вдоль крепостной стены расчищена в юго-западном фасе цитадели. Стены некоторых залов были украшены настенной полихромной живописью с жанровыми сценами. Живопись оказалась сильно разрушенной. На южную сторону здание выходило открытым айваном. На полах помещений и в коридорах обнаружено большое количество кирпичиков с марганцевой, белой и голубой поливой. Находки из помещений представлены керамикой с голубой и зеленой глазурью, изредка встречаются фрагменты посуды с кашинным тестом.

---

¹² Н. М. Бачинский. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии, М.—Л., 1949, стр. 22.

¹³ Раскопки проводились в 1958—1963 гг. (с перерывами) О. В. Обельченко (см.: В. А. Шишкин. Кал'а и Афрасиаб, в сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 137.

¹⁴ М. К. Пачос. К изучению стен городища Афрасиаб, стр. 29—31.

Интересны сосуды, украшенные штампованным орнаментом¹⁵.

Монументальная планировка помещений, обилие декоративных облицовочных резных кирпичиков, выстилка полов залов жженым кирпичом и даже глазурированными плитками заставляет отнести открытые помещения к дворцовому комплексу караханидского времени. В связи с этим небезынтересно вспомнить находку у подножья цитадели фрагмента терракотовой плитки, сохранившей часть надписи со словом «улуг», отнесенным М. Н. Федоровым к эпитету титулатуры самаркандского правителя XII в. Ибрагима ибн Хусейна¹⁶, и связанной с декором его дворца, построенного, по сообщению Мухаммада Ауфи, в Самарканде. Наследник Ибрагима ибн Хусейна, его сын Омар, в 1212 г. возглавил неудачное восстание горожан против хорезмшахского гарнизона. Вероятно, при восстании и трехдневном грабеже города дворец сильно пострадал и в дальнейшем при ремонте цитадели не восстанавливался. Поэтому детали декоративной облицовки попали в ремонтную кладку оборонительных сооружений южного и западного фаса¹⁷.

Обновление коснулось всего шахристана. В первую очередь следует отметить новую вымостку основных магистральных улиц. Каменный настил караханидского времени вскрыт на магистрали, проходившей между цитаделью и соборной мечетью к северным воротам, отводам и западному входу в цитадель¹⁸. В это время была отремонтирована улица, подводящая к восточным воротам в районе мазара Ходжа Данияра¹⁹. Эти настилы перекрывают слои с саманидской керамикой.

Поддерживались в исправности магистральные каналы, подававшие воду в различные части города, о чем говорит

¹⁵ Раскопки проведены Г. Дадабаевым (см.: Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков. Новые данные по истории древнего Самарканда, ОНУ, 1970, № 9, стр. 71).

¹⁶ М. Н. Федоров. К вопросу о последнем караханидском дворце на Афрасиабе, СА, М., 1965, № 3, стр. 240—241.

¹⁷ Это, однако, не дает оснований считать, что дворец после 1212 г. служил каменоломней для горожан, так как цитадель находилась под контролем хорезмшахского гарнизона (ср. М. Н. Федоров. Указ. соч., стр. 242).

¹⁸ Настил вскрыт в раскопках Г. В. Шишкиной, Ю. А. Аванесовой, Ю. Ф. Бурякова.

¹⁹ Раскопки Р. Равшанова и Э. Ю. Буряковой.

их чистка, а также сеть мелких арыков и закрытых водотоков в кубурах. Функционировали и крупные хранилища воды — хаузы. Один из крупных хаузов, получавший воду из восточного отвода Джуиарзиза, был исследован в юго-западной части шахристана.

Под упавшими со склонов разновременными находками расчищены донные отложения водоема с большим количеством находок XII — начала XIII вв. в виде светильников и сосудов с голубой поливой²⁰. С берега водоема к воде спускались ступеньки, выложенные чупанатинским сланцем.

Подвергались реконструкции некоторые монументальные сооружения и площади. В первую очередь это коснулось самого крупного общественного сооружения шахристана — соборной мечети, располагавшейся к западу от цитадели. Вероятно, в период правления Тамгач-хана Ибрагима мечеть была перестроена с увеличением габаритов в полтора раза. Внутри двора были возведены зимние помещения, в декоре стен которых применена резная терракота.

Исследования показали, что караханидская мечеть неоднократно ремонтировалась, а после 1212 г., когда она пострадала от пожара, Мухаммад Хорезмшах провел настолько значительный ремонт, что современники говорили о постройке новой мечети. Действительно, мечеть была вновь увеличена до 137 м в длину с включением в состав примыкающих построек.

Площадь между мечетью и северной стеной служила торгово-ремесленным центром данной части шахристана. Вдоль мечети зафиксированы ремесленные мастерские, а далее к северу от нее находилась крытая галерея торговых рядов. Площадь эта проходила уступами с запада на восток и от мечети на север, к дороге, проходившей вдоль северной стены и слившейся с магистралью, подходившей к воротам из центра города.

Разрастание площади на восток потребовало значительных работ по благоустройству, выравниванию площади, причем, в отвалы попали многочисленные детали мечети XI—XII вв.

Большой ремонт площади, совпадающий с реконструкцией мечети, относится к последним годам правления Мухаммада

²⁰ В. Д. Жуков. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба (Самарканд), ОНУ, 1961, № 4, стр. 54.

Хорезмшаха. Площадь, как и дворик мечети, была засыпана мелкой галькой, выводились новые устои колонн галерей, перекрывавшие караханидские. Площадь с крытой галереей примыкала к мечети на южной стороне. А к западу от мечети и площади складывался большой погребальный комплекс. Косвенные данные позволяют считать его ранней основой арабские захоронения в «мадине дохиль». К IX—X вв. могут быть отнесены некоторые могильные сооружения на западном склоне холма, а в караханидское время кладбище начало расти в сторону мечети. Это, вероятно, было связано с тем, что около соборной мечети создавался культовый центр.

Исследователи отмечают, что в XI—XII вв. в государстве «Великих Сельджуков» и Караханидов усиленно пропагандировались как «святые» все места, связанные с деятельностью первых распространителей ислама из числа арабских завоевателей²¹.

В противовес северному культовому комплексу в XII в. в ремесленных кварталах южного Самарканда начал складываться второй культовый центр, позднее получивший название Шахи-Зинда. Интересной в этом плане является находка в северной части комплекса кайрака с именем Абуль-Мухаджира, датируемого по генеалогической шкале VIII веком. Однако по палеографическим данным кайрак может быть отнесен не ранее, чем ко второй половине XII — началу XIII вв. Несомненно, он является обновленным надгробием почитаемого лица из числа арабов, точное время смерти которого уже забылось. О почетности данного места захоронения говорит и возведение здесь мавзолеев караханидских правителей. К их числу относится мавзолей, граничащий на южном отрезке с западной стеной соборной мечети, отождествленный М. Е. Массоном с мавзолеем Ибрагима ибн Хусейна, умершего в Самарканде между 1201—1204 гг.²²

При реставрации мечети мавзолеем был встроено в ее западный фас. Рядом расширено несколько однокамерных сооружений из жженого кирпича, возможно, также мавзолеев. Из их отвалов извлечена масса декоративных облицовочных плиток, вырезанных из уже обожженного кирпича с геометрическим и растительным орнаментом и надписями строгим куфи.

²¹ М. Е. Массон. Фрагменты надписи караханидского мавзолея с городища Афрасиаб, ЭВ, вып. XX, Л., 1971, стр. 80.

²² Там же, стр. 81—82.

К северу от них расчищены многослойные погребения и остатки мавзолея из жженого кирпича караханидского стандарта, расположенного вдоль небольшой мощеной дороги.

Таким образом, в северной части шахристана помимо укрепленного ядра — цитадели в XI — начале XIII вв. функционировала интенсивно разраставшаяся соборная мечеть, освоившая в начале XIII в. все свободное пространство к западу от магистральной дороги к северным воротам. С юга и севера от нее были построены крытые галереи, северные из которых были заняты вдоль мечети ремесленниками-металлургами, а далее, вероятно, базаром. С запада к ним примыкало крупное кладбище.

В настоящее время мы не имеем еще достаточных материалов для характеристики степени обживания центра шахристана, хотя площадь вдоль магистральных дорог в северном и восточном участках города были освоены. Густо обживаются южные и западные районы на границе с рабадом.

В центральной части шахристана, к югу от второй стены, в XI в. продолжал интенсивную деятельность крупный многохозяйственный квартал гончаров, включавший до пятнадцати мастерских по выпуску глазурованной и неполивной посуды, с жилыми и производственными помещениями, установками для размола сырья, полуфабрикатами, печами для обжига фритты и гончарными горнами. В квартале имелась одна лепешечная мастерская.

В южной части шахристана ремесленные мастерские керамистов XI—XII вв. были исследованы в 1947 г. в связи с прокладкой дороги на Ташкент.

Печи круглые в плане, двухъярусные с серией жаропроводящих отверстий в поду. В стенах рабочей камеры — ячейки для закрепления штырей. В печах и около них собрана бракованная продукция в виде сфероконических сосудов, чаш, пиал, котлов, кувшинов, дигирей, светильников в форме плоскодонного граненого резервуара на высокой ножке. В глазури посуды преобладает голубой цвет²³.

В изобилии встречен припас керамиста — сепоя различных размеров, толстые и тонкие штыри, S-образные «коромыслица», цилиндрические подставки. Интересен калыб для фор-

²³ Л. И. Альбаум. О гончарном производстве на Афраснабе в X—XI вв., сб. «Афраснаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 256—267.

мовки круглодонных котлов. Мастерские выпускали разнообразную глазурованную и неполивную бытовую и производственную керамику. Неподалеку от мастерских раскрыта крупная прямоугольная однокамерная сводчатая печь для обжига кирпича.

Ремесленные мастерские занимали не только южный участок шахристана. В XI—XIII вв. они продвигались и в западные районы.

Большая группа горнов расчищена вдоль южного и восточного берегов крупного хауза в юго-западной части шахристана. Эти мастерские также обжигали неполивную и глазурованную посуду (котлы, корчаги, чаши, пиалы, крышки, светильники зеленой, голубой и бирюзовой глазури)²⁴.

Несколько печей мастерских XII — начала XIII вв. открыто близ юго-западного фаса внешней стены шахристана. Хумданы двухъярусные круглые, в плане, располагаются в 1—1,5 м друг от друга. Внутри печей и в отвалах найдено большое количество инвентаря керамистов и готовой гончарной продукции. Последняя представлена крупными тарелками и чашами, сосудами закрытых форм, чирагами.

Наряду с традиционными типами отмечены кашинные сосуды с бирюзовой глазурью.

Особо следует отметить производство деталей архитектурного декора в виде глазурованных кирпичиков с нарезными линиями с заполнением квадратов и прямоугольников голубой и грязно-серой глазурью²⁵.

В западной части шахристана на значительной площади выявлен жилой квартал караханидской эпохи и общественная баня с централизованной системой нагрева воды и отопления помещения²⁶.

В южной части шахристана на границе с рабадом, вокруг могилы, приписываемой Куссаму ибн Аббасу, возник культовый центр. Но кроме этого, и западнее комплекса, близ железных ворот, по сведениям автора «Кандии», была масса

²⁴ В. Д. Жуков. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба, стр. 56—57.

²⁵ И. Ахраров. К истории керамического производства на городище Афрасиаб, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 301—311.

²⁶ Я. Крикис, М. Пачос, Ш. Ташходжаев, М. Федоров. Жилой комплекс X—XI вв. в западной части Афрасиаба, «Научные работы и сообщения», кн. 7, Ташкент, 1963, стр. 224—236.

могил «воителей за веру», «руками которых было завоевано много крепостей неверных»²⁷. В центре этого комплекса функционировала мечеть. Во второй половине XI в. Тамгач-ханом Ибрагимом было возведено медресе. В сохранившемся вакуфном документе, связанном со строительством этого комплекса, приведена микро топография участка, помогающая точно локализовать этот объект²⁸.

Вакуфный документ показывает, что кроме культовых комплексов здесь располагались и жилые дома зажиточных горожан, в наследственном владении которых в шахристане находились участки, строения и даже караван-сарай. Так, кроме медресе близ могилы Куссама ибн Аббаса упомянуты площадь Хатун Малики, дома отданные в вакф учеников медресе, жилище Ахмада аль-Мукассаса²⁹, жилище Абу-л-Касима бин ал-Ата-хан Хатун-Малики, жилище Хавли ал-Хайлташи, ханака эмира Низам ад-Даули, жилище Хатун-Малики Туркан-хатун³⁰. Парадное здание с монументальной росписью стен было открыто к востоку от описываемого квартала.

Важной составной частью средневекового Самарканда являлось его торгово-ремесленное предместье — рабад, куда постепенно смещался центр экономической жизни города. Какую территорию занимал рабад? Как он выглядел в характеризующую эпоху? Историки X—XII вв. оставили нам очень мало сведений, но некоторые материалы можно почерпнуть из сравнительного анализа более ранних источников и археологических данных. Они же дают представление о динамике роста пригорода. Это сведения Ибн ал-Факиха, Истахри и Ибн-Хаукаля (начало, середина и конец X в.). По данным Ибн ал-Факиха, рабад составлял 6 000 джебиров, что, соглас-

²⁷ Кандия Малая, стр. 246, 262.

²⁸ M. K h a d r. Deux actes de waqf d'un Qarachanide d'Asie Centrale, avec une introduction par chaude Cahen, *Journal Asiatique*, t. CCLV, Paris, 1967, p. 325—334. Первая локализация объектов по данному документу сделана О. Г. Большаковым (см.: О. Г. Большаков. Два вакфа Ибрагима Тамгач-хана в Самарканде, «Страны и народы мира», вып. X, М., 1971, стр. 170—178). Однако локализация медресе дана неверно в связи с привязкой его автором к западным воротам мадины.

²⁹ Возможно, обозначение профессии цирюльника (см.: Х. К. Баранов. Арабско-русский словарь, М., 1957, стр. 819, гнездо слов от корня

قَصَّ).

³⁰ О. Г. Большаков. Два вакфа..., стр. 172.

но исследованиям О. Г. Большакова, составляло примерно 175 га³¹.

Приводим краткое описание территории внутри стены округа Ибн ал-Факихом: «А окружность его стены 12 фарсахов и в ней 12 ворот, от ворот до ворот фарсах. А на стене зубцы и башни для ведения войны. И эти 12 ворот деревянные, двустворчатые, а на некотором расстоянии от них имеются другие двое ворот и между этими двумя воротами жилище привратника. И когда пройдешь пашни, то окажешься в рабаде, в котором постройки. А рабад и орошенные земли занимают шесть тысяч джеривов. Стена окружает его рустаки и его сады и его парки и в ней эти 12 ворот... А что касается пространства внутри большой стены, то в ней есть реки и каналы»³².

Округа Самарканда кануна перехода власти к Караханидам описана Ибн Хаукалем. Границы округа совпадают с данными Истахри, но дополнительно дается направление стен. По Хаукалю, стена тянулась от «Согдийской реки»³³ в местности Афшина мимо ворот Кухак пока не обойдешь Варсанин, затем огибают ворота Фенек, ворота Ривдад, затем тянется до ворот Фаррухшид, дальше до ворот Гадавад и затем снова переходит к реке. Последняя является своего рода рвом для рабада с северной стороны. Размер окружающей рабад стены — два на два фарсаха»³⁴. Местом, откуда разрастается рабад и где сосредоточены все базары, является «голова свода». «К рабаду подходят базары, улицы и кварталы, а в свободных его местах расположены ровные пространства с замками и садами. За небольшим исключением нет ни одной улицы и ни одной усадьбы, где бы не было проточной воды,

³¹ О. Г. Большаков. Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв., КСИИМК, вып. 61, М., 1956, стр. 18.

³² А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 223.

³³ В. В. Бартольд переводит это предложение как «за рекой» (см.: В. В. Бартольд. Соч., т. I, М., 1963, стр. 138), а Е. К. Бетгер — как «с противоположного берега Согдийской реки» (см.: Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-ль-Касыма ибн Хаукаля, стр. 15), но более правильно мнение М. Е. Массона и О. Г. Большакова (см.: О. Г. Большаков. Заметки по исторической топографии долины Зеравшана, стр. 19), считавших берег Согдийской реки границей рабада. Это подтверждается приводимым ниже сообщением Ибн Хаукаля о северной границе рабада.

³⁴ Е. К. Бетгер. Указ. соч., стр. 15.

и лишь при немногих домах нет сада. Таким образом, если направить взор в сторону цитадели в городе, то взгляд не различит ее, так как она скрыта садами и деревьями, что возле домов и по берегам каналов»³⁵.

Этот текст показывает, что к городу, в широком смысле слова, относилась обширная площадь, заключенная внутри стены носящей ныне название «Девори кьемат». Местоположение этой стены описано В. Л. Вяткиным³⁶, схематический план приведен М. Е. Массоном³⁷. Судя по описанию, к концу X в. в стене было не 12, а 9 ворот. Однако запирающихся ворот, ни железных, ни деревянных, как описывал в середине столетия Истахри, уже не было, так как, по Ибн Хаукалю, они были сняты правителем «по причине происходивших здесь смут»³⁸. О том, что «смуты» эти были крупным выступлением самаркандцев против центральной власти, говорит факт сожжения «Больших ворот» шахристана, построенных затем из железа³⁹.

Территория, охваченная этой стеной, занимала площадь более 10 000 га. Вся эта площадь относилась к городу и в XII в. Сообщая о Даргоме, ал-Несефи говорит, что приходящая из Варагсара вода образует 4 канала, а по достижении ею городских ворот был устроен канал с двумя отводами, вода которых направляется в самаркандские «хаяты». В этом городе имеется восемь каналов, среди них упоминается Джуиарзиз, который подавал воду в шахристан. На этих каналах было устроено 680 плотин⁴⁰. Количество орошаемой земли в этот период по одному варианту рукописи составляло 4 600, по другому — 14 600 хаблей⁴¹. И та, и другая цифры значительны.

---

³⁵ Там же.

³⁶ В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета, Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 21.

³⁷ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4.

³⁸ Е. К. Бетгер. Указ. соч., стр. 15.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Кандия Малая, стр. 252—253. Анализ этого текста проведен В. В. Бартольдом (см.: В. В. Бартольд. Соч., т. I, М., 1963, стр. 140).

⁴¹ Хабл (хабль) — «канат» — мера для измерения площади, равная 40 локтям по 54,04 см или 21,616 м² (см.: В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему, М., 1970, стр. 72).

В то же время мы не имеем оснований считать рабадом всю эту огромную территорию в том значении, которое при- дается рабаду как социально-экономической составной части средневекового города. Значительная часть территории в опи- сываемых границах представляла собой редкую застройку сельского типа с садами и другими угодьями.

В какой-то мере это видно и из текста источников, выделяющих внутри стены пространства с пашнями, которые необходимо пройти, чтобы попасть в рабад, «в котором постройки».

В более узком смысле рабадом, как ремесленно-торговым пригородом, можно назвать густые застройки квартального типа с базарами, торговыми лавками и мастерскими ремесленников, занимавшими часть описанной выше площади к югу от шахристана, вдоль магистрального канала и его от- водов.

Непосредственно к югу от Кешских ворот располагался основной торговый центр Самарканда — рынок Самаркандского Согда, вероятно, распадавшийся на ряд специализиро- ванных базаров. Источники упоминают лавки менял, базар продавцов дров, тим паласов, лавки хлебопек, торговцев молоком, кварталы золотых дел мастеров, гончаров и др., а также многочисленные караван-сарай. Только в вакуфном документе Тамгач-хана Ибрагима перечислено 10 караван- сараев и огромное количество лавок, названных не по спе- циализации, а по именам владельцев. Описание границ кара- ван-сарая показывает, что некоторые из них со всех сторон окружались лавками⁴².

Наиболее плотной была застройка в районе Регистана, вдоль магистрального канала и его отводков. В отложениях канала найдена масса предметов, принадлежавших припасу гончаров, и бракованной керамики, свидетельствующих о бли- зости квартала керамистов. Следует отметить, что квартал гончаров размещался к востоку от Регистана вплоть до на- чала XX в. Вместе с керамикой найдены металлические и стеклянные шлаки и тигли стаканообразной формы, изготов- ленные из белой огнеупорной силикатной массы, со следами цветных металлов внутри.

---

⁴² М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4.

В караханидскую пору рабады были обведены специальной стеной и получили название «шахри бирун» — «внешний город». По мнению М. Е. Массона, его площадь совпадает с границами тимуридского хисара, т. е. Тимур в 1370—1371 гг. не строил новую стену, а лишь отремонтировал старую⁴³.

Археологические материалы и сведения письменных источников дают основание утверждать, что особенно густо были обжиты площади, лежащие к югу от шахристана вдоль отводов канала Даргом.

Раскрыт магистральный канал, а к востоку и западу от него — сеть небольших каналов и водоемов. Берега более крупных из них были облицованы жженым кирпичом и чупанатинским сланцем. Вдоль каналов проходили узкие дороги и тротуары, вымощенные булыжником. Здесь же вскрыты жилые дома, сложенные из сырцового и жженого кирпича караханидского стандарта. О густом обживании кварталов говорит и масса монетных, керамических, стеклянных и металлических находок XI—XII вв. из каналов.

Сбор материала на этой территории производился еще с конца прошлого столетия, преимущественно в связи с земляными работами. В. Л. Вяткиным была проведена большая работа по фиксации и эстампированию надгробных кайраков из района Чакардиза.

После Октябрьской революции были проведены археологические раскопки в зоне реставрации архитектурных памятников — медресе Шердор и Улугбека. Работа осуществлялась М. Е. Массоном⁴⁴, А. И. Тереножкиным⁴⁵, В. А. Булатовой, С. Н. Юреныным⁴⁶. Обследование западного рабады проводилось в 1940 г. А. И. Сухаревым⁴⁷, юго-восточная окраина

⁴³ Там же.

⁴⁴ М. Е. Массон. Регистан и его медресе, Ташкент, 1926; Он же. Падающий минарет, Ташкент, 1968.

⁴⁵ А. И. Тереножкин. Отчет о раскопках фундамента медресе Улугбека, Архив ГУОПМК Министерства культуры УзССР, инв. № 950.

⁴⁶ В. А. Булатова. Медресе Улугбека в Самарканде (стратиграфия культурных наслоений у южного фасада), ОНУ, Ташкент, 1969, № 3, стр. 46—47; С. Н. Юренин. Описание траншеи № 3, расположенной у южного фасада медресе Улугбека, Архив ГУОПМК Министерства культуры УзССР, инв. № С $\frac{1012}{10}$.

⁴⁷ А. И. Сухарев. Дневник археологических работ по расчистке бадрабов, рукопись, архив Республиканского музея истории культуры и искусств, инв. № 2.

рабада в связи с изучением Ишратханы исследовалась в 1940 г. Самаркандской археологической экспедицией⁴⁸. Некоторые наблюдения за планировочными работами на границе шахристана и рабада при реконструкции Ташкентской улицы были проведены в 1947 г. А. И. Тереножкиным. С 1968 г. работы были возобновлены Афрасиабской археологической комплексной экспедицией АН УзССР.

В раскопах к востоку от Афрасиаба была выявлена стратиграфия наслоений в данной части рабада. Первичное обживание территории относится к античной поре с VII в. до н. э., а последние этапы обживания — к VIII—IX вв., когда на крепостной стене выросли жилые дома рабада. Однако, отделенная от города, данная часть функционировала недолго и уже в IX в. начала постепенно хиреть. В последующие столетия жизнь здесь продолжалась в основном вдоль протока.

К северу от Афрасиаба рабад захватывал лессовые всхолмления, примыкавшие к Сиabu в районе северных ворот шахристана. Зачистки, проведенные здесь в 1968 г.⁴⁹, выявили два культурных слоя с остатками жилых и хозяйственных помещений с тазаром, оформленным перевернутым хумом с пробитым дном. В комнатах найдены обломки глазурованных сосудов, тонкостенный графин голубоватого стекла, железные ножи, бронзовые бляшки. В основном материалы относятся к IX—X вв., но сверху они перекрыты небольшим слоем караканидского времени.

В IX—XII вв. более плотно обживались площади к западу от Афрасиаба, по водным протокам Атчапар и Сиабча. Здесь И. А. Сухаревым зарегистрированы следы гончарного ремесла, связанного с производством глазурованной посуды⁵⁰. Культурные слои различной мощности выявлены на западе вплоть до территории древней загородной мечети Намазгох. Стратиграфическим шурфом на месте мечети выявлены материалы XI—XIV вв., в числе которых неполивные кувшины с прекрасным штампованным орнаментом XII в.

За северо-западной границей шахри-бируна располагалась загородная мечеть, где, по сообщению автора «Кандии»,

⁴⁸ Мавзолей Ишратхана, Ташкент, 1958.

⁴⁹ Обследование проведено Ю. Ф. Буряковым и Г. В. Шишкиной.

⁵⁰ И. А. Сухарев. Дневник археологических работ по расчистке бадрабов, Архив Республиканского музея истории культуры и искусств УзССР, ед. х. № 576.

было место для проведения праздничной молитвы. Раскопки его проводились еще в 1904 г. В. Л. Вяткиным, выделившим прямоугольник площади Намазгох размером 427×320 м, окруженный пахсовой стеной толщиной в 2 м. В центре михрабной стены были обнаружены следы монументальной постройки с полом, вымощенным жженым кирпичом, на котором лежали остатки разрушенных стен и декора с изразцами бирюзового, темно-синего, зеленого и белого цветов. Вдоль восточной стены были раскрыты остатки второго здания с уютом, сохранившимся на высоту до 1,5 м⁵¹. Датировка их неясна. Купол над михрабной частью, вероятно, относится ко времени после монгольского завоевания, однако в целом комплекс функционировал в караханидскую пору. Стратиграфическим шурфом 1968 г. на территории Намазгох открыты слои XI—XII вв.⁵²

---

⁵¹ В. Л. Вяткин. Отчет о раскопках, произведенных в октябре 1904 г. в местности Намазгох близ г. Самарканда, ИРКИСВА, СПб., декабрь, 1907, № 7, стр. 12—13.

⁵² Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков. Об археологических исследованиях на городище Афраснаб в 1967—1968 гг., сб. «Афраснаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 291.

БУХАРСКИЕ ВОРОТА СРЕДНЕВЕКОВОГО САМАРКАНДА

Из сообщений авторов X в.— Ибн ал-Факиха, ал-Истахри, Ибн Хаукаля и ал-Мукаддаси — известно о существовании четырех ворот в стене самаркандского шахристана. Все авторы, за исключением первого, сходятся и в наименовании ворот, и в их расположении относительно стран света, помещая Кешские на юге, Бухарские — на севере, Китайские — на востоке и Наубехарские — на западе¹. Ибн ал-Факих перечисляет ворота не определяя их местоположения, и, наряду с Кешскими и Китайскими, называет ворота Усрушаны и Железные². Поскольку сопоставление Усрушанских ворот с Бухарскими представляется единственно возможным, исследователи идут дальше и совмещают оставшееся «свободным» наименование Наубехарских ворот с Железными³.

Однако источники не допускают такого отождествления. В «Малой Кандии» Железные ворота упоминают в связи с описанием паломнического пути к мазару Кусамы ибн-Аббаса и в связи с первой мечетью, заложенной близ этих ворот по преданию самим Хызром и носящей имя Ходжа-Хызр⁴. Это же имя носит мечеть, ныне стоящая у места южных

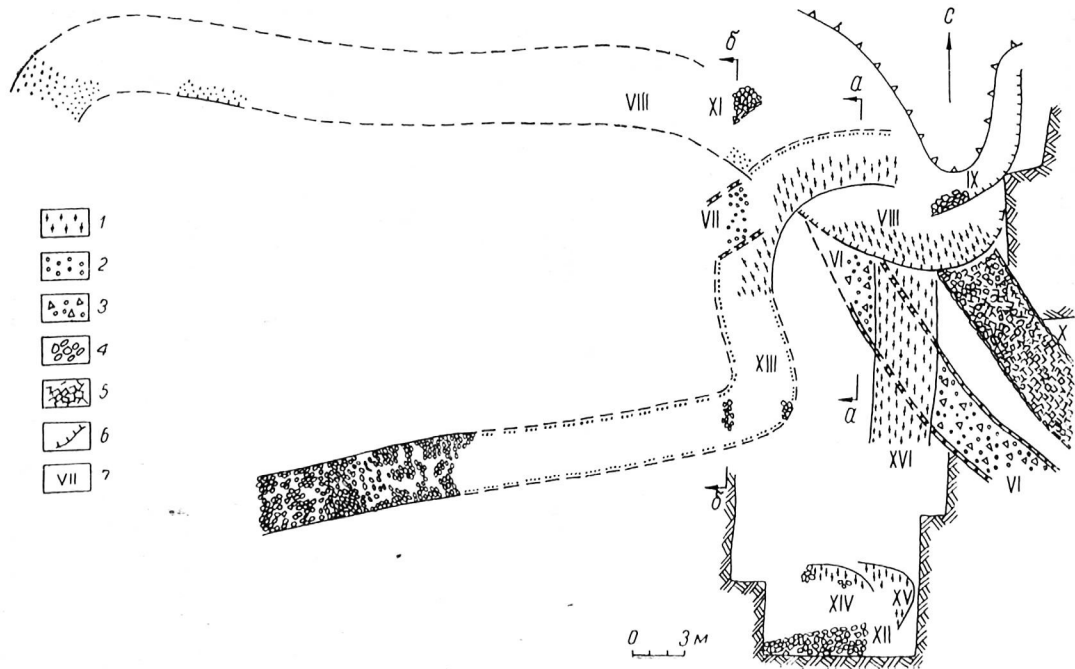
¹ BGA (Bibliotheca Geographorum Arabicorum), I, стр. 316; II, стр. 492; III, стр. 287.

² BGA, V, стр. 322.

³ О. Г. Большаков. Два вакфа Ибрагима Тамгач-хана в Самарканде, «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971, стр. 174, схема.

⁴ Кандия Малая, пер. В. Л. Вяткина, Справочная книжка Самаркандской области, вып. VIII, Самарканд, 1905, стр. 145, 246, 260.

Кешских ворот, что можно было бы считать простым совпадением, если бы не находившиеся здесь же ворота тимуридского города, называемые также Железными — Аханин.

По-разному исследователи определяют место Бухарских ворот, помещая их то в северо-западном углу городища, то на северо-востоке⁵.

Раскопочные работы 1968—1971 гг. на северной окраине городища дали материал для решения этого вопроса. В толще наслоений, местами достигающих 12 м, прослежены грунтовые и мощные дороги начиная от первых периодов жизни города в середине I тысячелетия до н. э.⁶ и кончая последним периодом XII — начала XIII вв. перед окончательным запустением территории Афрасиаба.

Все зафиксированные дороги (исключая одну раннюю), резко понижаясь, ведут изнутри города и подводят к самой городской стене. Прослежены крутые повороты многих дорог, а на двух из них — большие участки серпантинного спуска (рис. 1). И пучок дорог, подводящих к самому краю города, и начала серпантинных спусков — все говорит о существовании здесь городских ворот.

Одна из наиболее ранних средневековых дорог — грунтовая, подведившая к месту ворот с юга от Кешских (Больших

⁵ Ср.: В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 12; История Самарканда, Ташкент, 1969, стр. 43, схема; А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, рис. 1, 1 и рис. 92; Н. Б. Немцева (см.: Н. Б. Немцева. Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде, «Афрасиаб», вып. III, Ташкент, 1974, рис. 9) разместила северные ворота уже на основании археологических работ в квадрате 41/XVI.

⁶ Раскоп в квадрате 40×40 м 41/XVI. В работах принимали участие Е. Лушникова, Л. Павчинская, К. Алимов, С. Ибрагимов, Я. Амиров. Ранним периодам освоения этого участка города будет посвящена отдельная статья.

Рис. 1. Схема дорог, подводящих к северным воротам. Дороги до V, не нанесенные на план, относятся к ранним периодам; VI—VII дороги — IV—V—VII (?) вв.; VIII дорога—VIII—IX вв.; IX дорога — IX вв.; X дорога — X—XI вв.; XI—XII дороги — IX—X вв.; XIII—XVI дороги — XII — начало XIII вв.; XIV—XV дороги — XI—XII вв.

Условные обозначения:

1—полотно грунтовых дорог; 2—дорога, устланная гравием; 3—гравий и битая керамика; 4—крупная галька; 5—выстилка рваным сланцем; 6—обрыв над краем дороги; 7—номера дорог

или Железных) ворот (рис. 2), функционировала настолько долго, что на ее склоне успели скопиться чешуйчатые наслоения до 0,75 м толщиной. Затем полотно ее было вымощено гравием (рис. 1, VI; рис. 3, а—а, VI), смешанным с битой

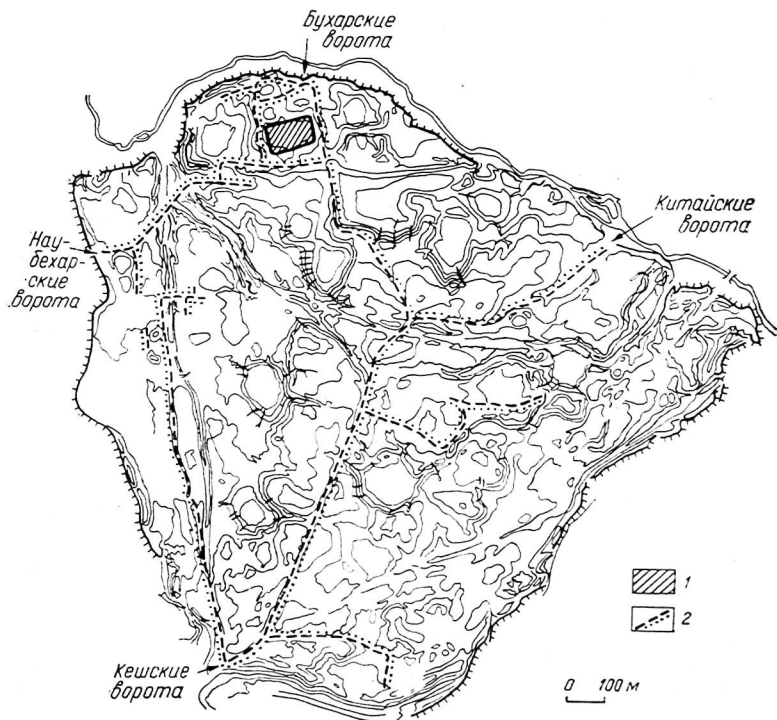

Рис. 2. Схема дорог на городище Афрасиаб. Условные обозначения:
1—соборная мечеть; 2—средневековые дороги, участки которых выявлены археологическими работами

керамикой, среди которой преобладают ножки кубков-ваз и конические крышки хумов. Тот же материал в небольшом количестве встречен и в соответствующих по времени прилегающих к дороге слоях.

С западной стороны к воротам вела улица, несколько пе-

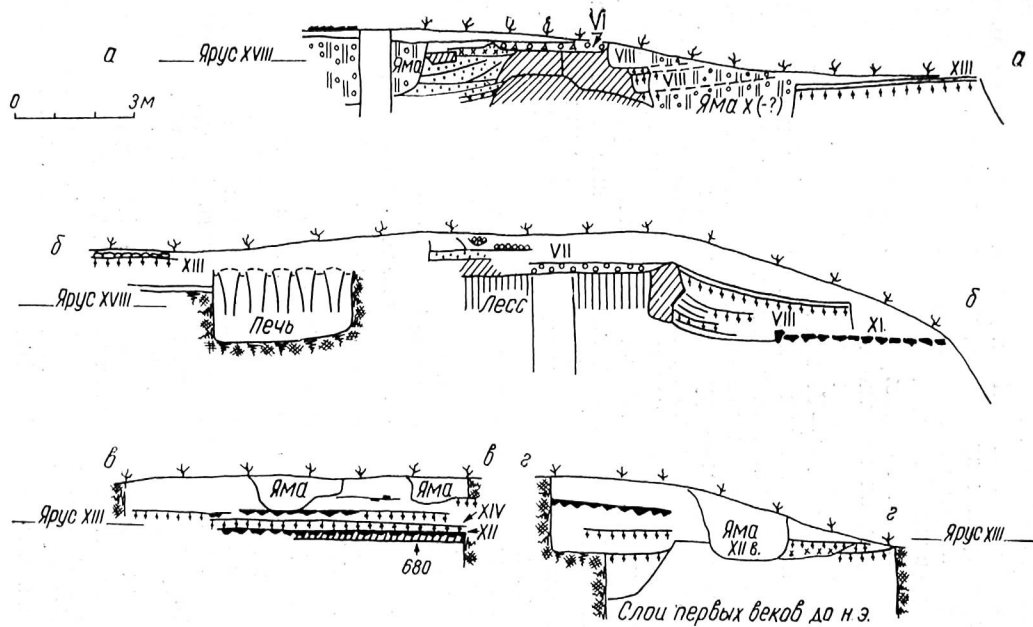

Рис. 3. Разрезы. Эспликацию см. на рис. 1 и 4. Трехзначная арабская цифра — высотная отметка от репера

ремещавшаяся время от времени и дважды мощенная гравием (рис. 3, б—б, VII).

В VIII — начале XIII вв. дороги проходили вдоль построек, от которых сохранились, в лучшем случае, лишь остатки стен. Но значительное количество колодеобразных ям разного назначения (бадрабы, ташнау) свидетельствует о плотной заселенности этого пространства. Причем, по мере перемещения дорог, их полотно то перекрывалось новыми сооружениями, то проходило над руинами домов.

Для периода VII—VIII вв. здесь фиксируются лишь три бадраба и незначительное количество керамики в перемещенных слоях. Бадрабы разновременны, в раннем из них найдены кружки, обсыпанные слюдой, с оттисками изображения граната, в другом — кружки со срезами по плечу.

В более позднем по времени бадрабе кружка со срезами по плечу сопутствуется маленькой кружкой с рельефным пояском и горлом маленького кувшинчика, расписанного черной краской. Там же найдены стеклянные зеленовато-голубые сосуды: цилиндрическая банка с косыми рельефными полосками и две толстостенные рюмки на коротких толстых ножках с дисковидным поддоном.

Все находки определяются по аналогии с датированными комплексами из северо-западного квартала концом VIII — началом IX в. При этом, случай находки расписанного черной краской кувшинчика наиболее ранний. Как долго функционировали гравийно-керамические дороги (VI, VII) трудно сказать, но вполне вероятно, что они служили вплоть до прихода арабов.

Новое строительство, ознаменовавшее возрождение Самарканда в VIII в., отразилось и в реконструкции городских коммуникаций. Со стороны бывшего капища идолов, превращенного в мечеть, к городским воротам вела дорога (VIII), проходившая, видимо, вдоль западного фасада мечети, занимавшей тогда значительно меньшую площадь, чем здание мечети XII в. Круто повернув затем вдоль городской стены на восток с наклоном около 5°, все больше и больше врезаюсь в древние слои, дорога переходила в серпантинный спуск. На первом крутом повороте серпантина она шла уже под обрывом, от которого сейчас сохранился срез на высоту до 1 м (рис. 3, а—а, б—б, VIII).

В разрезе полотно дороги видно в виде тонких прослоек тонкодисперсной глины, перемежающихся с крупинками песка. Дорога и вертикальный срез над крутыми поворотами неоднократно ремонтировались (рис. 3, а—а, VIII). Вдоль южного внутреннего среза при трех последовательных ремонтах укладывались горизонтальные пласти пахсы толщиной 15—18 см, шириной 10—16 и 34 см, между которыми настлался слой камыша, а другой участок обрыва был укреплен пахсовой кладкой, врезанной в дорожные наслоения (рис. 3, б—б, VIII).

В X в. всю площадь между северной стеной мечети и городскими воротами начали осваивать ремесленники со своими мастерскими и лавками, подступившими к самым стенам мечети⁷. От жилых построек близ городских ворот до нас дошла подземная комната, прорезавшая рыхлые зольно-гумусные слои и оттого обвалившаяся. Рыхлый грунт потребовал укрепления ступеней и нижних частей стенок комнаты возведением с двух сторон от входа суфы из жженого кирпича. В заполнении помещения найдены фрагменты полусферической чаши, расписанной зеленовато-голубой сеткой с точками в ячейках по непрозрачной белой глазури, и чаша диаметром около 33 см со слегка выделенным изгибом и наклонным бортом на дисковидно вогнутом поддоне. Черная роспись по белому ангобу дополнена легкими красными штрихами. Строгая орнаментация чаши состоит из пересекающихся через центр нитевидных полосок с измельченной простейшей имитацией надписи; в четырех секторах край украшен параллельными отрезками фестончатой и нитевидной полосок и двумя короткими отрезками такой же имитации, выполненной красной краской.

Еще ближе к дороге располагались некогда связанные с постройками ташнау (3) и бадраб (2; см. рис. 4). Материал из обеих колодцевидных ям близок по времени и представляет продукцию, типичную для X в.: сосуды, орнаментированные трехцветными потеками, чаша, украшенная растительным узором, нанесенным тонкой линией — «резервом» на точечном фоне, широкогорлый небольшой кувшин с двумя кольцевыми ручками, покрытый белым ангобом и бесцветной

⁷ Мастерская X в. с маленьким горном и железными шлаками расчищена Н. А. Аванесовой неподалеку от северо-восточного угла мечети.

глазурью, единственным декором которого является зеленая полоса с потеками на венчике. Вместе с керамикой в бадрабе 2 найдены две монеты 306 г. х. (918/919 гг.).

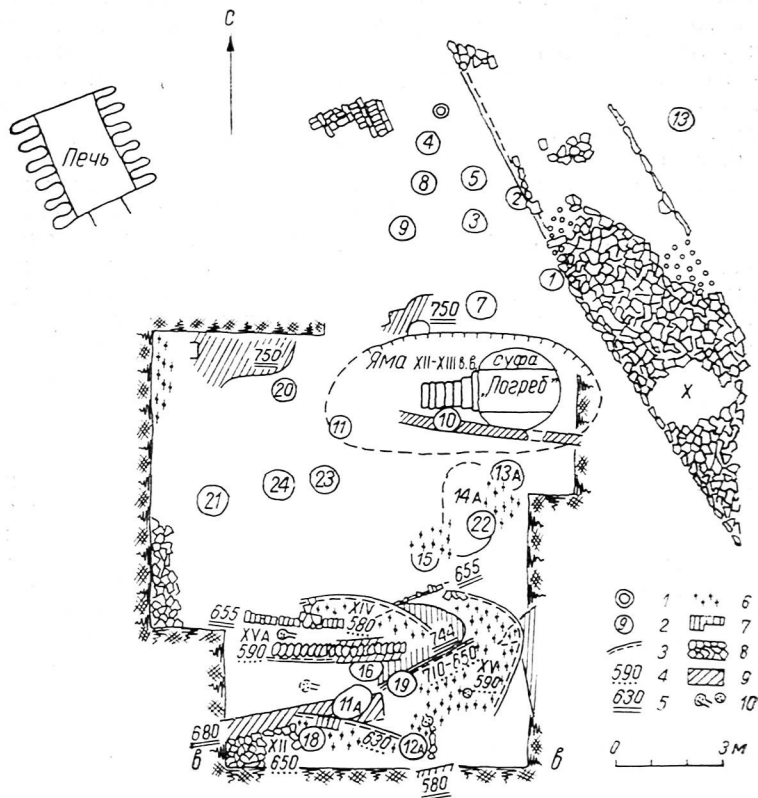

Рис. 4. План южной части раскопа 41/XVI. Условные обозначения:

1—тандыр; 2—бадрабы и ташнау; 3—края дорог; 4—высотная отметка от репера уровня дороги; 5—высотная отметка основания стен; 6—грунтовое полотно дороги; 7—кладка или выстилка жженым кирпичом; 8—выстилка рваным сланцем; 9—стены; 10—горны

Дороги этого периода определяются с трудом. Вероятнее всего, в IX—X вв. функционировали дороги IX, XI, XII, а в конце периода было проложено новое мощеное рваным слан-

цем полотно дороги X. Лежащая под 20—30-сантиметровым дерновым слоем дорога X подходила к воротам с юга, проходя вдоль восточной стены соборной мечети, оставляя по другую сторону цитадель и большую впадину. Она неоднократно подвергалась ремонтам; выбоины заполнялись гравием и тщательно трамбовались. Находка маленького осколка сосуда, покрытого голубой глазурью, и соотношение уровней мощеных и грунтовых, наиболее поздних дорог, позволяет отнести последний этап функционирования мощеной дороги X ко времени не позднее первой половины XII в.

В XI в. почти вплотную к городским воротам подступили сооружения гончаров и кирпичников.

Под дорогой XII в. вскрыты остатки обжигательной печи. Сохранившаяся топка с выводящими в обжигательную камеру боковыми продухами заглублена относительно современной печи поверхности на 1,5 м. На основании размеров топки (3,2×1,8 м) восстанавливаются размеры верхней обжигательной камеры, занимавшей площадь около 4×4 м. Топочная камера выложена фигурной кладкой из кирпича 31×17,5×4,5 см чередованием трех рядов, уложенных постелью, и рядом кирпичей, поставленных на торец.

При расчистке печи найдены переобожженный кубур и фрагменты двух чаш: одной — типа тарелки с имитацией надписи, нанесенной коричневой краской на белый ангоб под слегка зеленоватой глазурью, и другой — конической на кольцевом поддоне, сплошь покрытой белым ангобом. Орнамент конической чаши состоит из широкой полосы искаженной надписи — непрерывного повторения слова «ал-мадд», выполненной резервом на фоне, закрашенном чередованием оливкового и красного цветов. Остальное пространство чаши заполнено плетением широких лент.

Назначение печи как кирпичеобжигательной определяется и ее конструкцией, имевшей, видимо, только боковые жаропроводящие каналы, и находками бракованного кирпича в соответствующих слоях в окрестности печи.

Большое количество обломков жженого и деформированного пережженного кирпича содержалось в заполнении ташнау 15, перекрытом дорогами XII в. В слое мощеной дороги, современной печи (рис. 3, г—г), встречен жженный кирпич размером ?×17,5×4,5 см и куски оплавленного лесса, достигавшие размеров 25×20 см.

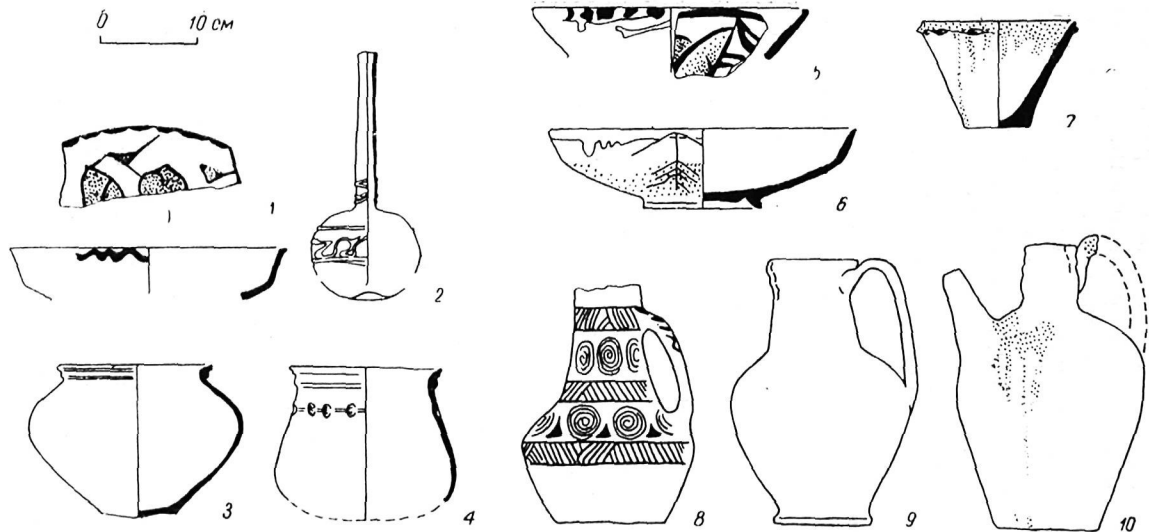

Рис. 5. 1 — фрагмент глазурованного сосуда из ташнау 3; 2—4—керамика из ташнау 5; 5—10 — керамика из ямы XII—начала XIII вв.

К востоку от печи располагались рабочие и жилые помещения, в сточные колодцы которых попадали куски спекшихся кирпичей и оплавленных лессовых обмазок. В это время заполнялись бадраб 11, ташнау 5, 13А и верхние части бадрабов IX в.— 2 и 3. В ташнау 3 сброшены большие комья деформированного кирпича, размеры одного из которых примерно восстанавливаются $28(?) \times 14,5 \times 4,5(?)$ см. Найденный здесь же жженный кирпич $31 \times 17,5 \times 5$ см соответствует формату кирпича в кладке печи, а фрагмент глазурованной чаши (рис. 5, 1) синхронен керамике из печи. Время заполнения ям ташнау определяется находками в них, но дата ташнау 5 уточняется еще и стратиграфически, что имеет значение для установления времени начала широкого распространения голубой (бирюзовой) глазури, которое исследователи склонны относить к XII в. Уровень, от которого ташнау 5 опущен, лежит под выстилкой с тандыром XII в., которая в свою очередь перекрыта грунтовой дорогой XII — начала XIII вв. Тем самым, большую чашу с вертикальным бортом, покрытую зеленой глазурью по белому ангобу, и чашу типа пиалы под яркой зеленовато-голубой (бирюзовой) непрозрачной глазурью из ташнау 5 по стратиграфическим соображениям нельзя отнести ко времени позднее второй половины XI — начала XII вв. В том же ташнау найдены желтоватый стеклянный сосуд с узким горлом, украшенный накладной нитью и тремя или четырьмя сине-зелеными пятнами, широкогорлый деформированный сосуд и керамический котелок (рис. 5, 2—4).

На участке близ ворот выявлено большое число уровней грунтовых дорог, полотно которых сохранилось обрывками из-за слишком высокого их расположения под дерном и даже в дерновом слое, а также из-за сильной нарушенности ямами XII — начала XIII вв.

Значительная часть позднейших дорог (XIII, XIV, XV, XVI) должна быть отнесена к XII — началу XIII вв. И в этот период, как и в предшествующие, но значительно чаще, дороги меняли свое ложе, что объясняется недолговременным характером сооружений, частыми перемещениями ремесленников, обосновавшихся в этом районе города.

Дороги XIV и XV перекрывают постройки с пахсовыми стенами около 1,5 м толщиной, вдоль которых пролегли улицы (рис. 4, стена с отметкой 744 и дорога 710—650), а зна-

чит, несмотря на сложность рельефа перед спуском к воротам, застройка здесь была такой же плотной, как и в других кварталах города.

В XII в. картина несколько меняется, отдельные участки перед воротами то пустуют, то снова застраиваются. Простирающаяся южнее исследуемого участка огромная площадь в части, непосредственно прилегающей к мечети, в XII в. была занята широкой галереей в несколько пролетов, под крышей которой действовали мастерские, тут же у стен мечети реализовавшие свою продукцию. Судя по находкам, сделанным здесь Ю. Ф. Буряковым и Н. А. Аванесовой, преобладающим родом занятий ремесленников, занявших столь выгодные позиции, была обработка железа. Мастера, не имевшие возможности получить место в непосредственной близости от мечети, старались обосноваться хотя бы в этом районе и занимали любой свободный участок поблизости.

На заброшенном отрезке дорог XV и XVI ремесленники установили свои горны. Сами постройки не дошли до нас, но горны, видимо, определяют расположение двора и примерные его размеры (не менее 5×5 м). Два горна (западные) стоят на верхнем уровне наслоений дороги XVI, а два других (восточные) врезаны в слой дороги XV на 0,3 и 0,4 м. Стенки одного из горнов выложены из жженого кирпича, два других — керамические (типа тандыров), четвертый сильно разрушен и восстановлен на основании скопления горелых обзоров и двух поставленных ребром жженных кирпичей, как и в другом случае, укреплявших сопло.

Кроме двора с горнами в это время существовали и другие постройки, от которых до нас дошли только ташнау (20—24) и яма (14А). Преобладающий материал в ташнау, позволяющий определить дату, — сосуды, покрытые голубой глазурью, и кухонные котлы, расписанные красными полосами.

Обживание этого района в XII в. ремесленниками подтверждается находками в ташнау 20 и 23 комьев оплавленного лесса и обломков спекшихся кирпичей вместе с фаянсовой (кашинной) и глиняной керамикой под голубой глазурью, с сосудами глазурованными по светлому ангобу только изнутри и украшенными с тыльной стороны красно-фиолетовой полосой.

Сепая и чаши, извлеченные из ямы, прорезавшей дорогу X, ангобированные и расписанные, но еще не глазурованные и прошедшие только первый обжиг, указывают на продолжавшуюся поблизости работу гончарной мастерской. А кусок сургучно-красной стекловидной массы, спекшейся с тиглем, говорит о существовании иного рода мастерских, профиль которых определить на основании такой находки затруднительно (металлообработка, стеклоделание).

Севернее мастерских с горнами располагалась постройка, вероятно, примыкавшая к дороге X. В мощеном жженым кирпичом (30×17 — $19,5 \times 4,5$ — 5 см) дворе помещался «тандыр», сформованный при помощи рубчатой колотушки, оставившей на внутренней поверхности стенки следы в виде крупной сетки. Основание «тандыра» лежало на $0,35$ см ниже выстилки пола. Сопоставление его с двумя заглубленными горнами позволяет и в этом устройстве предположить то же назначение.

Остатки описанных мастерских перекрыты еще одной грунтовой дорогой последнего периода жизни на Афрасиабе. 10 — 15 -сантиметровые наслоения дороги, к тому же частично разрушенные корнями дернового покрова, показывают, что эксплуатировалась она не один год.

С юго-востока к воротам подводит еще одна дорога с двумя резкими поворотами. В верхней (восточной) своей части она выстлана крупной галькой. Полотно дороги лежит на полуметровом слое рыхлой земли, а еще ниже залегают зольные и гумусные слои, насыщенные сильно перемещанной керамикой — от древней (краснолощенной) до сосудов VII (?) в. н. э.

В период последней реконструкции соборной мечети близлежащая пристенная полоса города, включая и прилегающий к городским воротам участок, была перерыта ямами, из которых брали землю и где, возможно, затворяли растворы. По окончании работы ямы за ненадобностью были засыпаны строительным мусором, а изрытый участок города опять приведен в порядок.

В яме, оказавшейся над «погребом» X в. (рис. 4) и заполненной кусками строительного раствора, обломками жженого кирпича и золой с обгоревшими костями животных, найдены немногочисленные почти целые сосуды (рис. 5, 10): кувшин из жаростойкой массы с примесью дресвы, видимо, предназ-

начавшийся для кипячения воды (тип современного кумгана), но использованный иначе, так как на нем нет следов копоти (рис. 5, 9); сосуд, напоминающий современный цветочный горшок с венчиком, оформленным слабыми вмятинами и украшенный полосой жухлого красного ангоба с потеками (рис. 5, 9—10); чаши, покрытые только внутри непрозрачной бирюзовой глазурью, часто с полосой фиолетово-красного ангоба на тыльной стороне, а в одном случае дополнительно орнаментированной процарапанными елочками (рис. 5, 6); кувшин для воды с трубчатым носиком (рис. 5, 10) и лепной кувшин, расписанный красно-бурой краской (рис. 5, 8).

Серия ям нарушила вышедшее к тому времени из строя полотно мощеной дороги X. Оконтуриваются врезанные одна в другую ямы с трудом, и последовательность их появления не восстанавливается. В них выявлена группа неглазурованных сосудов и крышек для котлов, преимущественно плоских, изредка полусферических, украшенных концентрическими процарапанными бороздками и насечками. Монолитные ручки крышек оформлены фестончатыми вмятинами по краю.

Глазурованная посуда представлена чашами с изгибом стенки, образующим слегка наклонный борт, на поддоне с кольцевым вырезом. Крупный орнамент, выполненный процарапанными, часто двойными линиями, заполнен многоцветными крапинами, нанесенными на кремоватый ангоб. Ядовито желтая глазурь, покрывающая внутреннюю плоскость чаш, на тыльной стороне захватывает только борт. На неангобированную и неглазурованную поверхность сосуда нанесена широкая фиолетово-красная полоса (рис. 6).

К последней реконструкции мечети следует отнести попавшиеся в яме фрагменты облицовочных кирпичиков, покрытых белой, голубой и фиолетовой глазурью, а также обильные находки фигурного кирпича и резной терракоты на склонах позднейшей городской стены и в мощных отвалах, вскрытых М. Почосом восточнее раскопа 41/XVI. Здесь и полукруглые кирпичики наборных полуколонок, и фрагменты больших плит с геометрическим плетеным узором, выполненным глубокой резьбой, и клинчатый кирпич размером $30 \times 20 \times 24 \times 5,5$ см, и нестандартные формованные и распиленные облицовочные кирпичи.

Все эти находки⁸ могут датироваться второй половиной XI — первой половиной XII вв. Такая дата для глазурован-

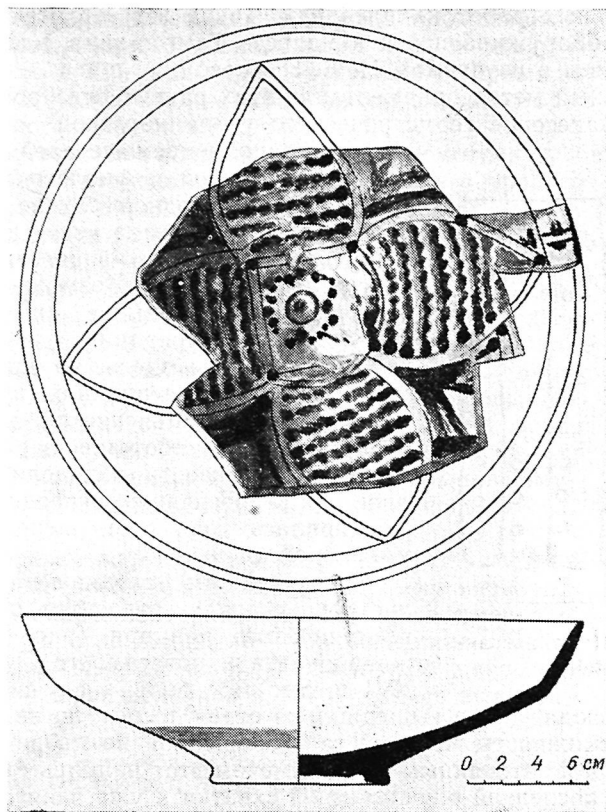

Рис. 6. Сосуд из ямы, прорезавшей дорогу X

ного и архитектурного декора устанавливается работами на цитадели Афрасиаба и при исследовании медресе на терри-

⁸ Следует оговорить, что сопровождающая архитектурные детали керамика относится к более позднему времени, когда декор снимали при очередной реконструкции.

тории Шахи-Зинда. На участке, вскрывавшемся под наблюдением М. Пачоса, обломки таких глазурованных плиток уже вторично использованы в ремонтных кладках последних строительных работ на цитадели. Такие же архитектурные детали обнаруживались и в медресе Тамгач-хана, идентифицированном и изучаемом Н. Б. Немцевой.

Обычный метод орнаментации этих ранних глазурованных плит — нанесение геометрического узора нарезкой с последующим заполнением деталей рисунка

белой, голубой и фиолетовой глазурью. Только в одном случае в медресе найдена плитка, на которой употреблена серовато-синяя, довольно светлая глазурь. Возможно, это один из первых опытов применения кобальта в глазуровании.

Появление же здесь, на краю города, отвалов, содержащих архитектурные детали, объясняется широкими ремонтными работами на расположенных поблизости цитадели и мечети, когда последняя очередной раз расширялась за счет перенесения михрабной стены.

К позднейшим находкам на исследуемом участке относится обрывок пластинчатого панциря (рис. 7), лежавший на поверхности дороги XVI в. Это мог быть и случайно попавший сюда, давно вышедший из строя доспех, но не исключена возможность, что вместе с брошенной во дворе мечети кольчугой и затерянным там же мечом этот панцирь был свидетелем последней ожесточенной схватки в уже занятом войсками Чингиз-хана городе.

Представшее в результате раскопочных работ к северу от соборной мечети сплетение множества разновременных дорог, их направление «в лоб» к городской стене, наметившиеся серпантинные спуски для некоторых из них — все это с достаточной очевидностью подтверждает существование здесь городских ворот. Поскольку же у нас нет оснований сомневаться в достоверности источников относительно общего чис-

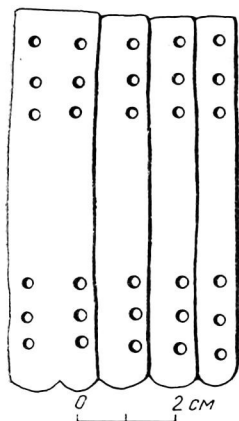

Рис. 7. Пластины панциря.

ла ворот шахристана и их ориентации, то остается признать вновь открытые ворота Бухарскими.

Можно усмотреть лишь одно несоответствие с источником — это упоминание Ибн Хаукалем, побывавшим в Самарканде, возвышенного расположения только одних Китайских ворот, в то время, как именно открытые северные ворота стоят высоко над поймой Сиаба, для спуска к которому требовался многоступенчатый серпантин⁹.

Несоответствие устраняется при рассмотрении места расположения Китайских ворот, выявленных в процессе небольших зачисток в районе мазара Ходжа Даниара¹⁰. Наличие ворот на месте нынешнего оврага определяется подводящими сюда путями, функционировавшими на протяжении всей истории города. В средневековый период сюда вела вымощенная сланцем дорога, ответвлявшаяся от центральной магистрали, пересекавшей город в меридианальном направлении. Восточные, Китайские ворота, место которых теперь прочно определилось, вопреки источнику лежат довольно низко и дороги подходят к краю города почти без уклона. Остается предположить, что Ибн Хаукалю, писавшему свой труд спустя какое-то время после путешествия и помнившему о серпантине, все же изменила память, и он «ступенчатый» спуск сместил на восток.

В перечне ворот у ал-Факиха следует усмотреть ошибку. Зная число ворот, он из известных ему названий наугад¹¹ выбрал четыре, повторив при этом два наименования южных ворот и упустив западные — Наубехарские, место которых было верно определено В. Л. Вяткиным¹², что подтвердилось зачисткой, произведенной в 1970 г. Здесь выявлены полумет-

⁹ ВГА, II, стр. 492; Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-ль Касыма ибн Хаукаля, Труды САГУ, «Археология Средней Азии», вып. IV, Ташкент, 1957, стр. 15.

¹⁰ Работы велись под руководством Ю. Ф. Бурякова при участии Э. Ю. Буряковой и Л. В. Павчинской.

¹¹ Подтверждением тому, что средневековые авторы или их информаторы путали названия ворот, служит их перечень в одной из рукописей: Большие, Китайские, Усрушанские и Железные (см.: А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 223, примечание 23). Здесь фактически представлены три наименования одних и тех же ворот — южных и одно из названий северных.

¹² В. Л. Вяткин. Афраснаб — городище былого Самарканда, стр. 5, схема.

ровые наслоения грунтовой дороги, лежащей на песчаных наносах древнейшего естественного протока и перекрытых мощеной, а затем затянута грязью улицей.

До сих пор исследователи определяли положение ворот Самарканда (за исключением южных), сообразуясь лишь с субъективными представлениями об особенностях рельефа городища, не всегда считаясь даже с ориентацией, в отношении которой согласны все источники. О. Г. Большаков¹³ размещает Железные и Бухарские ворота в согласии с В. Л. Вяткиным, но переносит Китайские в понижение юго-восточной цитадели, где В. Л. Вяткин располагал ранние ворота, не входящие в число четырех¹⁴. В многотомном труде по этнографии Наубехарские ворота оказались на северо-западе городища, а Бухарские — к юго-востоку от цитадели¹⁵ (там, где Китайские по О. Г. Большакову). В. А. Шишкин сдвинул Наубехарские ворота к югу, в центр западного фаса городской стены, туда, где до недавних пор в рельефе за выступом стены четко прослеживалось подобие пандуса¹⁶. В коллективном труде, посвященном многостороннему рассмотрению истории среднеазиатского города, на одной из схем Наубехарские ворота обозначены в северо-западном углу городища, а на другой они перемещены на восток, туда, где их размещал В. Л. Вяткин, а на их месте оказались Бухарские, в то время как Бухарские в одном случае «вытесняют» Китайские ворота¹⁷. Неверное отождествление Железных ворот с Наубехарскими привело к ошибке в размещении медресе Тамгач-хана на северо-западе города¹⁸, где оно никоим образом не могло находиться, поскольку медресе совершенно четко лока-

---

¹³ О. Г. Большаков. Два вакфа Ибрагима Тамгач-хана в Самарканде, стр. 174.

¹⁴ В. Л. Вяткин. Афраснаб — городище бывшего Самарканда, стр. 11.

¹⁵ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, М., 1962, стр. 61.

¹⁶ В. А. Шишкин. Афраснаб — сокровищница древней культуры, Ташкент, 1966, стр. 7.

¹⁷ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, рис. 1, I, 92.

¹⁸ Там же.

лизуется свидетельством источника¹⁹, подтвержденным археологическими исследованиями²⁰.

Сосредоточение почти всех трех ворот внешней стены шахристана средневекового Самарканда в северной половине городища, надо полагать, объясняется условиями сложения города, начавшегося именно на этой территории.

Устойчивость топографической основы города, обязанная сложному рельефу местности, сказалась и в устойчивом местоположении городских ворот. Независимо от колебаний размеров обживаемой площади в разные периоды основные магистрали сохраняли свое направление на протяжении всей истории города, определяя, тем самым, место ворот, топографию которых сейчас можно считать установленной.

---

¹⁹ А. А. Семенов. К вопросу о датировке Рабат-и Малик в Бухаре, Труды САГУ, Новая серия, XXIII, Гуманитарные науки, кн. 4, Ташкент, 1951, стр. 26. Ср.: M. K h a d r. Deux actes de waqf d'un Qarahaniide d'Asie Centrale, Journal Asiatique, t. CCLV, Paris, 1957, p. 331. Переводчик вместо «хадид» — «железный» неверно читает «джадид» — новый. На ошибку указал О. Г. Большаков.

²⁰ Н. Б. Немцева. Шахи-Зинда. К истории ансамбля и исторической топографии юга Самарканда, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1972, стр. 10—12; Она же. Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде (из археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда), сб. «Афрасиаб», вып. III, Ташкент, 1974, стр. 127.

В керамическом производстве Самарканда IX—XII вв. немаловажное место занимало изготовление кухонной посуды. Изучение ее в настоящий момент находится в начальной стадии. И. А. Ахраровым написаны две специальные статьи о кухонной керамике Ферганы IX—XII вв.¹ В 1951 г. В. И. Ездаковым² и в 1963 г. Ф. А. Бурнашевой³ опубликованы статьи, посвященные химико-технологическому анализу кухонной керамики.

В свое время В. Л. Вяткин обращал внимание на котлы, найденные им на Афрасиабе, и отмечал, что они «имеют довольно закругленное, плоское дно, несколько выпученные бока...»⁴. Однако датировки этих котлов он не приводит.

А. И. Тереножкин описывал котлы IX—X вв., найденные на Афрасиабе⁵. Н. Н. Вактурская изучала кухонную керамику

---

¹ И. А. Ахраров. Кухонная керамика Ферганы IX—X вв., ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 127; Он же. Кухонная керамика Ферганы XI—XII вв., ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1967, стр. 146.

² В. И. Ездаков. Об изготовлении жаростойкой посуды в древнем Самарканде, журн. «Природа», М., № 8, 1951, стр. 74.

³ Ф. А. Бурнашева. К вопросу использования химико-технологических методов при изучении бытовой керамики средневековья, ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1964, стр. 168.

⁴ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 36—37.

⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 153—154.

ку Хорезма⁶. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич опубликовали кухонную посуду поселений и городов Южного Казахстана⁷.

Настоящая работа посвящена кухонной керамике Самарканда IX—XII вв.⁸ Статья написана по материалам археологических исследований, проводившихся в 1968—1971 гг. кафедрой археологии ТашГУ и Институтом археологии АН

Рис. 1. Керамический котел IX—X вв.

УзССР в квартале гончаров X—XII вв., расположенном в центре городища, между второй и третьей оборонительными стенами. Кроме того, были использованы материалы, добытые В. Д. Жуковым в 1959—1960 гг. при вскрытии гончарной мастерской XII — начала XIII вв., расположенной к юго-за-

⁶ Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVIII вв.), Труды ХАЭ, т. IV, М., 1959, стр. 284—285, рис. 3, 4.

⁷ Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, Труды ИИАЭ АН КазССР, т. V, Алма-Ата, 1958, стр. 32.

⁸ Авторы приносят глубокую признательность Н. И. Крашенинниковой за искреннюю помощь при написании данной работы.

паду от третьей городской стены, и привлечены археологические коллекции Музея истории Самарканда.

Первым объектом исследований был холм, расположенный в юго-восточной части Афрасиаба, в пределах четвертой крепостной стены, недалеко от современного мусульманского кладбища. Здесь обнаружены руины двух жилых домов, включающих в себя несколько десятков помещений. Особенно богатый комплекс кухонной керамики был получен на объекте, условно названном нами «восточным домом».

Здесь вскрыто пять помещений, которые, судя по находкам, являлись хозяйственной частью некогда существовавшего дома. В трех из них обнаружены очаги, сложенные из жженных квадратных кирпичей. В одном случае рядом с очагом обнаружен один целый котел (рис. 1) и три котла в фрагментах. В этом же помещении обнаружены фрагменты терракотовых очажков, богато украшенных различными штампованными и резными орнаментами. В целом в «восточном доме» найдены фрагменты более 10 терракотовых очажков. В парадных помещениях «западного дома» кухонная керамика встречается очень редко.

Кухонная керамика с раскопа представлена котлами и двумя экземплярами жаровен-сковородок. Котлы изготовлялись из хорошо отмученной глины, включавшей большой процент различных примесей-отошителей. После обжига они приобретали темно-пепельный цвет. Состав глины, из которой изготовлялись самаркандские котлы XII—XIII вв., был определен В. И. Ездаковым: «...Кварца дробленого с величиной зерна 0,5—2,0 мм — 40,20%, смеси чупанатинской сухой глины и пылевидного лесса — 59,80%»⁹. Эти данные, вероятно, применимы и к котлам IX—XI вв., так как сырье в эти периоды брали в той же местности.

Для каждого центра керамического производства характерны различные виды отошителей. Так, например, для Хульбука характерен шамот¹⁰, для Ферганы¹¹, Хорезма¹² и Нуке-

⁹ В. И. Ездаков. Об изготовлении жаростойкой посуды в древнем Самарканде, стр. 74.

¹⁰ Э. В. Сайко. Технология керамики средневековых мастеров, сб. «Археология и естественные науки», М., 1965, стр. 163.

¹¹ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка, Фрунзе, 1962, стр. 114.

¹² Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), стр. 284.

та¹³ — дресва и т. д. Встречаются котлы, изготовленные из глины розового цвета с очень малым количеством кварца, поэтому тесто относительно легко поддавалось формовке. Готовый котел покрывался с обеих сторон красным ангобом.

Самаркандскими мастерами в качестве отощителя часто употреблялись и органические вещества — рубленая солома, пух камыша и др.¹⁴, которые после выгорания образовывали поры. Органические отощители предохраняли сосуды от растрескивания во время сушки, а также облегчали сосуды.

Преобладающее большинство котлов с раскопа обнаружено во фрагментах, но встречаются и целые котлы. Все они разделены нами по форме на три типа. Всего на раскопе были обнаружены фрагменты более 60 котлов, что составляет почти 20% от всей керамической продукции на раскопе. Котлы разных размеров — от миниатюрных (игрушечных) до крупных, с диаметром венчика в 25 см и объемом от 3000 см³ до 9000 см³.

Почти все котлы изготовлены на гончарном круге (обнаружено всего 4 фрагмента лепных котлов). Снаружи, а часто и с внутренней стороны, они покрыты серым ангобом. В средней части корпуса стены толстые, ближе к венчику и донцу — тоньше. В целом толщина стенок колеблется от 0,3 до 0,6 см. Аналогичная картина наблюдается и в кухонной керамике IX—X вв. Ферганы¹⁵.

Котлы с Афрасиаба украшались редко, в основном процарапанными волнистыми линиями по шейке, одинарными, двойными и тройными линиями насечки, а иногда и очень простыми налестками в виде небольших лепешек. Котлы этого периода характеризуются сложной профилировкой стенок, придающей котлам красивую и строгую форму.

70% кухонных котлов представлено котлами первого типа, 10% — второго типа и 20% — третьего типа.

Котлы первого типа имеют крупное шаровидное тулово с рельефно выделенным венчиком, отогнутым наружу, округлым дном и двумя или тремя ручками-налестками (рис. 2, 1—5,

¹³ Ю. Ф. Буряков. Новые археологические данные о городище Улькан Той-Тюбе (шахристан Нукета), «Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН УзССР, кн. 6, Ташкент, 1963, стр. 259.

¹⁴ Э. В. Сайко. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв., Душанбе, 1968, стр. 33—34.

¹⁵ И. А х р а р о в. Кухонная керамика Ферганы IX—X вв., стр. 126.

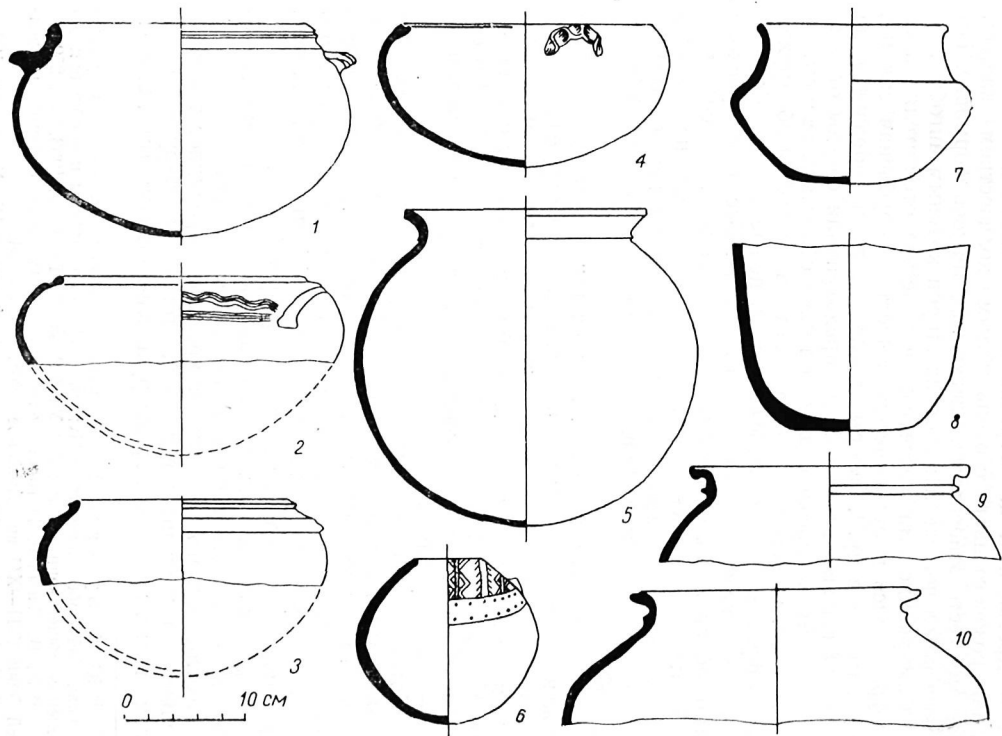

Рис. 2. Комплекс керамических котлов IX—X вв.,

9, 10). В эту же группу мы включаем котлы сферической формы с наклепной ручкой и слегка вогнутым внутрь венчиком, заканчивающимся небольшим выступом-желобком.

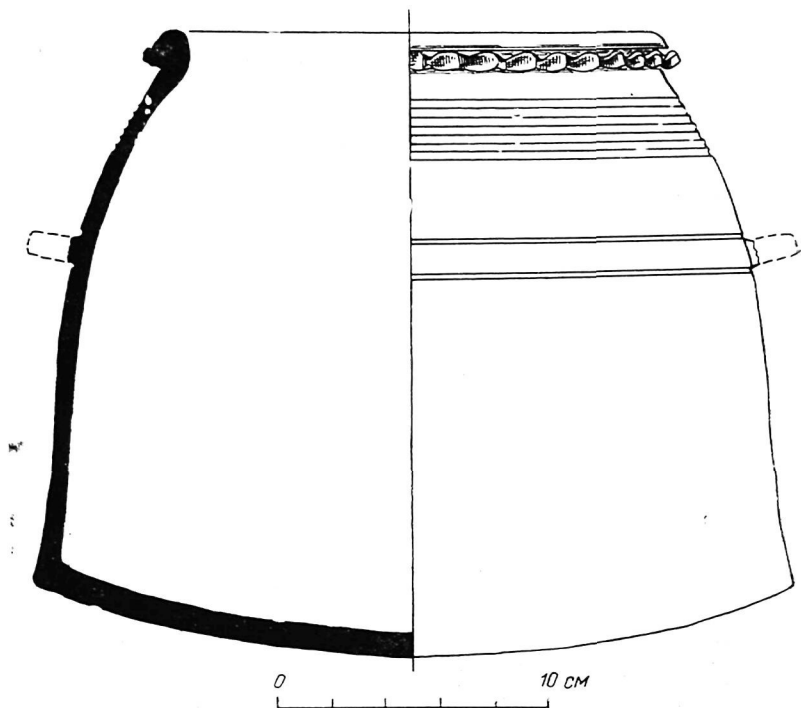

Рис. 3. Керамический котел цилиндро-конической формы IX—X вв.

Встречаются также котлы шаровидной формы со сливом и без слива, с двумя или тремя наклепными ручками, расположенными чуть ниже венчика. Как правило, у этих котлов имеются выступы, образующие вместе с венчиком желобок, служивший опорой для крышек. Котлы со сливом не находят себе аналогий в памятниках Средней Азии. Имеется на раскопе один котел шаровидной формы, но с носиком на тулове, ближе к шейке. Эти котлы известны по литературе только

на Афрасиабе¹⁶. Первый тип котлов также характеризуется наличием небольших валиков по шейке, ниже венчика.

Второй тип — котлы цилиндрической формы с чуть расширяющимися или сужающимися к венчику стенками и широким плоским дном (рис. 2, 7, 8).

Котлы второго типа отличаются от первых своей профилировкой, они очень просты и значительны по объему (до 8810 см³).

Очень интересной является третья форма котла, напоминающая так называемые цилиндро-конические сосуды (рис. 3). Налепные ручки располагались на шейке. Котлы этого типа имеют горшкообразную форму с плоским дном, высокой широкой горловиной и слегка отогнутым наружу венчиком. Объем их не очень большой — 3100 см³, и рассчитаны они, видимо, на небольшую семью (рис. 2, 7). Эта форма котлов не уступает предшествующим ни прочностью, ни огнеупорностью. Они отличаются красивой формой и красным ангобом, которым они покрывались.

Первый тип котлов датируется по монетам саманидских правителей¹⁷, обнаруженным на полах помещений, где были найдены вышеописанные котлы, и по комплексу поливной керамики концом IX—X вв. Аналогичные котлы встречены в памятниках Ферганы¹⁸, Семиречья¹⁹, Хорезма²⁰, Ташкента²¹, Мерва²² и в самом Афрасиабе²³ этого же периода. На Афрасиабе котлов, аналогичных первому типу, обнаружено очень

---

¹⁶ Н. Б. Немцева. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 188.

¹⁷ Монеты определены проф. М. Е. Массоном.

¹⁸ Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве БФК, Труды ИИА АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 102; И. Ахраров. Кухонная керамика Ферганы IX—X вв., стр. 125—133.

¹⁹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, № 26, М.—Л., 1952, стр. 160.

²⁰ Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма, стр. 284—285.

²¹ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), Труды ИИА АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 105—106.

²² С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII вв., Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1963, стр. 237.

²³ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, стр. 37; А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 153—154 и 167; Н. Б. Немцева. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб, стр. 188—190.

много. Но, к сожалению, в публикациях они часто не имеют датировок и описаний форм.

Известно, что при добавке отошителей глина теряла свою пластичность, поэтому обработка ее требовала большого мастерства, много времени. К тому же, котлы первого типа имели сложную профилировку стен у горловины, что усложняло работу. А это было невыгодно для мастеров, изготавливавших эти котлы для рынка. Нам кажется, что это было причиной исчезновения этой формы котлов и появления новой, более простой формы, получившей в последующих веках широкое распространение, которую мы отнесли ко второму типу.

Котлы второго типа на раскопе обнаружены в слоях, датированных концом X — началом XI вв. Прямые аналогии этой группе отсутствуют, но следует отметить небольшое сходство их с котлами Ферганы XI—XII вв.²⁴ и Хорезма²⁵.

И. А. Ахраров, изучавший кухонную керамику Ферганы, указывает, что подобные котлы появились здесь в начале XI в.²⁶ Это говорит о том, что оба центра керамического производства перешли к выпуску новых типов котлов почти одновременно. На Афрасиабе котлы подобной формы в слоях ранее конца X в. не встречаются.

Котлы третьего типа обнаружены в слоях, относящихся к середине X в. Однако их нет в слоях, датированных началом и концом X в. С чем это связано, пока трудно объяснить. Решение этого вопроса затрудняется еще и тем, что подобные котлы в памятниках X в. в Средней Азии встречаются так же редко, как и на самом Афрасиабе. Быть может они изготавливались именно здесь, на раскопе. В пользу этого предположения говорит тот факт, что недалеко от раскопа сохранились остатки керамикообжигательной печи X в. Возможно, в этой печи обжигались и эти котлы, так как вокруг печи также найдено несколько фрагментов от котлов аналогичных форм.

Котлы, используемые повседневно, быстро разбивались,

²⁴ И. Ахраров. Кухонная керамика Ферганы XI—XII вв., стр. 149—151.

²⁵ Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма, стр. 113—114, рис. 26, 1, 2.

²⁶ И. Ахраров. Керамика Ферганы XI—XII вв., Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1966, стр. 11.

поэтому их изготовляли в большом количестве. Возможно, большое количество котлов объясняется еще и их различным назначением: в одних готовили пищу, в других кипятили воду и т. д.

Обнаружено несколько кумганов целых и в фрагментарном состоянии. Сосуды предназначены для кипячения воды. Приводим описание только двух кумганов:

1. По форме цилиндрический с округлым дном, изготовлен на гончарном круге. Глина хорошей отмучки, тесто с добавкой крупного шамота белого цвета, диаметр венчика 24 см, венчик валикообразный, отогнут наружу, туловище чуть расширяется, толщина стенок 1 см.

2. По форме цилиндрический, с плоским срезанным дном, изготовлен на гончарном круге. Глина хорошей отмучки, в тесто добавлен сланец белого цвета, диаметр туловища 14 см, донца — 8 см, сохранившаяся высота 20 см. Венчик не сохранился. Снаружи на дне остались следы копти.

Аналогичные кумганы встречаются в городищах Отрара²⁷, Кувы (Ферганская долина)²⁸, Южного Казахстана²⁹. На основе нумизматических и археологических материалов они датируются IX—X вв.

Найдено несколько целых и обломки жаровен с невысокими бортиками, отличающихся массивностью стенок. В тесто жаровен для повышения огнеупорности добавлялись шамот, дресва и песок. На основе нумизматических и археологических материалов жаровни датируются IX—X вв. По форме они круглые, диаметром в 35—40 см, высота стенок 2,5 см, толщина 1,5 см, толщина дна 0,5 см. Снаружи на дне сохранились следы копти. Аналогичные жаровни встречены в Обраре, Куве и на городищах Южного Казахстана.

Гончарная мастерская, специализировавшаяся на изготовлении кухонных котлов и орнаментированных очажков, находилась в северо-западной части Афрасиаба. Здесь обнару-

²⁷ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, стр. 92, рис. 46.

²⁸ И. А. Ахраров. Кухонная керамика Ферганы IX—X вв., стр. 132, рис. 7.

²⁹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года, Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I, Алма-Ата, 1956, стр. 44, рис. 13; А. Г. Максимова, М. С. Мерщнев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары, Алма-Ата, 1958, стр. 154, рис. 22.

жены две гончарные печи и большой керамический отвал с бракованными керамическими котлами и очажками³⁰.

Основные типы кухонной посуды IX—X вв. продолжают существовать и в XI—XII вв., но появляются усовершенствованные формы и орнаментация. Технологическим новшеством является покрытие (иногда изнутри) поливой бирюзового цвета и появление ручки рогообразной формы.

Приводим описание некоторых форм котлов XII — начала XIII вв. ручного типа:

1. Котел круглодонной формы средних размеров, диаметр венчика 22 см, высота 12 см, ручек 4, венчик плоской формы, горизонтальный.

2. Котел круглодонной формы малых размеров, диаметр венчика 7,5 см, высота 8,5 см, имеется носик, ручки рогообразные, венчик прямой.

3. Котел шарообразной формы, диаметр венчика 13,5 см, диаметр тулова 27 см, высота 24 см. Венчик отогнут наружу, по вертикали венчика идет круг углубления.

Аналогичные формы котлов встречены в Куве³¹, Кулане³², Уртакургане и Тирмизактепе³³ и др.

Таким образом, на основании материалов с раскопа и по известным литературным данным можно сделать следующие выводы.

Во-первых, кухонная посуда конца XI—XII вв. с раскопа свидетельствует о том, что в Самарканде этого периода производство кухонной посуды достигло наивысшего уровня. Она, видимо, уже вышла из рамок кустарных промыслов, так как ее изготовляли мастера-керамисты с помощью гончарного круга, продукция производилась не только для нужд семьи, но и для рынка.

Во-вторых, плоскодонные котлы как на раскопе, так и в других местах на городище Афрасиаб в целом исчезли в конце XI в. Вместо них появились круглодонные котлы, которые

³⁰ Г. В. Шишкина. Городской квартал VIII—XI вв. на северо-западе Афрасиаба, сб. «Афрасиаб», вып. II, Ташкент, 1973, стр. 151.

³¹ И. А. Ахраров. Кухонная керамика Ферганы XI—XII вв., стр. 148, рис. 2.

³² К. М. Байпаков. Керамика средневекового Кулана, в кн. «Поиски и раскопки в Казахстане», Алма-Ата, 1972, стр. 90, рис. 8, 2.

³³ Н. Нигматов, У. Пулатов, С. Г. Хмельницкий. Уртакурган и Тирмизактепа, Душанбе, 1973, стр. 125, рис. 53, 7.

изготавливались в массовом количестве уже в начале X в. и главенствовали над другими формами котлов. Они очень тонкостенны и изящны в пропорциях. Следует отметить, что Афрасиабские котлы X в. сходны по форме с каменными котлами Мерва и Нисы³⁴, поэтому возможно, что каменные котлы XI—XIV вв. подражали по форме глиняным котлам предшествующего периода.

В-третьих, керамические котлы (до появления металлических котлов) в Самарканде, так же, как и в других городах, считались основной посудой в быту как у рядовых, так и у зажиточных слоев населения.

---

³⁴ Л. А. Кураева. Средневековая привозная каменная утварь из Мерва и Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. XIV, Ашхабад, 1969, стр. 218—221.

К северу от мечети Хазрат-Хызр, на окраине ныне действующего мусульманского кладбища на Афрасиабе, к западу от центрального хауза, высятся несколько взаимосвязанных холмов, располагающихся по обе стороны когда-то функционировавшего магистрального канала. Холмы местами были заняты могилами. В обрывах и впадинах заметны обгоревшие красноватые слои, а в отбросах земли встречаются шлаки и брак керамического производства.

В 1959 г. В. Д. Жуков выбрал для раскопа холм на левом берегу канала. Микрорельеф местности и подъемный материал указывали, что здесь должны были располагаться керамические мастерские. Раскоп площадью 40×20 м был заложен с западной стороны холма. Под небольшим дерновым слоем шел слой потака без находок. После 80 см от поверхности удалось расчистить тротуар, выложенный из целых жженных кирпичей, потрескавшихся и разбившихся в процессе эксплуатации.

Тротуар имел несколько ответвлений. Расчистка его привела к восьми ямам — остаткам керамических печей разной сохранности. Дальнейшие расчистки привели к остаткам жилища, из которого была извлечена посуда «кухни» керамиста¹.

---

¹ Ш. С. Ташходжаев. Поливная керамика Самарканда второй половины XII — начала XIII вв., «Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН УзССР», кн. 5, Ташкент, 1962, стр. 197—211.

В процессе раскопок и зачистки печей было получено огромное количество фактического материала и проведен целый ряд наблюдений, которые необходимо ввести в научный обиход. Весь комплекс материалов (остатки керамических печей, отвал производства, посуда) был датирован монетами второй половины XII в. и чеканом последнего хорезмшаха Мухаммада бин Текеша.

Остатки керамических печей и отвалы производства показывают, что открыта мастерская, производившая определенный вид продукции.

В северной и восточной сторонах раскопа частично вскрыт дом керамиста. В северной части жилища располагаются две комнаты (4×5, 4×3 м), с востока к ним примыкает кухня (2×4 м). Стены жилища пахсовые, пол устлан жженым кирпичом (24×24×4 см).

Расчищены остатки 8 печей различной сохранности, из них 4 были заполнены отходами керамического производства, а 4 заполнены оплывами. У большинства печей сохранились только топочные камеры. Печь № 4 (по порядку вскрытия) сохранилась лучше, чем остальные: остались целыми часть обжигательной камеры, под и топочная камера. Печь круглая в плане, диаметром 2 м, с выступающим устьем. Обжигательная камера сохранилась на высоту 20 см, удалось расчистить 4 ряда кирпича. Под печи усеян отверстиями диаметром 10—12 см — продухами, расположенными концентрически в три круга. Ниже свода пода в землю врыта топочная камера высотой 1,2 м, представляющая собой обыкновенную яму.

Остальные печи, судя по их остаткам, по конструкции и плану идентичны печи № 4.

Как уже отмечалось, часть печей не функционировала и служила местом отвала бракованной продукции. Из заполненных заброшенных печей было извлечено большое количество обломков и спекшейся массы котлов, крышек, очажков и лотков, что говорит о специализации мастерской на выпуске керамических котлов с крышками и терракотовых очажков с лотками.

Глина для изготовления котлов состояла из «...кварца дробленного величиной с зерно 0,5—2,0 мм 40,2%, смеси чу-

панатинской сухой глины и пылевидного лесса 59,8%»². Эти данные, вероятно, применимы и к терракотовым очажкам. Не исключено, что при изготовлении котлов и очажков были использованы органические отщипители, выгоравшие в процессе обжига, ибо котлы и очажки очень пористы³.

Котлы изготовлялись различных размеров: от игрушечных (до 5 см в диаметре тулова) до весьма ёмких (диаметром 40—50 см, высотой 30—35 см). Они имели две формы — с шаровидным и полусферическим туловом. Котлы имеют различного вида наlepные ручки, ушки с косыми насечками, иногда пальметты в виде змей. Котлы с круглым туловом в большинстве случаев не имеют ручек.

Найдены фрагменты и целые котлы, покрытые изнутри глазурью бирюзового цвета.

Крышки однотипные независимо от размера: круглые в плане, с полусферическим низом и ручкой, утопленной внутрь, украшаются вырезанными концентрическими кругами, сверху ручек имеются ямки.

Очажки привлекали внимание многих исследователей, а также были предметом искусствоведческого анализа⁴. Предлагаемое описание представляет интерес с точки зрения узкой датировки.

Терракотовые очажки. Форма очажков, независимо от размеров, одинаковая. Вертикальные стенки по фасаду соединены полукруглой стенкой с вытянутой полочкой. Обычно богато орнаментировались фасадные стены и внутренний полукруг. Внешняя сторона заглаживалась. В описываемой мастерской найдено большое количество фрагментов очажков. По фасаду их можно разделить на несколько групп:

1. Лицевая сторона заполнена уменьшающимися ромбами с фестончатым заполнением, в середине ромба четырехлистник, свободные места заполнены трилистниками. Фриз оформлен двумя птицами.

2. Сердцевидные листья заполняют фестончатую арку, фриз заполнен аналогичными листьями.

² В. И. Ездаков. Об изготовлении жаростойкой посуды в древнем Самарканде, журн. «Природа», 1951, № 8, стр. 74.

³ Э. В. Сайко. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв., Душанбе, 1968, стр. 33—34.

⁴ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Самаркандские очажки. Из истории искусств великого города, Ташкент, 1972, стр. 206—234.

3. Фриз оформлен простейшим штрихом, а нижняя часть— дерево в фестончатой арке; ствол дан выпуклыми точками, а ветки и листья выпуклыми чешуйками.

4. Под парной аркой лицевой стороны помещены растительные узоры, напоминающие колосья пшеницы.

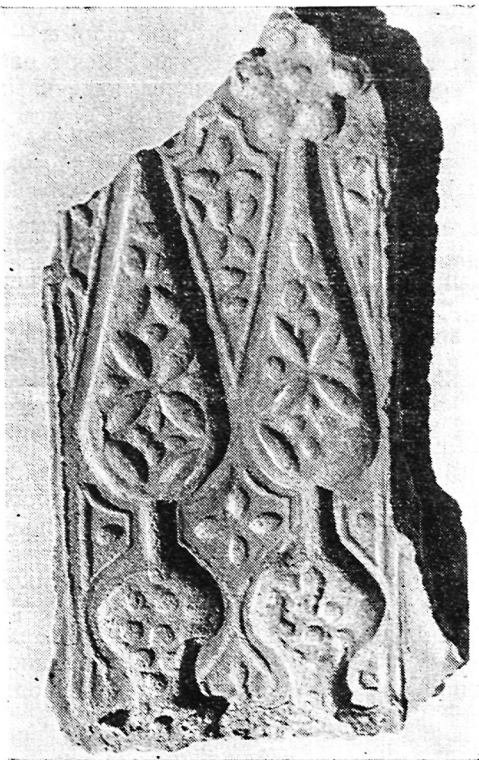

Рис. Фрагмент очажка

раскопов обычно не имеют лотков.

За время археологического изучения Афраснаба обнаружено большое количество очажков. Обычно их находят у стен комнат, часто без лотков, а иногда спаренными с лотка-

Полукруглые части были найдены в фрагментарном состоянии и их восстановление невозможно. Отметим встречающиеся мотивы орнаментации: круглый медальон с шестиконечной звездой и заполнение многолепестковыми цветами, пяти - шестилепестковые цветы в различных геометрических фигурах, квадраты, разбитые на треугольники и т. д.

Лотки готовились двух форм — прямоугольные и полусферические. Обе формы двухплановые. Выделяющийся борт орнаментирован геометрическими линиями, основная часть которых имеет украшения растительных, архитектурных, геометрических и зооморфных мотивов.

Очажки из других

ми. На 23-м раскопе очажок был вмонтирован в нишу с двумя полуколоннами и аркой. Чаще всего очажки находят в комнатах рядом с ташнау. Это очень важный указатель к отгадке их назначения. До сих пор при раскопках жилищ на Афрасиабе не удалось установить систему отопления, не было обнаружено следов сандалов. Возможно, очажки являлись своеобразными каминами, применявшимися при подогреве воды для омовения (рис.).

Рассмотренная нами керамическая мастерская позволяет предполагать узкую специализацию гончаров Самарканда. Иное дело, по-видимому, сложилось в Мерве. С. Б. Лунина отмечает, что в «...Мерве X—начала XIII вв. не существовало четкой специализации ремесленников-гончаров, здесь можно говорить о предпочтительном внимании мастера к той или иной форме гончарства»⁵.

Исследуемая мастерская и другие гончарные хозяйства указывают, что для Самарканда можно считать твердо установленным фактом узкую специализацию среди ремесленников-гончаров.

---

⁵ С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII вв., Труды ЮТАКЭ. т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 408.

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО АФРАСИАБА И ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА РЕМЕСЛЕННИКОВ X — НАЧАЛА XIII ВВ.

Гончарное производство Самарканда, его технология, продукция, орудия труда, составы красителей периода развитого феодализма были рассмотрены в ряде публикаций¹.

Благодаря широкому размаху археологических работ на Афрасиабе стало возможным разрешить целый ряд вопросов более крупного плана, например, процесс концентрации ремесленников одного профиля в одном квартале, перемещение ремесленников внутри города в разные исторические периоды, внутриквартальное разделение, разделение труда внутри ремесла одного профиля и организация труда ремесленников.

Изучение Афрасиабских ремесленных кварталов и мастерских позволяет поставить вопрос об организации труда в средневековом Самарканде как внутри мастерской, так и в целом квартале, а возможно, и среди ремесленников Средней Азии X—XII вв. вообще.

Исходя из общего развития ремесла, расширения городов как центров ремесленного производства и развития торгово-

---

¹ Л. И. Альбаум. О гончарном производстве на Афрасиабе в X—XI вв., «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 256—267; Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX—начала XIII вв., Ташкент, 1967; В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 32—36; И. Ахраров. К истории керамического производства на городище Афрасиаб, «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 301—311; Ф. Бурнашева. Глазурная полива керамической посуды Афрасиаба X—XII вв., ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 137—143.

денежных отношений, А. Ю. Якубовский считал, что в Средней Азии уже в X в. имелись цеховые организации ремесленников².

В наши дни в литературе существует два мнения о наличии цеховой организации среди ремесленников X—XII вв.

Б. Заходер в статье «Хорасан и образование государства Сельджуков» отмечает: «У нас существует полная уверенность, что отсутствие в источниках раннего средневековья каких-либо упоминаний о цеховой организации ремесленников, а также о сколько-нибудь влиятельном положении ремесленных глав, не является только признаком феодально-придворного происхождения литературы, которой мы пользуемся. На мусульманском Востоке подлинной «главою» ремесленного производства было все то же всеильное землевладение»³.

Другая точка зрения, выраженная наиболее полно А. Е. Бертельсом, гласит: «В изучаемый период (XI в.—III. Т.) ремесленники объединялись в цеховые организации, характер которых остается невыясненным»⁴. Далее отмечается: «Можно сказать с уверенностью, что ничего похожего на европейские цехи, сильные объединения мастеров, противостоящие феодалу, в то время существовать не могло»⁵. Ссылаясь на Кремера⁶, автор отмечает: «Поскольку город делился на кварталы или торгово-ремесленные ряды по специальности..., то совокупность занесенных в налоговый список жителей одного квартала приобретала характер своеобразного цеха»⁷. С. Б. Лунина, раскопавшая несколько керамических мастерских в квартале керамистов Мерва, занимает нейтральную позицию. Она отмечает: «Сказать же что-либо определенное о наличии или отсутствии цеховых организаций у ремесленников и гон-

---

² А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., Труды ИАИ и ИВАН СССР, вып. 3, Л., 1933, стр. 9.

³ Б. Заходер. Хорасан и образование государства Сельджуков, «Вопросы истории», 1945, стр. 129.

⁴ А. Е. Бертельс. Носир-и Хосров и исмаилизм, М., 1969, стр. 44—45.

⁵ Там же, стр. 44—45.

⁶ А. Кремер. Kulturgeschichte des Orients unter der Chalifen, Bd. 1—II, Wien, 1875, в. I, S. 465, в. II, S. 185—188.

⁷ А. Е. Бертельс. Носир-и Хосров, стр. 47.

чаров Мерва этого времени (X — начало XIII вв.— Ш. Т.) пока не представляется возможным»⁸.

Отсутствие древних письменных сведений о цеховых организациях X—XIII вв. затрудняет решение данного вопроса. Сообщения о ремесленных цехах появились в источниках начала XIV в.⁹, когда уже существовали цеха с установившимися традициями¹⁰, для формирования которых необходимо было длительное время. Помимо этого существуют косвенные данные, позволяющие настаивать на более раннем возникновении ремесленных объединений: а) формирование феодальных городов; б) концентрация в них ремесла; в) наличие торгово-ремесленных кварталов; г) большое разнообразие ремесленной продукции; д) существование наемного труда; е) развитие торговли; ж) возникновение международных денег.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Необходимость объединения против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в период, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны беглых крепостных, которые стекались в расцветавшие тогда города, феодальная структура всей страны — все это породило цехи; благодаря тому, что отдельные лица среди ремесленников, число которых оставалось неизменным при растущем населении, постепенно накапливали, путем сбережений, небольшие капиталы,— развивалась система подмастерьев и учеников, создавшая в городах иерархию подобную иерархии сельского населения... Главной формой собственности в феодальную эпоху была, с одной стороны, земельная собственность вместе с прикованным к ней трудом крепостных, а с другой — собственный труд при наличии мелкого капитала, господствующего над трудом подмастерьев»¹¹. Далее К. Маркс и Ф. Энгельс, указывая на необходимые условия возникновения цехов, отмечали, что «...узы общей соб-

⁸ С. Б. Лунина. Гончарное производство Мерва X — начала XIII вв. (по материалам раскопок квартала керамистов в западной части пригорода-рабада), Автореферат канд. дисс., Л., 1961, стр. 18.

⁹ *Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe accompagné d'une traduction par C. Defrémery et B. R. Sanguinetti*, t. II, Paris, 1894.

¹⁰ А. М. Беленицкий. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв., ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 189—201.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, соч., т. III, М., 1955, стр. 23.

ственности на некоторую определенную специальность..., противоположность интересов отдельных ремесел между собой, необходимость охраны с трудом изученного ремесла и феодальная организация всей страны — таковы были причины объединения рабочих каждого отдельного ремесла в цехи»¹².

В X—XI вв. города Средней Азии активно расширяются, жизнь уже не вмещается в рамках старинного города, вырастают новые кварталы, преимущественно торгово-ремесленные, которые обводятся стенами отдельно или включаются в состав города. В Самарканде, в противовес старому городу (шахри дарун — внутренний город) вырастает новый город (шахри бирун — внешний город), окруженный отдельной стеной¹³. Так было и в средневековом Чаганиане¹⁴. В Бухаре новое предместье включалось в состав старого города¹⁵. Отмеченный процесс был, как указывал В. В. Бартольд, всеобщим для городов Передней и Средней Азии и знаменовал новый этап в развитии городской жизни¹⁶.

Внутренний строй средневековых городов Средней Азии рассмотрен в работах В. В. Бартольда¹⁷ и А. Ю. Якубовского¹⁸. В. В. Бартольд выдвинул теорию о городах феодальной эпохи, якобы состоящих из трех составных частей: арка, шахристана и рабада¹⁹. Он утверждал, что с X—XI вв. жизнь городов сосредоточивается на территории рабада. Теория о трех составных частях города не нашла подтверждения в ис-

¹² Там же, стр. 41.

¹³ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 165.

¹⁴ Осенью 1960 г., работая в составе УИКЭ (нач. Г. А. Пугаченкова), автор провел работы на городище Захтепе и Гишттепе на территории колхоза «Ленинизм» Денауского района, отождествляемого Г. А. Пугаченковой со средневековым Чаганианом. На поверхности городища Захтепе содержатся материалы IX—X вв., а на Гишттепе — XI—XII вв.

¹⁵ О. И. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства, Ташкент, 1958, стр. 34.

¹⁶ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 28.

¹⁷ Там же, стр. 15—28.

¹⁸ А. Ю. Якубовский. Главные вопросы истории развития городов Средней Азии, Труды ТаджФАН АН СССР, т. XXIX, Сталинабад, 1951, стр. 3—16.

¹⁹ В. В. Бартольд. К истории Мерва, ЗВО, т. XIX, СПб., 1909, стр. 116—117.

следованиях городов Южной Туркмении²⁰, Самарканда и Бухары. А. Ю. Якубовский выступил с теорией образования рабадов как городов феодальной эпохи, сменивших в X—XI вв. раннефеодальный город — шахристан. Он писал: «Уже к концу X в. в наиболее передовых городах, как Мерв, Бухара, Самарканд, Нишапур и другие, а в XI в. и в городах второстепенных, если не закончился, то, во всяком случае, в основных линиях определился процесс сложения и оформления типичного феодального города Средней Азии»²¹.

Одной из форм феодального землевладения является «икта», дававшая право держателю его «мукта» взимать определенную подать с крестьян²². Эта форма землевладения, имевшая место при Саманидах, получила широкое распространение в XI—XII вв.

Таким образом, окончательное утверждение феодального способа производства материальных богатств находит свое отражение в развитии городов, в изменении их социальной структуры.

«Внедрение института икта и его дальнейшая эволюция,— отмечает Б. А. Литвинский,— приводили... к бегству крестьян от иктадаров. Именно массовый приток крестьянства в города... должен был явиться одной из важнейших причин особого подъема городов»²³. Приход свободных рук сам по себе не обеспечивал «подъема городов», если в городах не было потребности в них. Именно развитие феодальной промышленности, сумевшей обеспечить более высокий уровень жизни, чем земледелие по системе икта, явилось основной причиной «особого подъема городов». Даже в небольших деревнях, где были развиты ремесла, население жило не за счет земледелия, а на получаемые от ремесла и торговли доходы²⁴. Не

---

²⁰ М. Е. Массон. Новые данные по истории и истории культуры Южного Туркменистана, ПВКВ, «Тезисы докладов и сообщений», Ташкент, 1957, стр. 186.

²¹ А. Ю. Якубовский. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии, стр. 15.

²² Низам аль-Мульк. Сийасат-наме, пер. Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949, стр. 140.

²³ Б. А. Литвинский. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии, «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. 4, Сталинабад, 1953, стр. 67.

²⁴ Наршахи. История Бухары, пер. Н. С. Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 21—22.

менее важной причиной в развитии городов является и приход в конце X — начале XI вв. новой волны тюрков.

В X—XIII вв. большие города Мавераннахра и Хорасана становятся местами концентрированного ремесленного производства. В этих городах производились самые различные предметы, которые удовлетворяли внутренние потребности города и близлежащей округи и вывозились в далекие области и страны²⁵.

«Из Самарканда (вывозятся) ткани серебристые (сумгун) и самаркандские большие медные котлы, изящные кубки, палатки, стремяна, удила, ремни... Из Самарканда еще (идут) парча, вывозимая к тюркам, и красные ткани, известные под названием мумарджал, ткань синизи (полотняная), много шелку и шелковых тканей, лещинные и простые орехи», — писал Макдиси²⁶.

Эти предметы выпускались в специализированных мастерских, в которых, как указывал К. Маркс, «...вместо разделения труда внутри мастерской, труд делится между цехами»²⁷.

На основе археологических работ установлено, что Самарканд в IX — начале XIII вв. имел несколько разновременных кварталов керамистов.

Керамисты IX—X вв. проживали к западу от центральной водной магистрали города близ юго-западного угла третьей стены города. Несколько печей попало под стену, что поставило в тупик В. Л. Вяткина²⁸ и А. Ю. Якубовского²⁹. Они не могли предполагать, что так называемая третья стена — самая поздняя из всех оборонительных линий домонгольского Самарканда.

В XI в. керамисты обживают территорию восточнее водной магистрали: всю площадь между второй и третьей стенами города, а в юго-восточном углу квартал выходит за стену.

Квартал керамистов второй половины XII — начала XIII вв. находился в центре Афраснаба, севернее мечети Хаз-

²⁵ Макдиси, BGA, т. III, 1906, перевод В. В. Бартольда, см.: Туркестан, т. II, стр. 323—326.

²⁶ Там же, стр. 247.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV (письма), М.—Л., 1931, стр. 600.

²⁸ В. Л. Вяткин. Афраснаб..., стр. 13.

²⁹ А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 33.

рат-Хызр, по обе стороны канала Джуиарзиз (одна из мастерских частично вскрыта в 1959—1960 гг. В. Д. Жуковым). Кроме того, отдельные печи этого периода находились и в западной части Афрасиаба. Данные о существовании керамических мастерских в других частях домонгольского Самарканда опубликованы в сборнике «Афрасиаб», вып. I.

Аналогичную картину передвижения квартала керамистов можно наблюдать и в древнем Мерве. В раннесредневековый период квартал керамистов располагался на южной окраине города (городище Гяур-кала)³⁰. В X—XIII вв. он уже находился в рабаде городища Султанкала³¹. Обособленный квартал керамистов имелся и в Термезе XI—XII вв. В Нишапуре также имелись отдельные керамические кварталы³². Естественно, что и другие ремесленные кварталы имели также большие размеры, особенно те, чья продукция была предметом экспорта. Они образовали отдельные кварталы внутри города по специальностям.

Городские кварталы были торговыми или ремесленными, чаще торгово-ремесленными. Ремесленные кварталы были специализированными. Кварталы подразделялись на отдельные мастерские. Во главе кварталов стояли старосты³³.

Вскрытые нами на Афрасиабе мастерские XI—начала XII вв. и мастерская второй половины XII в., частично раскопанная под руководством В. Д. Жукова, имеют большие размеры и включают в себя от четырех до восьми керамических печей, обособленные рабочие и подсобные помещения. Все это указывает на высокую степень организации труда. Первые две мастерские выпускали только поливную керамику, третья специализировалась на производстве терракотовых очажков котлов и крышек. Это обстоятельство указывает на высокую степень разделения труда и специализацию внутри одного вида ремесла. В мастерской первой половины XI в. найдено свыше пяти тысяч фрагментов битой и бракованной посуды, подразделявшейся лишь на несколько типов, что указывает на стандартизацию форм и орнаментов посуды.

³⁰ Е. З. Заурова. Керамические печи, Труды ЮТАКЭ, т. X, 1958, стр. 171.

³¹ С. Б. Лунниа. Гончарное производство..., стр. 217.

³² Б. Н. Заходер. Хорасан..., стр. 124.

³³ Бейхакки. Тарихи Мас'уди, перевод А. К. Арендса, Ташкент, 1962, стр. 24.

Если стандартизация форм была продиктована конкретным назначением сосуда, то типизация орнамента объясняется характером производства: оригинальный рисунок, созданный мастером, копировался его подручными-художниками. Нами найдено шесть фрагментов доньев открытой чаши с надписями, почерк мелких насх с трудом поддается чтению. Одна из них гласит «Мухаммад», другая — «Ахмад», по-видимому, остальные надписи также содержат имена. Имена, вероятно, принадлежат непосредственным производителям, занимавшимся копированием орнамента, изготовленной мастером особо высокой квалификации. Мастер же расписывался полностью, «работа такого-то мастера», а если он был приезжим, то указывал родной город. На борту чаши из мастерской второй половины XII — начала XIII вв. встречается другой знак, по-видимому, это клеймо мастерской.

В беседах с народными мастерами Самарканда выяснилось, что для нормального функционирования раскопанной мастерской необходим труд не менее 20 человек.

К аналогичным выводам пришла и С. Б. Лунина при изучении мервского квартала³⁴.

Во главе мастерской стоял хозяин-мастер, который применял наемный труд. Нанимавшиеся выполняли подготовительные работы, не требующие специальных навыков. Более трудные работы (формовка изделий, их роспись) выполнялась учениками, труд которых вознаграждался «помимо заработной платы еще иным путем: цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради содержания и платы, сколько ради собственного обучения и подготовки к званию самостоятельного мастера»³⁵. Учениками обычно были сыновья и родственники мастеров, которым по наследству передавались тайны ремесла.

«Основной фигурой ремесленного производства... был не искусник-мастер, уstad, а тот ахль аль-амал (в буквальном переводе «люди дела, работы»), о котором упоминает Ибн Хаукаль при описании нишапурских ремесленных базаров (ВГА, II, 311) и который... идентифицируется с персидским муздар — получающим мзду (плату) за работу»³⁶.

³⁴ С. Б. Лунина. Гончарное производство..., стр. 17.

³⁵ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, соч., т. XX, стр. 281.

³⁶ Б. Н. Зеходер. Хорасан..., стр. 130.

Эти наемные работники, по-видимому, трудились и в самаркандских мастерских.

Над платными рабочими стояли мастера-ушады со своими учениками. Был ли мастер хозяином мастерской — этот принципиальный вопрос остается пока невыясненным. Источники упоминают о самостоятельных ремесленниках-одиночках³⁷.

И. П. Петрушевский отмечал, что в X—XII вв. «объединенные в корпорации ремесленники, состоящие из мастеров (ушад), подмастерьев (халифа) и учеников (шогирд), юридически были свободны. Но в ряде городов они продолжали платить ренту-налог изделиями своего ремесла в пользу государства или местных феодальных владетелей»³⁸. По-видимому, в X—XI вв. для ремесла были характерны две главные формы собственности:

а) мастерские, принадлежавшие государю или государству (на Востоке их трудно расчленишь); при Аббасидах известны мастерские по производству тканей бейт-ат-тираз³⁹, принадлежавшие халифу;

б) частновладельческие мастерские, находившиеся во всех крупных городах, а возможно, и в деревнях. Наршаши писали о некоторых деревнях, специализировавшихся на одном виде ремесла⁴⁰.

Мастерские, вскрытые нами, относятся ко второй, самой многочисленной и разнообразной по продукции и размерам группе. Хозяином такой мастерской мог быть мастер-ушад, например, в Мерве — керамист Мухаммад Али Иноятов.

Среди ремесленников были распространены различные религиозные учения. Л. Массиньон связывает возникновение ремесленных организаций с карматским движением, относя их к IX—X вв.⁴¹ Старейшие рисоля (уставы ремесленных объединений) Футувватнаме (XV в.), основанные на материалах домонгольского периода, указывают на тождество некоторых

---

³⁷ Низам аль Мульк. Сийасат-наме, стр. 54.

³⁸ История Ирана, стр. 139.

³⁹ Тираз. Е. J.

⁴⁰ Наршахи. История Бухары, стр. 21—22.

⁴¹ Sinf. E. J.

дервишских организаций с профессиональными ремесленными⁴².

В пользу раннего происхождения цеховых организаций ремесленников говорит, во-первых, сообщение Ибн Баттуты о городах Южного Ирана (Исфаган и Шираз), которые не были завоеваны монголами и где ремесленники сохранили свои цеховые организации⁴³. В X—XI вв., как указывает И. П. Петрушевский, «в городах Ирана создавались ремесленные корпорации типа цехов, зачатки которых, впрочем, существовали при Сасанидах, и корпорации купцов. Так, в Нишапуре наиболее влиятельными являлись корпорации шапочников, веревочников, торговцев шелком-сырцом и торговцев шелковыми тканями»⁴⁴.

«Цех торговцев», так именуется корпорации купцов, существовавших в VI—VII вв. в Византии и Иране, Н. В. Пигулевская⁴⁵. Основываясь на письменных источниках, Н. В. Пигулевская считает временем возникновения ремесленных организаций в Иране IV в.⁴⁶ Изучая характер ремесленных объединений, она отмечает, что каждое ремесло составляло свое «собрание», т. е. имело отдельную организацию. Организация ремесленников в соответствии с их профессией, по производственному признаку, приобретает еще большую определенность⁴⁷. В рамках города организация «...объединяла всех ремесленников с многими разделами или видами ремесла»⁴⁸. Над каждым видом ремесла стоял выборный старшина, над ремесленниками города «начальник» или «господин начальников», над ремесленниками ряда областей стоял следующий государственный чин, каругбеда — начальник ремесленников всей державы. Выборной была только должность старшины цеха. Остальные чины назначались правителями⁴⁹.

Во-вторых, как установил В. А. Гордлевский, «...Сельджу-

---

⁴² H. Thörnina. Beiträge zur Kenntniss des islamischen Vereinwesens auf von Bast Madad et-Taufur, Berlin, 1913, S. 75—184.

⁴³ Voyages d'Ibn Batoutah, т. II, стр. 45 (Исфаган), 52 (Шираз).

⁴⁴ История Ирана, стр. 138.

⁴⁵ Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков, М.—Л., 1946, стр. 229.

⁴⁶ Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1956, стр. 222.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, стр. 223.

⁴⁹ Там же, стр. 224.

киды (завоевав Малую Азию.— Ш. Т.) сохранили ремесленную организацию города, и туземное население, локализованное в одном пункте города, продолжало исконное занятие, ...то, что наблюдал Ибн Баттута в 1331 г., сложилось раньше, по меньшей мере в эпоху Сельджукидов, а еще вероятнее, в жизни ремесленника Малой Азии сохранились и стародавнишие пережитки»⁵⁰.

В-третьих, важным косвенным указанием на раннее происхождение цеховых организаций ремесленников является восстание ремесленников Бухары против правителя и богатых в 1206 г. Восстание не вышло за пределы города и не захватило крестьян. Бухара перешла в руки восставших, и правил городом сын ремесленника по выделке щитов Мелик Санджар. Замкнутый характер восстания можно объяснить типичной цеховой замкнутостью в рамках города.

Утверждение феодального способа производства, отразившееся на возникновении феодальных городов, способствовало развитию ремесленного производства, концентрации каждого вида ремесла в определенной части города и утверждению ремесленных объединений.

В своеобразных условиях восточной деспотии ремесленные корпорации «...не могли добиться цеховой монополии в городах и не могли по своему желанию устанавливать рыночные цены на продукцию ремесла, как это было на Западе. Источники сообщают, что когда в городе Газне корпорация булочников пыталась установить новые цены на хлеб, Султан Махмуд Газневи приказал бросить старшину корпорации под ноги слонам»⁵¹. Несмотря на ряд особенностей, обусловленных социально-экономическими и политическими обстоятельствами, ремесленная организация оказалась «настолько жизнеспособной и гибкой, что, пережив все перипетии исторического развития феодальной формации, не потеряла своего значения и приспособилась к складывавшимся капиталистическим отношениям»⁵².

---

⁵⁰ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии, Избр. соч., т. I, М., 1960, стр. 131.

⁵¹ История Ирана, стр. 138.

⁵² О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века, Ташкент, 1962, стр. 179.

НАХОДКИ МОНЕТ XI — НАЧАЛА XIII ВВ. НА АФРАСИАБЕ

Рассматриваемый период между падением Саманидов и монгольским завоеванием характеризуется расцветом экономики Средней Азии, поэтому важно выяснить характер одной из существенных сторон экономики — денежного обращения столицы Мавераннахра и одного из крупнейших городов мусульманского Востока, каковым был в это время Самарканд¹. Авторы не претендуют на исчерпывающее решение этого вопроса как в силу его сложности, так и по той причине, что рассматриваемый ниже нумизматический материал происходит (за несколькими исключениями) с территории Афрасиаба, площадь же города того времени была много больше. Наконец, даже находки последних лет, по независящим от авторов обстоятельствам, не могли быть учтены с абсолютной полнотой, не говоря уже о многочисленных дореволюционных находках, которые почти не фиксировались. Тем не менее, приводимый ниже материал безусловно в определенной степени отражает характер денежного обращения Самарканда, так что данная сводка, надо надеяться, окажется небесполезной для будущих исследователей этого вопроса.

Из всего рассматриваемого здесь нумизматического материала лишь часть определена нами, остальные — другими исследователями.

¹ Монетные находки для Самарканда поры античности и раннего средневековья см.: Т. С. Ерназарова. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IX в.), сб. «Афрасиаб», вып. III, Ташкент, 1974, стр. 155—235.

Караханиды

1. Медный фельс. Фергана, 398/1007—1008 гг. Найден, видимо, при прокладке через Афрасиаб дороги на Ташкент в 1870-х годах².

2. Медный фельс Насра б. Али илека³. Найден в 1958 г. В. Д. Жуковым в завале при расчистке печи № 1.

3. Медный фельс Насра б. Али. 401/1010—1011 гг.⁴ Найден М. Н. Федоровым в пахсе третьей крепостной стены Афрасиаба на раскопе 10Б.

4. Медный фельс Низам ад-Даула Абу-л-Музаффара (Мухаммада б. Али) и Тига-тегина. Самарканд, 403/1012—1013 гг. Найден при раскопках 1959—1963 гг. в жилом квартале на западной окраине Афрасиаба⁵.

5. Медный фельс 425/1033—1034 гг. Найден в 1959 г. в квартале X—XI вв. вместе с кладом позднекараханидских медных монет⁶.

6. Медный фельс первой половины XI в. Найден там же⁷.

7. Медный фельс Тамгач Богра-хана. 425/1033—1034 гг. Найден при раскопках 1959—1963 гг. в жилом квартале на «Восьмигранный» в ансамбле Шахи-Зинда⁸.

8. Серебряный дирхем Тамгач Богра Кара-хакана Али б. ал-Хасана. Харлух Орду, 425 г. х. Найден в 1968 г. Р. Равшановым возле соборной мечети Афрасиаба⁹.

9. Медный фельс. Самарканд, 428/1036—1037 гг.¹⁰ Найден

---

² Определение В. Г. Тизенгаузена. См.: В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 10.

³ Определение В. А. Шишкина.

⁴ Определение В. А. Шишкина.

⁵ Г. В. Шишкина. Монетные находки в жилом квартале древнего Самарканда, сб. «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965, стр. 44.

⁶ Г. В. Шишкина. Клад медных монет с Афрасиаба, ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 112.

⁷ Там же, стр. 113.

⁸ Определение М. Е. Массона. См.: Н. Б. Немцева. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 183.

⁹ М. Н. Федоров. Редкий караханидский дирхем из Афрасиаба (к истории монетного двора Харлух Орду), СА, 1972, № 3, стр. 357—360.

¹⁰ Определение М. Н. Федорова.

в 1969 г. при раскопках соборной мечети Афрасиаба, при зачистке верхнего пола в 15 м к западу от южного угла.

10. Медный фельс начала XI в. Найден Ш. С. Ташходжаевым в 1962 г. на раскопе 12, на полу первого периода¹¹.

11. Медный фельс начала XI в. Условия находки те же.

12. Медный фельс начала XI в. Найден Ш. С. Ташходжаевым в 1962 г. на раскопе 12, печь № 2.

13. Медная мелкая монета начала XI в. Условия находки те же.

14. Медный фельс начала XI в. Найден в 1962 г. Ш. С. Ташходжаевым в шурфе № 2 (V ярус) возле Ташкентской дороги.

15. Медный мелкий номинал начала XI в. Условия находки те же.

16. Медная монета V/XI в.¹² Найдена в 1963 г. М. Н. Федоровым в засыпке арыка возле цитадели.

17. Несколько серебряных илекских монет, которые могут быть датированы в пределах конца X — первой половины XI вв. Найлены на Афрасиабе при раскопках француза М. Шаффанжона в 1894—1895 гг.¹³

18—22. Пять медных дирхемов Руки ад-дунья ва-д-дина Абу-л-Музаффара Клыч Тамгач-хана Мас'уда. На одном дирхеме сохранилась дата 562/1166—1167 гг. Найлены в 1965 г. М. И. Филанович на раскопе 23 в 100 м южнее цитадели¹⁴.

23—39. Семнадцать золотых монет того же государя. На одной монете сохранилось наименование монетного двора — Самарканд, на другой — часть даты (55 ? г. х.). Происходят из клада, найденного в 1913 г. на склоне городища Афрасиаб возле мечети Хазрати-Хызр¹⁵.

¹¹ Монеты № 10—15 определены М. Е. Массоном.

¹² Определение В. А. Шишкина.

¹³ В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, стр. 39—40.

¹⁴ М. Н. Федоров, Ю. Ф. Буряков. Эпиграфические и нумизматические находки и публикации в Узбекистане в 1962 г., ЭВ, вып. XIX, Л., 1969, стр. 105—106.

¹⁵ Б. В. Лунин. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана (по архивным данным), ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 188—189; М. Н. Федоров. Афрасиабский клад золотых монет второй половины XII в., ЭВ, вып. XXI, Л., 1972, стр. 32—34. По данным Б. В. Лунина, 30 целых и 3 обломка монет из этого клада были отправлены в Археологическую комиссию и определены специалистами Эрмитажа. По сведениям М. Е.

40—41. Два золотых динара Гийас ад-дунйа ва-д-дина Мухаммада б. Мас'уда. Из того же Афрасиабского клада¹⁶.

42—45. Четыре золотых динара Нусрат ад-дунйа ва-д-дина Ибрахима б. Хусайна, два из них биты в 572/1174—1184 гг.¹⁷ Из Афрасиабского клада.

46—55. Десять золотых караханидских монет из того же клада, не поддающихся более точному определению¹⁸.

56—102. Сорок семь медных фельсов и дирхемов Ибрахима б. Хусайна, на некоторых экземплярах читается название монетного двора (Самарканд) и даты (581/1185—1186 гг. или 591/1194—1195 гг., 590/1193—1194 гг., 594/1197—1198 гг.). Найдены в 1959 г. в составе упомянутого клада из 55 медных монет¹⁹ (см. № 5—6).

103. Медная монета Ибрахима б. Хусайна с титулом Арслан-хакан. Самарканд²⁰. Найдена в 1970 г. в раскопе 41/XVI.

104. Медный фельс Ибрахима б. Хусайна²¹. Найден в 1969 г. при раскопках соборной мечети Афрасиаба в траншее у южной стены на уровне пола. Л. ст.: в линейном круге: $\frac{\text{الع/سلطان/السلطين}}{\text{ابن/هيم}}$. Кругом стерто. Об. ст.: в образванной двумя пересекающимися треугольниками шестиконечной звезде, вписанной в линейный круг, $\frac{\text{ابن/هيم}}{\text{ابن/هيم}}$.

105. Медная обломанная монета с титулом «султан ас-салатин» на л. ст. и сидящим барсом влево на об. ст. Найдена в 1968 г. в Самарканде на ул. Титова, 2-й тупик, дом 40²².

Массона, приведенным М. Н. Федоровым, часть клада разошлась по рукам, а 15 экземпляров попало в Самаркандский музей, где сейчас хранятся лишь три из них; эти-то динары и опубликовал М. Н. Федоров. Поскольку определения несохранившихся 12 монет нет, в нашу сводку мы их не включили, прочие же динары клада рассмотрены ниже (см. № 40—55, 110—112).

¹⁶ Б. В. Лунин. К топографии и описанию монетных кладов на территории Узбекистана, стр. 189.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Г. В. Шишкина. Клад медных монет с Афрасиаба, стр. 112—122.

²⁰ Определение М. Н. Федорова.

²¹ Определение авторов.

²² М. Н. Федоров, Э. В. Ртвеладзе. Нумизматические находки в Узбекистане в 1966—1968 гг., ЭВ, вып. XXI, М.—Л., 1972, стр. 83. Вопреки мнению А. К. Маркова (Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 290, № 599), относившего монету того же типа к чекану Ибрахима б. Хусайна, эти авторы считают ее принадлежащей чекану Османа б. Ибрахима без достаточных, на наш взгляд, оснований.

106. Медная монета Османа б. Ибрахима. Самарканд, 602/1212 гг.²³ Подобрана в 1971 г. на территории соборной мечети Афрасиаба Г. В. Шишкиной. Л. ст.: в картуше в виде шестилепестковой розетки: السلطان/عثمان بن/ابراهيم. Кругом: [ست]مايه... سنه تسع و... Об. ст.: в линейном круге: السلطان / [محمد بن/]سلطان. Кругом стерто.

107. Медная монета Джалал ад-дунья ва-д-дина Кадыр-хана. Найдена в 1905 г. в г. Самарканде²⁴. Видимо, относится к чекану Кадыра б. Ибрахима, владевшего Узгендом в 574—607 гг. (1178—1179 — 1210—1211 гг.).

108. Медный дирхем поздних Караханидов или хорезмшахов²⁵. Найден в 1965 г. в юго-западной части Афрасиаба.

109. Обломок медного дирхема XII — начала XIII вв.²⁶ Найден в 1964 г. Т. Агзамходжаевым в шурфе к северо-западу от цитадели на глубине 3,5—4 м от современного уровня.

Ануштегиниды

110—111. Два золотых динара Иль Арслана б. Атсыза. Один динар бит в Хорезме в 563/1167—1168 гг. Найден в составе Афрасиабского клада²⁷.

112. Динар Текеша б. Иль Арслана, 5?2 г. х. Из того же клада²⁸.

113. Динар Мухаммада б. Текеша²⁹. Найден в 1970 г. при раскопках соборной мечети Афрасиаба, в северо-западном ее углу. Л. ст.: в линейном круге: لااله الا الله محمد/رسول الله. Кругом незначительные остатки надписи. Об. ст.: в линейном круге: السلطان الا عظم/علا الدنيا والدين / ابو الفتح محمد/بن سلطان تكشف. Кругом стерто и обрезано.

²³ Определение авторов.

²⁴ Б. В. Лунин. К топографии и описанию монетных кладов на территории Узбекистана, стр. 188.

²⁵ Определение В. А. Шишкина.

²⁶ Определение В. А. Шишкина.

²⁷ Б. В. Лунин. К топографии и описанию монетных кладов на территории Узбекистана, стр. 188.

²⁸ Там же.

²⁹ Определение авторов.

114—124. Клад из одиннадцати медных монет Мухаммада б. Текеша³⁰. Найден в 1959 г. С. К. Кабановым в северной части Афрасиаба, к северо-западу от соборной мечети, над обрывом Сиаба (раскоп № 6, на глубине 75 см от поверхности).

125. Медная монета Мухаммада б. Текеша³¹. Найдена В. Д. Жуковым в 1959 г. на раскопе № 2 в юго-западной части Афрасиаба.

126. Медная монета Мухаммада б. Текеша. Найдена в 1929 г. В. Л. Вяткиным при раскопках между соборной мечетью и обрывом Сиаба³².

127—128. Два медных посеребренных дирхема Мухаммада б. Текеша. Самарканд, 616/1219—1220 гг. Найдены в 1951 г. на территории Самарканда³³.

Газневиды

129. Золотой газневидский динар. Найден в 1885 г. при раскопках Н. И. Веселовского³⁴.

Гуриды

130. Золотой динар Гийас ад-дунья ва-д-дина Мухаммада б. Сама и Му'изз ад-дунья ва-д-дина Мухаммада б. Сама. 574/1178—1179 гг.³⁵ Найден в 1972 г. при раскопках соборной мечети Афрасиаба, в северо-восточном ее углу, на глубине 0,6 м.

Л. ст.: в линейном круге: /لا اله الا الله.../امر الله السلطان/

Кругом
обрывки надписи. Об. ст.: в линейном круге: /محمد رسول الله/
السلطان المعظم/معز الدنيا و الدين ابو المظفر محمد/بن سام

Кругом: ... سنه اربع و ...

³⁰ Определение В. А. Шишкина.

³¹ Определение В. А. Шишкина.

³² В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, стр. 28.

³³ Е. А. Давидович. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана, Труды ИИА АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 167.

³⁴ В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, стр. 28.

³⁵ Определение авторов.

Несмотря на довольно хорошую сохранность, монета трудна для определения. Несомненно, что она принадлежит чекану Гуридов, поскольку имя отца правителей, от имени которых выпущен динар, Сам. Что это именно два разных государя, хотя и с одним личным именем (Мухаммад), едва ли приходится сомневаться: у них разные лакабы (Гийас ад-дунйа ва-д-дин и Му'изз ад-дунйа ва-д-дин), разные по форме, но близкие по смыслу куньи (Абу-л-Фатх и Абу-л-Музаффар) и эпитеты при титуле «султан» (ал-а'зам и ал-му'аззам). Среди гуридских султанов известны два правителя с таким именем (Мухаммад б. Сам) и такими лакабами. Они были братьями и в создании обширной империи делили обязанности: Му'изз ад-дин действовал преимущественно в Индии, Гийас ад-дин — на территории Афганистана, Хорасана и Средней Азии. Гийас ад-дин считался главой династии, поэтому его имя и стоит на лицевой стороне монеты, после упоминания халифа. От имени последнего на монете сохранилось только окончание أم الله ... , но в период правления Гийас ад-дина Мухаммада (558—599 гг. х.) с таким именем известен только один Аббасид — Мустади. Так как он правил в 566—575 гг. х., а на монете сохранился обрывок даты (... سنه اربع و ...), мы можем восстановить дату целиком: 574/1178—1179 гг.

* *
*

Приведенные материалы позволяют сделать некоторые выводы. Прежде всего бросается в глаза, что монеты предшествующей эпохи, саманидской, встречаются на Афрасиабе гораздо чаще караханидских. Одной из основных причин было, видимо, то, что центр городской жизни Самарканда перемещается из шахристана (Афрасиаб) в шахри бирун, причем часть ремесленников, например керамисты, продолжала обитать на Афрасиабе, а базары и торговцы передвинулись на территорию «внешнего города»³⁶.

³⁶ На перемещение жизни из шахристана в рабады, как на причину редкости находок караханидских монет на Афрасиабе, справедливо указали М. Н. Федоров и Э. В. Ртвеладзе (см.: М. Н. Федоров, Э. В. Ртвеладзе. Нумизматические находки в Узбекистане в 1966—1968 гг., стр. 82—83).

Обращает на себя внимание наличие среди афрасиабских находок лишь ранне- и позднекараханидских монет. Однако было бы большой ошибкой на основании этого делать вывод о том, что жизнь на Афрасиабе замерла примерно на столетие (вторая половина XI — первая половина XII вв.). Отчасти этот факт объясняется недостаточной полнотой сводки находок, но в первую очередь тем, что на данном этапе монетные дворы резко сократили свою деятельность, в результате чего монеты этого времени редко встречаются в Мавераннахре в целом. Напротив, обильный выпуск монеты, в том числе и золотой, во второй половине XII — начале XIII вв. нашел отражение и в афрасиабских находках, и даже кратковременное (около 10 лет) вхождение Самарканда в состав государства Мухаммада б. Текеша оставило существенный след в денежном обращении города.

Вполне естественно, что ходившая в Самарканде медная монета чеканилась здесь же, хотя есть и исключения. Серебро же наверняка обращалось и иногороднее. Еще в большей степени это касается золота. Наряду с караханидскими динарами, битыми в Самарканде, а также, видимо, в Бухаре, здесь ходили золотые монеты и других династий: Ануштегинидов, Газневидов, Гуридов.

В целом же денежное обращение Самарканда в миниатюре отражает денежное обращение Мавераннахра.

Среди монументальных комплексов общественно-культурного назначения домонгольского Самарканда крупнейшим памятником карахидской эпохи являлась городская соборная мечеть.

Еще в конце X в. Абу-ль Касым ибн Хаукаль указывал, что соборная мечеть Самарканда находится в шахристане ниже цитадели; между ними проходит большая дорога¹. Без указания места мечеть упомянута в вакуфном документе 1065—1066 гг. Тамгач хана Ибрагима². Интересные сведения о мечети содержатся в трактате XII в. Абу Хафса ас-Самарканди. Он сообщал, что «соборная мечеть, которая находится в Самарканде, во времена неверных была их капищем и местом поклонения. В халифство эмира правоверных Османа был завоеван Самарканд, тех идолов разбили и перевернули вниз головой, а капище обратили в соборную мечеть города»³.

Локализация этого интересного объекта была проведена В. В. Бартольдом, осуществившим первое историко-топографическое исследование Самарканда.

¹ Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-ль Касыма ибн Хаукаля, Труды САГУ им. В. И. Ленина, «Археология Средней Азии», вып. IV, Ташкент, 1957, стр. 15.

² M. Khadr. Deux actes de Waqf d'un Qarachaniden d'Asie Centrale, avec une introduction par chaude Cahen, Journal Asiatique, t. CCLV, Paris, 1967, p. 320—324, 330—334.

³ Кандия Малая, пер. В. Л. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 250.

На основе первых в данном пункте раскопок 1885 г. Н. И. Веселовского В. В. Бартольд пришел к выводу, что соборная мечеть города в X в. и, вероятно, позже находилась на обширной площади к западу от цитадели⁴. Раскопки Н. И. Веселовского были продолжены в 1904 г. В. В. Бартольдом и В. Л. Вяткиным, вскрывшими западную часть объекта. Было найдено множество обломков жженого кирпича, белых и синих изразцов, расчищена глинобитная стена и остатки подквадратного в плане (4,74×4,54 м) столба, сложенного из крупного (45×38×7 см) жженого кирпича на гипсовом растворе. Выше столба вскрыто второе квадратное сооружение до 3,6 м в стороне, сложенное из такого же крупного кирпича, и рядом с ним — небольшая глинобитная стена. И столбы, и стена выступали за пределы нижней основной постройки. На обломках кирпича сохранились интересные отпечатки с надписями «ихшид», «мусейяб», «Иштихан», нанесенными куфическим письмом. Вопрос о назначении постройки остался в стадии гипотез⁵.

В 1905 г. изучение мечети продолжил В. Л. Вяткин, определивший, что она состояла из главного здания в западной части и двора, окруженного стенами. Контуры стен были определены размерами 78×128 м, толщина стен — до 2,3 м. Сложены они были из битой глины, местами из крупного сырцового кирпича. В. Л. Вяткиным были открыты три входа. Самый широкий (около 2 м) — с юга, ближе к восточному углу, второй, до 1 м — в юго-западном углу, третий, также шириной в 1 м — почти в центре северной стены. Стены местами были обожжены, в траншее встречались куски обгорелого дерева со следами резного декора — свидетельство большого пожара, связанного с монгольским нашествием.

Внутри мечети и к югу от нее были вновь расчищены столбы из жженого кирпича. Ориентировка этих столбов была иной, чем у хорезмшахской мечети, но соответствовала столбу, раскрытому В. В. Бартольдом. Вдоль восточной стены мечети была расчищена группа столбиков из жженого кирпича, но более мелкого формата. Столбы стояли на раз-

---

⁴ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 года командированного Русским Комитетом проф. В. В. Бартольда, Соч., т. IV, М., 1966, стр. 131.

⁵ Там же.

ных расстояниях друг от друга и служили основанием для пристроенной к восточной стене галерей⁶.

Раскопки были продолжены исследователем лишь в 1929—1930 гг., причем, несмотря на большие масштабы работ, В. Л. Вяткин ограничился лишь кратким отчетом. Раскопки включали вскрытие верхних слоев и стратиграфическое изучение участка. По отчету была обнаружена постройка соборной мечети, воздвигнутой при Караханидах, что явилось первым изученным зданием караханидского Самарканда. Получено большое количество украшений из резной терракоты. Вероятно, вскрытию подверглась западная михрабная часть караханидской мечети. На объекте найдены обломки керамики, облицовочный кирпич, монеты караханидской эпохи⁷.

Изучение объекта возобновилось лишь в 1959 г. после создания в 1958 г. специального Самаркандского археологического отряда Узбекстанской экспедиции. В 1959 г. во дворе мечети Я. Қ. Крикис заложил стратиграфический раскоп, в котором были вскрыты полы мечети XI—XIII вв., устланные жженым кирпичом, и часть дверного проема северного входа в мечеть. На верхнем полу расчищены обуглившиеся фрагменты резного декора, вероятно, от айвана, проходившего по периметру двора⁸.

К северо-востоку от раскопа Я. Қ. Крикиса в 1965 г. был заложен раскоп М. И. Филанович. В нем расчищены верхний уровень двора мечети с тремя устоями колонн, галереи, детали резного дерева; уточнена толщина стены⁹ (2,7—3 м), габариты мечети определены как 75×127 м.

В 1969 г. Афрасиабской археологической комплексной экспедицией было возобновлено планомерное исследование объекта¹⁰. Были оконтурены стены мечети на различных этапах

---

⁶ В. Л. Вяткин. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 г., ИРКИСВА, СПб., 1908, № 8, стр. 1—15.

⁷ В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 92.

⁸ В. А. Шишкин. Узбекстанская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.), ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 41.

⁹ В. А. Шишкин. Қал'а и Афрасиаб, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 146.

¹⁰ Весной 1969 г. раскопки мечети производили Т. Агзамходжаев, Ю. Ф. Буряков, М. К. Пачос, М. Н. Федоров. С осени 1969 г. до весны 1971 г. раскопки продолжали Ю. Ф. Буряков, М. Н. Федоров. Площадь,

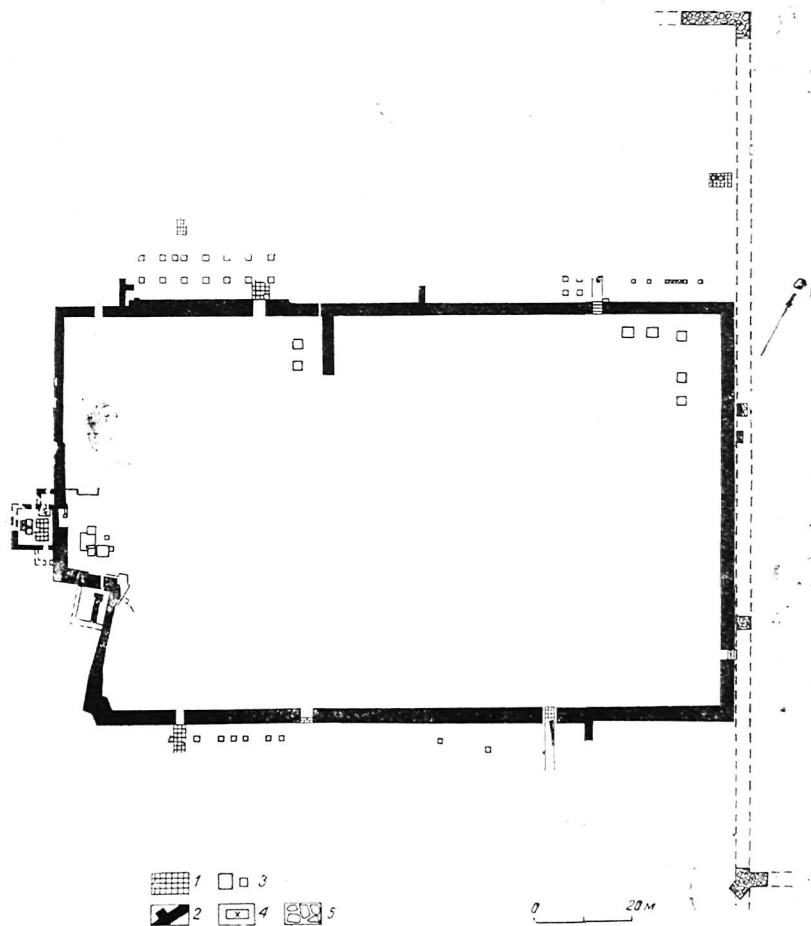

Рис. 1. Соборная мечеть. План. Условные обозначения:

1—выкладка из жженных кирпичей; 2—стены мечети; 3—стены мавзолеев; 4—колонны;
5—захоронения; 6—выкладка прохода

ее формирования, проведены в широких масштабах расчистки верхних уровней мечети. Стратиграфическими шурфами и разрезами вдоль стен обнажены их основания и исследованы ранние культурные отложения. Вскрыта площадь, прилегающая к мечети с севера и юга, раскрыта уличная магистраль, проходившая между мечетью и цитаделью.

В данном разделе приводятся материалы, характеризующие мечеть в XI—XII вв. Как показали раскопки, саманидская мечеть X в. была квадратной в плане (рис. 1) со стеной размером 79,6—80 м, использовавшей в качестве основания стену раннего сооружения, сложенную из крупных блоков пахсы, прослоенной крупноформатным сырцовым кирпичом размером 46—58×23—26×10 см.

Источники конца X в. отмечают частичное запустение шахристана. Ибн Хаукаль, описывая прекрасные виды города с цитадели, добавлял: «Они опустевшие и разрушенные». То же он сообщает и о дворце правителя в цитадели¹¹. Археологические исследования также показывают перемещение жизни на юг шахристана и в рабад. Вероятно, значительному обветшанию подверглась в этот период и соборная мечеть города.

Однако в XI—начале XIII вв. были проведены новые ремонты и значительная реконструкция мечети. Какой же реконструкции подвергся этот комплекс? Рассмотрим материалы изучения стен мечети.

Восточная стена изучалась полной расчисткой изнутри и раскопками и разрезом снаружи. Длина ее 79,6 м. Стена очень плохой сохранности местами разрушена до уровня верхнего пола. Особенно сильно пострадал северо-восточный угол. Вероятно, это произошло от неоднократных разрушений фаса, так как даже ранняя пахсовая основа стены местами заменена глинобитной и кирпичной кладкой на фундаменте, выложенном рваным чупанатинским сланцем в один ряд.

Откос стены на восток в северо-восточном фасае был поло-

примыкающая к мечети с запада, изучалась М. Садиевым и отрядом проблемной лаборатории истфака ТашГУ им. В. И. Ленина. С 1971 г. по настоящее время восточная и центральная части мечети исследуются Ю. Ф. Буряковым, западная, михрабная и площади, примыкающие к мечети с запада, — М. Садиевым.

¹¹ Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-ль Касыма ибн Хаукаля, стр. 14.

гим, так как между мечетью и цитаделью проходила глубокая впадина. Толщина стены сверху 2,2 м, но затем стена расслаивается. Основное тело ее поднимается вертикально. На глубине 4,5 м к ней снаружи примыкают уровни древней дневной поверхности. Вдоль стены расчищены мощный оплыв и завал. Снаружи к ним присоединена двойная пахсовая ремонтная рубашка с наклоном наружу. Таким образом, общая толщина стены на уровне древней дневной поверхности достигает не менее 3,6 м. Точно установить ее не удастся из-за разрушения внешнего фаса стены.

При расчистке основной стены снаружи в нескольких местах расчищены гнезда вертикальных деревянных стоек (диаметр 12—15 см) каркаса, поставленного во время ремонта отдельных участков. Из самой стены извлечены фрагменты керамики, попавшей в глиняную массу при формовке пахсовых блоков. Это сосуды поры Афрасиаб III—IV: венчики краснощенных чаш клювовидной формы с хорошим лощением, короткие широкие ножки кубков с грубым красным ангобом без лощения.

Совершенно иная керамика извлечена из завала. Это чираг граненой формы с ручкой, завершающейся наклепом-бантиком, покрытый снаружи по светлому ангобу зеленой глазурью; глазурованная коса с коричневым растительным орнаментом по белому фону; два граненых чирага с длинным носиком и ручкой-петелькой с площадкой для упора, украшенные штампованным орнаментом. Чираги покрыты голубой глазурью. Эта керамика характерна для XI—XII вв., скорее для XII в.

На расстоянии 22 м от южного угла был сделан разрез слоев, примыкающих в стене снаружи. Под слоями оплывов, на глубине 1,9 м, расчищен уровень дороги, ведущей к северным воротам, вымощенной крупным булыжником и рваным камнем. Ширина дороги 1,2 м, но она перекрыта одним из ремонтов стены. В 2,9 м восточнее стены на уровне дороги прорезан лоток шириной 0,7 м, сложенный из жженого кирпича прямоугольной формы. Размеры кирпича 21×12×4 см, 32×16×4 см, 34×16×4 см. В слое около дороги найдены обломки посуды: котла, чаш и светильника, покрытых голубой глазурью и полихромной росписью по белому фону, а также стеклянных изделий. Судя по керамике, настил дороги функционировал в конце XII — начале XIII вв., а ремонт, пере-

крывший его полотно, относится к хорезмшахскому времени.

Под настилом расчищены плотные наслоения ранних дорог. В них раскрыты две линии водопроводов, сложенных из керамических кубуров длиной до 58 см и диаметром 9—12 см. Одна нить труб разрушена и, вероятно, была заменена второй. Обе линии можно связать со временем функционирования верхнего настила. Ниже настила расчищена засыпка

Рис. 2. Северная стена мечети. Вид раскопа

дороги мелким галечником. Под засыпкой начинается плотная выкладка платформы.

На южном отрезке восточной стены, в 9,6 м от ее края, расчищен вход в мечеть. От дороги, уровень которой ниже пола мечети, к входу вели крутые ступени, сохранившие местами обкладку из жженого кирпича размером $33 \times 17 \times 4$ см и $38 \times 19 \times 6$ см. Данный стандарт характерен для XI — начала XIII вв. Ширина входа 2 м.

Северная стена раскрыта с обеих сторон (рис. 2). На восточном отрезке она сложена комбинированной кладкой из

пахсы и крупноформатного кирпича-сырца размерами 46—52×23—26×10—12 см. Стена снаружи во многих местах несет следы ремонта жженным (в основании) и сырцовым кирпичом одинакового стандарта (28—32×14—16×4 см и изредка 44×22×10 см). Поэтому толщина стены не одинакова — от 2,45 до 3,1 м.

Длина первого отрезка стены, связанного с саманидским периодом равна 80 м. Далее впритык к нему пристроено продолжение стены, опускающейся лишь на уровень двух верхних полов. Стена сложена из пахсы, она также неоднократно ремонтировалась и потому неоднородна. На западном ее обрезе, с 120-го метра, снаружи пристроены служебно-бытовые помещения с росписью стен многоцветной монументальной росписью.

В северной стене расчищены два входа, которые также указывают на разноэтапность возведения отрезков стены. Восточный вход находился в 28,5 м от восточного фаса. Прилегающая площадь лежала на 2 м ниже уровня мечети. Ко входу вела дорожка, вымощенная жженным кирпичом и оформленная бордюром из такого же кирпича на ребро. У входа, с восточной стороны, была сложена суфа 50×60×50 см, каркас которой был сложен из кирпича-сырца. От суфы сохранилось лишь основание. Ширина входа 2,15 м. С площади к мечети были подведены ступени. В щипцовых стенах входа сохранились ячейки для устоев деревянных ступеней. С каждой стороны расчищено по 7 ячеек в два ряда. Три ячейки подводили к нижнему полу, находившемуся на глубине 0,65 м от современной поверхности, и четыре — к верхнему, на глубине 0,4 м от поверхности.

Второй северный вход расположен в 98 м от восточного угла. Уровень площади здесь соответствует уровню полов внутри мечети. К проходу также вела дорожка шириной 3,5 м, вымощенная жженным кирпичом разного стандарта, в котором преобладает квадратный — 21×21×3 см. У входа сохранился порог из жженого кирпича, уложенного плашмя в полкирпича. Размер кирпича 39×19×7 см. Ширина дверного проема 2,75—3,15 м (западный край сохранился плохо).

К востоку от входа под стеной были расчищены остатки серебряного воинского пояса и золотая монета, вероятно, хранившаяся в мешочке, привязанном к поясу.

Монета — золотой динар, чеканенный Мухаммадом Хорезмшахом (1200—1220).

Пояс украшен серебряными фигурными бляшками, орнаментированными чеканным узором, и серебряными же, но более тонкими, накладками. Сохранилось 9 бляшек. Они выполнены в единой технике орнаментации и художественной манере и близки по форме, различаясь лишь размерами и небольшими деталями. Выделяются четыре варианта бляшек:

1. Крупные, размером 80×40 мм (2 экз.), с фигурными завершениями. Один край оформлен в виде килевидной арочки с полукруглыми выступами у основания. Вырез на противоположном конце имеет контур в виде фигурной скобки. Сохранилось пять штифтов, с помощью которых бляшка крепилась к основе пояса. Орнамент чеканный. Край бляшки обведен двойным бордюром, подчеркивающим форму изделия. Ограниченное бордюром поле покрыто растительным орнаментом на канфареном фоне.

2. Бляшки средних размеров (42×30 мм), повторяют форму вышеописанных с той лишь разницей, что вдоль длинных сторон проходил легкий фигурный вырез, а противоположный «арочке» край обрезан прямо. К обрезу припаяно ушко с серебряным колечком. Мотивы чеканного орнамента также растительные, но отличаются некоторыми деталями.

3. Миниатюрная копия предыдущего варианта, представлена одним экземпляром размером 25×17 мм.

4. Бляшки (2 экз.) размером 42×25 мм, представляют собой прямоугольник с выступом на одной из длинных сторон. Эта сторона имеет контур в виде фигурной скобки. Крепились бляшки с помощью четырех штифтов. Следует подчеркнуть, что бляшки первого и четвертого типа не имели колец, ширина их равна длине бляшек второго типа и является косвенным указателем ширины пояса. Если бляшки второго типа крепились колечком вниз, то поделки первого и четвертого типа набивались продольно длине пояса.

Кроме бляшек в составе поясного набора найдена небольшая бесшарнирная пряжка прямоугольной рамчатой формы с подвижным язычком и пятиугольным щитком для крепления к кожаной основе пояса с помощью трех штифтов. Вместе с ней лежали обоймица шириной 2,5 мм и небольшая узкая бляшка размером 36×10 мм, фигурное завершение кон-

ца которой сближается по форме с серебряными украшениями пояса.

В состав набора входило массивное (6 мм) кольцо диаметром 45 мм для подвешивания оружия.

Перейдем к анализу форм и орнаментальных мотивов бляшек. В основе форм лежат прямоугольники, усложненные фигурными вырезами листовидной формы. Эта форма известна с VIII—X вв. у кочевников Евразии¹². Сходная форма нередко встречается в декоре переднеазиатских изделий XII—XIII вв.¹³

Наиболее близки по форме бляшкам самаркандского пояса детали поясных наборов из серебра, обнаруженные Н. И. Веселовским при раскопках курганов у станицы Белореченская¹⁴.

Орнаментальные мотивы можно условно разделить на два типа — цветочные и листовенные. Оба типа орнаментов настолько оторвались от живой природы, что за стилизацией едва узнаются прототипы. Сравнительно легко устанавливается зависимость рассматриваемых мотивов от искусства Дальнего Востока¹⁵. В ряде деталей эта связь опосредствована искусством Переднего Востока.

Рассмотрим состав орнамента по элементам:

1. Листовидный цветок. Первая разновидность представлена трехчастным цветком с отогнутыми к низу лепестками. Все три лепестка ближе к основанию пересечены двумя параллельными линиями, расчленяющими поле на две неравные части; сверху лепестки «оживлены» ретушными штрихами, собранными в группы по дуге.

Наиболее близок этому типу лотосовидного цветка орнамент в декоре серебряного сосуда из собрания Эрмитажа (инв. № 2092—2), датированного по стилю XIV в.¹⁶

Вторая разновидность — многолепестковый цветок с чуть приостренными листочками. Этот тип цветка находит много-

¹² А. А. Гаврилова. Могильник Кудырга как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, стр. 67, 71, рис. 11, 27—33.

¹³ Survey of Persia Art, Oxford, 1939, v. VI, pl. 1295B, 1306A, 1307, 1311A.

¹⁴ ГИМ, инв. № 48479, ОАК за 1896 г.; 2. СПб., 1898, стр. 25, № 120, 121.

¹⁵ См., например: J. Hasebe. Chinese Ceramics of the Tenth Century, Proceeding of the Tokyo National Museum, 3, 1967, p. 47, fig. 200.

¹⁶ Сосуд датирован А. А. Ивановым.

численные аналогии в декоре иранских изразцов с люстровой росписью конца XIII — начала XIV вв.¹⁷

2. Симметричный трехчастный цветок с приотрешенными лепестками и кружком в центре. Между лепестками «вмонтирован» трехчастный фестончатый элемент с прорезью по дуге у основания.

Прямых аналогий этому мотиву обнаружить не удалось, но трехчастная фестончатая деталь с прорезью по дуге у основания — элемент, часто встречающийся в чеканном орнаменте металлических сосудов и декоративной росписи иранских изразцов¹⁸. На одной из блюшек лепестки трехчастников разделены бороздкой по долеой оси и украшены мелкими насечками в виде коротких параллельных отрезков по обе стороны вреза. Подобную разделку лепестков трехчастников можно видеть в декоре изразцов с мавзолея Пир-Хусейна, датированных по надписям 80-ми — началом 90-х гг. XIII в.¹⁹

3. Симметричный четырехлепестковый цветок с вытянутыми по долеой оси лепестками и кружком в центре. Между лепестками также «вмонтированы» округленные лепестки. Этот тип цветка одинаков с декором изразцов с росписью люстром мавзолея Пир-Хусейна.

4. Трилистник без точки в центре — деталь, часто встречающаяся в декоре иранских изразцов второй половины XIII—XIV вв.²⁰

5. Стебель с трехчастным треугольным завершением и его вариант с «пламенеющим» завершением. Обе разновидности нередко встречаются на металле. Аналогии стеблю с трехчастным остроугольным завершением можно видеть в декоре бронзовой бляшки с городища Замахшар²¹.

¹⁷ M. Bahrami. *Recherches sur les carreaux de revêtement lustre*, Paris, 1937, fig. 55.

¹⁸ Ernst J. Grube. *Some Lustre Painted Tiles from Kashan of the 13th and Early 14th Centuries*, *Oriental Art.*, Winter, 1962, VIII, 4, p. 167—174.

¹⁹ В. А. Крачковская. Изразцы мавзолея Пир-Хусейн, Тбилиси, 1946, стр. 101; Она же. Люстровые изразцы мавзолея Пир-Хусейн, Третий Иранский конгресс, М.—Л., 1936, табл. I.

²⁰ E. Kühnel. *Dated Persian Lustered Pottery*, *Eastern Art*, VII, 1931, p. 228, fig. 9.

²¹ ГИМ, инв. № 80794. Бляшка неоднократно анализировалась. См.: С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, рис. 91, 5; Он же. Древний Хорезм, М., 1948, табл. «Опыт хронологической классификации памятников древнего Хорезма».

Наиболее близок «пламеневидному» мотиву декор центральной розетки золотого ковша с тюркской надписью²².

Кроме четко выделяемых мотивов, в декоре поясных бляшек самаркандского поясного набора нередко встречается деталь, которая не может быть вычленена из состава орнамента как самостоятельная — это отрезки, которые не имеют листьев и, отходя от стеблей и цветов, «разбивают» поверхность фона. Подобная деталь характерна для китайского растительного декора серебряных и золотых изделий монгольской эпохи²³.

Композиция всех бляшек построена на принципе зеркальной симметрии. Незначительные отклонения, вероятно, могут быть объяснены отсутствием предварительной разметки орнамента.

Анализ формы бляшек и состава декора заставляет с большой осторожностью подойти к датировке поясного набора. Здесь мы стоим перед следующей дилеммой: либо поясной набор следует датировать временем ремонта мечети, тогда перед нами — уникальный памятник, декор которого «начинает» типологический и стилистический ряд, нашедший свое продолжение в искусстве Ирана конца XIII в. (достаточно многочисленные более ранние иранские и среднеазиатские памятники не дают прямых аналогий декору пояса), либо это клад, зарытый примерно через полстолетия после разрушения мечети монголами, тогда декор поясного набора отражает связи Средней Азии с Ираном последних десятилетий XIII в.

По южной стене западная граница мечети заканчивалась на 120-м метре и должна была в этом месте переходить в западную стену. Но с севера на юг здесь проходит широкая траншея, прорытая в 1905 г. В. Л. Вяткиным. По его данным, к началу работ здесь имелись значительные всхолмления, однако при раскопках были встречены лишь мощные завалы строительного мусора²⁴. Обломки жженого кирпича и строительного алебастра встречаются в отвалах этого раскопа и в настоящее время.

²² Я. И. Смирнов. Восточное серебро, СПб., 1909, № 231.

²³ В. Gyllensvard. Chinese Gold and Silver in the Carl Kempe Collection. Stockholm, 1959, pl. 53 A, B.

²⁴ В. Л. Вяткин. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 г., стр. 1—15.

Это не случайно. Мы считаем, что западная, парадная михрабная сторона мечети, в противоположность трем остальным, была возведена из жженого кирпича и, возможно, являлась частью монументального сооружения. Когда же шахристан после монгольского завоевания остался лежать в руинах, эта часть стены была разобрана целиком окрестным населением на кирпич, в результате остались лишь мощные отвалы строительного мусора и битого кирпича. Возможно, не случайно здесь и находжение В. В. Бартольдом «столба», являвшегося по определению В. Л. Вяткина, минаретом мечети.

Большой интерес представляло изучение южной стены мечети, выходявшей к шахристану. Стена обгорела снаружи, вдоль нее встречены следы горелых балок.

На восточном участке южная стена, как и северная, была сложена из пахсы и крупноформатного кирпича, расчищены два контрфорса, которые укрепляли стену на этом участке. Толщина ее составила 2,55 м. На расстоянии 37 м от восточного угла был расчищен первый проход. Он располагался в центре фаса саманидской мечети и являлся самым широким. Ширина его 3,15 м. Пол прохода был облицован жженым кирпичом размером $28 \times 16 \times 4$ см, $32 \times 16 \times 4$ см и $29 \times 16,5 \times 4$ см, оформленным вдоль стен бордюром.

Внутри дворика мечети проведена дорожка, также оформленная кирпичным бордюром. Там, где кирпичи вымостки сбиты, подсыпана мелкая галька. Под проходом расчищен проем шириной 1,5 м и глубиной 75 см, в котором был проложен водопровод-тазар с овальным сводом, облицованный внутри жженым кирпичом форматом $40 \times 21 \times 8$ см. На его дне сохранились илистые отложения. Свод обрушился. Тазар прослежен за пределами мечети на 16,2 м, затем он поворачивает к востоку.

Второй проход расчищен в 83 м от восточного угла. Пахсовая стена толщиной 2,4 м здесь уходит лишь на уровень верхних двух полов. Ширина входа 2,45 м. Площадь перед мечетью лежала несколько ниже, поэтому ко входу вело несколько ступеней, из которых сохранилась лишь одна, оформленная выкладкой квадратным кирпичом размером $21 \times 21 \times 4$ см на ребро.

На полу прохода найдена нижняя часть люстрового сосуда, пострадавшего от пожара. Сосуд открытой формы, на вы-

сокой кольцевой ножке, диаметром 9 см. Тесто из силикатной массы. Внутри нанесен концентрический растительный орнамент.

В 112 м от восточного угла раскрыт третий вход в мечеть, шириной 1,6 м. Снаружи с обеих сторон его оформляли выступы. Около входа найдены фрагменты монументального железного предмета плохой сохранности, напоминающие большой (до 0,8 м диаметром) круглый стержень, стянутый ребрами к центральной оси и подвешиваемый на цепях. Не исключено, что это своеобразная «люстра», на которой крепились светильники.

Стена близ третьего входа отремонтирована сырцовым кирпичом форматом 30×15×5 см. В целом южная стена продолжается на 119,1 м и вновь упирается в траншею В. Л. Вяткина. Но здесь удалось проследить угол, поворот стены на север и на 1 м западную стену шириной более 2 м.

Внутри мечети проводилось и вскрытие уровней верхних полов. Наиболее широкая площадь была вскрыта вдоль северной стены. В северо-восточном секторе расчищены уровни двух полов на глубине 25—40 и 65 см. Второй пол имеет несколько прослоек.

На этом полу найдена золотая монета диаметром 26 мм и весом 3,91 г, оказавшаяся гуридским динаром, чеканенным от имени Мухаммада бин Сама в 1188—1189 гг. В генеалогической ветви Гуридов это имя отсутствует²⁵. Но в бамианско-тохаристанской ветви Гуридов на 1163—1192 гг. упоминается Баха ад-дин Сам. Не исключено, что в 1188—1189 гг. этими районами правил его сын Мухаммад. Гуриды вели упорную борьбу с хорезмшахами и кара-китаями и даже захватывали Хорезм, но в 1206 г., в связи с династийными смутами, Гуриды ослабли и Мухаммад Хорезмшах присоединил гуридские владения к Хорезму.

Вдоль северо-восточного фаса до первого северного входа расчищены устои колонн, сохранившиеся в виде прямоугольных и квадратных углублений в полу, заполненных жженым кирпичом. Размеры углублений 2,5×2 м и 2×2 м. Кирпич различного формата, преобладает 28×5×4 см, 32×16×4 см. Вдоль северной стены расчищено 4 устоя. Два таких же ус-

²⁵ К. Э. Босворт. Мусульманские династии, М., 1971, стр. 240.

тоя раскрыты на северном участке, вдоль восточной стены. Расстояние между ними колеблется от 2,15 до 3,6 м.

В 3,8 м от них внутри мечети также расчищен ряд устоев, сохранившихся очень плохо, поэтому размеры их установить не удалось. Вероятно, устои служили основанием для крытых айванов. Но если вдоль северной стены они отстоят в 2,8 м от стены, то вдоль восточного фаса они встречены в 9,8 м от стены. Кроме того, стена оказалась покрытой несколькими слоями алебастровой и глиняной штукатурки, на двух верхних слоях видны следы пожара. Не исключено, что вдоль этого фаса проходили более монументальные крытые сооружения, к которым примыкали отвалы. В связи с этим интересна находка у восточной стены обломка витой алебастровой полуколонки диаметром 10 см, которая могла являться лишь деталью декора интерьера. Здесь же, на верхнем полу, обнаружен слой из обломков жженого кирпича и строительного алебастра, понижающийся на запад и к центру дворика. Среди находок в слое — обломок резной поливной терракоты с глубокой резьбой и голубой поливой, а также фрагмент резной неполивной терракоты. Верхние полы отвалов усыпаны мелкой галькой. Галечниковая засыпка выходит за пределы устоев внутрь дворика. Но уровень двора понижается на 60 см, что было четко прослежено в раскопе 26 в 1965 г.

Таким образом, айваны, помещения и дворик разделяются уровнями верхнего пола. На полу дворика и айванов расчищен мощный горелый слой — обуглившиеся фрагменты глиняной и алебастровой штукатурки, железные гвозди длиной до 8—15 см с крупными шляпками, масса древесного угля от сгоревших балок и досок. Встречены фрагменты горелого дерева с элементами геометрического и растительного декора.

У первого южного входа на полу был найден клинок и обломок рукоятки прямого железного однолезвийного меча длиной 50 см, шириной клинка 4 см с небольшим прямым перекрестием. Близ клинка лежал небольшой железный кинжальчик с деревянной ручкой. Кинжальчик вероятно был вложен в кожаный чехол с обкладкой из листовой меди. Кончик лезвия обломан.

К востоку от входа найден прямой однолезвийный нож плохой сохранности. К западу от входа найдено скопление из пяти железных наконечников стрел, в числе которых

4 крупных плоских с ромбовидным жалом и один с узким боевым краем, т. е. наконечник бронебойной стрелы. На стене близ входа, над полом, расчищена выцарапанная острым предметом надпись «Бисмилла ар-рахман ар-рахим». Слой с мечом и стрелами перекрыт горелыми балками.

Вдоль северного фаса, между первым и вторым входом по верхнему полу была вскрыта площадь в 450 м². Расчищена стена, оштукатуренная белым алебастром. Выкружка ее переходила в глиняную обмазку пола и лишь в 4—6 м от стены она заменялась галечниковой засыпкой.

Поверхность пола перекрыта завалом с большими включениями строительного алебаstra. Вероятно, в этом месте располагалась одна из боковых построек мечети. В южной ее части, ближе к середине двора, найдены обломки жженных кирпичиков, кубиков и столбиков, а также фрагмент резной неполивной терракоты с завитками растительного орнамента. Детали характерны для XI—XII вв. Этот слой также выклинивается к центру двора.

Близ второго северного входа расчищены два уровня полов. Верхний уровень перекрыт мощным горелым слоем. На полу найдены детали железного пластинчатого панциря. Прямоугольные пластины различных размеров гибко соединены между собой. Как и у южного входа здесь также найден железный изогнутый нож и небольшой кинжальчик в ножнах. Вероятно, у входов в мечеть шла особенно ожесточенная борьба защитников мечети с монголами во время обороны Самарканда весной 1220 г.

На втором полу найдены фрагменты чирагов, покрытых зеленой глазурью, характерных для XI—XII вв. На этом полу также раскрыты следы мощного пожара. Возможно, он связан с разрушением мечети Хорезмшахом Мухаммадом при подавлении восстания 1212 г. На поверхности мечети, кроме описанных двух золотых динаров, найдены три медные монеты.

Два уровня полов зафиксированы и в юго-западном углу мечети, вскрывавшемся близ третьего входа. Здесь также четко фиксируются два уровня пола. Нижний был устлан жженным кирпичом, в котором преобладает маломерка 22×22×4 см. Немного выше него проходил пол из жженой глины с примесью мелкой гальки. Но и на нем была плотная

обмазка и вымостка из кирпичей различных размеров, в которых преобладает прямоугольный стандарт $28 \times 16 \times 3,5$ см, $33 \times 18 \times 5$ см.

Крупнейшее архитектурное сооружение домонгольского Самарканда — мечеть, несомненно, играла важную композиционную роль в архитектурном облике северных районов шахристана. Поэтому наряду с раскопками внутри мечети было проведено частичное вскрытие прилегающей территории.

С севера мечеть прилегала к обширной площади, уступами спускавшейся с запада на восток к магистрали, подводившей к северным воротам. Западные участки площади находились на уровне полов двора мечети, а южные были опущены на 2 м ниже мечети, вследствие чего в нее приходилось подниматься по ступенькам.

Мечеть, вероятно, сыграла решающую роль в архитектурном планировочном оформлении северной площади. Последняя так же, как и дворик мечети, была вымощена мелкой галькой. Вдоль мечети, на расстоянии 3,7 м от стены, расчищен ряд устоев для колоннады крытого айвана, проходившего вдоль северного фаса мечети. Устои прямоугольной формы, размером $58 \times 79,5$ см, расстояние между ними 3,15 м, сложены они из жженого кирпича различного стандарта, в котором преобладает $30—32 \times 15—16 \times 4$ см. На одном устое найдена обуглившаяся деревянная подушка колонны размером $50 \times 40 \times 8$ см, состоявшая из двух плах. Два устоя соединены между собой глинобитной стеной и, вероятно, являлись частью закрытого помещения. Устои колонн такой же ориентации расчищены даже в 20 м к северу от мечети, где, возможно, размещался крытый базар.

Между стеной и устоями расчищены две печи ювелиров в виде ямок с сильно обгоревшими стенками диаметром от 15 до 45 см, металлические шлаки и обломок железного инструмента. К северу от печей найдены обломки тиглей стаканообразной формы из глины с шамотом. Близ восточного угла мечети обнаружена железная крица ладошкообразной формы диаметром 9,5 см и высотой до 5 см со следами капель стекавшего железа и мелкими вкраплениями древесного угля. Среди находок много обломков симобкузаха. Все это дает основание предполагать, что вдоль северной стены на площадь выходили мастерские металлургов-ювелиров.

В галечной засыпке встречены фрагменты тагора, котлов, чаш на высоком кольцевом поддоне, покрытых снаружи красноватой краской, обломок сосуда, покрытого голубой глазурью, из-под которой также выступают мазки красноватой краски. Эта керамика характерна для второй половины XII—начала XIII вв. и попала в засыпку, несомненно, в период ремонта мечети в начале XIII в.

Под засыпкой расчищены устои колонн более раннего периода, располагавшихся ближе к стене — на расстоянии 1,2 м. Форма их квадратная 50×45 см, сложены они из прямоугольного жженого кирпича размером $28 \times 16 \times 4$ см.

На этом же уровне найдены фрагменты симобкузача, а к западу от первого северного входа — еще одна печь ювелира-металлурга.

Площадь к северу от мечети понижалась уступами с запада на восток и с юга на север к центру площади. Площадь искусственно выравнивалась, причем в нивелировочную засыпку попадал строительный мусор от ремонта мечети. Это прослежено по стратиграфическим раскопкам, заложенным М. Н. Федоровым к северу от мечети в 1968 г., выявившим четыре слоя караханидо-хорезмшахских ремонтов.

Весной 1972 г. был заложен раскоп на площади, к югу и юго-востоку от нее, вдоль траншеи М. Н. Федорова, изучавшего водопровод. Раскрыт перекресток магистральной дороги, вымощенный булыжником и рваным чупанатинским сланцем. Дорога подходила с юга по плотине над водопроводом, а в пункте нашего раскопа раздваивалась.

Одна ветвь дороги вела на восток, к цитадели, где следует искать западные ворота, вторая, основная — поворачивала на север, к мечети. Ширина дороги 2,5 м. Направление ее четко совпадает с отрезком дороги, расчищенным в разрезе у восточной стены. Дорога идет ниже уровня прилегающей с запада площади перед мечетью. Один отвод ее уходит в ложбину между мечетью и цитаделью. Это магистраль, подведившая к северным воротам города.

На поверхности дороги найдены обломки керамики, непористой (фрагменты хумча, миски, горшочка) и глазурованной, вплоть до полихромной (белая с голубой поливой), и кашинный светильник. Комплекс характерен для конца XII—начала XIII вв. Под дорогой в разрезе расчищен более ран-

ний настил. Следовательно, вымостка, вероятно, была многослойная. Многослойной была вымостка и вдоль мечети.

Площадь к югу от мечети несколько поднималась над уровнем дороги. По восточному ее краю, возможно, располагались постройки общественного или торгово-ремесленного назначения, так как в обресе вдоль дороги обнаружены жженые кирпичи различного формата. Вдоль мечети, на расстоянии 5,6 м от стены, раскрыто несколько устоев колонн размером 60×60×12 см, сложенных из жженого кирпича караханидского стандарта. Они служили основой для айвана. На юго-западном отрезке площади устои были раскрыты еще раскопами В. Л. Вяткина. Эти факты говорят, что на южной от мечети площади так же, как и на северной, располагалась крытая галерея.

Раскопки дали интересные материалы по истории соборной мечети Самарканда XI — начала XIII вв. Как отмечалось выше, и средневековые хроники, и археологические материалы сообщают об определенном упадке цитадели и шахристана при Саманидах, перемещении экономической, культурной и даже административной жизни в южные районы шахристана и в рабады. Но при Караханидах вновь укрепляются стены и обживаются цитадель и шахристан, возрождается соборная мечеть города. Когда это могло происходить?

В 999 г. империя Саманидов пала. Бухара, Самарканд и весь Мавераннахр были захвачены основателем караханидского государства Насром ибн Али. Но при нем столицей вновь образовавшегося государства оставался Узгенд, бывшее удельное владение Насра, а в Самарканде и Бухаре были оставлены наместники²⁶. До 1005 г. Наср ибн Али был занят войной с последним саманидским претендентом на престол, Мунтасиром. В 1006 и 1008 гг. Наср ибн Али неудачно вторгся в Хорасан, где потерпел поражение от Махмуда Газневидского, а в 1011—1012 гг. вел войну со своим братом²⁷. В 1012 г. Наср умер, и в Мавераннахре началась междоусобная война между его братьями, закончившаяся лишь в 1016 г.²⁸

---

²⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, соч., т. I, М., 1963, стр. 329.

²⁷ Там же, стр. 332—335.

²⁸ Там же, стр. 336.

Мирная передышка кончилась в 1025 г., и снова в Мавераннахре начались междоусобные войны, вторжение Газневидов, война с Кадыр-ханом Кашгарским в 1026—1030 гг., затем в 1032 г. разорительный набег хорезмшаха Алтунташа и, наконец, в 1034 г. скончался Али-тегин, узурпировавший в 1025 г. Бухару и Самарканд²⁹. Время было отнюдь не подходящее для ремонта и строительства соборной мечети.

Положение резко изменилось после реконкисты Мавераннахра потомками Насра ибн Али.

В 431/1039—1040 гг. сын Насра, Ибрахим Тамгач-хан отвоевал у сыновей Али-тегина Самарканд³⁰, а в 433/1041—1042 гг. и Бухару³¹, завершив, таким образом, реконкисту Мавераннахра. После этого наступил период почти тридцатилетнего мирного правления с сильной централизованной властью, которая являлась в то время одним из неперменных условий широкого строительства крупных общественных и дворцовых сооружений.

Сохранились сведения о том, что при Ибрахиме Тамгачхане в Самарканде были построены медресе и госпиталь и переданы в вакф этим учреждениям доходные дома, бани, лавки и караван-сарай. Вакфы датируются серединой июля 1066 г. (Раджаб 458 г. х.)³². Часть доходов от вакфа госпиталя (5%) отчислялась для поддержания Большой мечети Самарканда³³.

Итак, реконструкция Большой мечети Самарканда должна была произойти в период с 433/1041—1042 гг. до июля 1066 г.

Учитывая необыкновенную набожность Ибрахима ибн Насра, можно ожидать, что реконструкция и перестройка обветшалой мечети была одним из первых крупных строительных мероприятий, осуществленных Тамгач-ханом после того, как он укрепился в Самарканде и Мавераннахре. Подтверждением этому служит медная монета Юсуфа, сына Али-теги-

²⁹ Там же, стр. 343, 357—358, 361.

³⁰ Музей истории народов Узбекистана им. Айбека АН УзССР, дирхемы Самарканда, инв. 154/112 и 44/64.

³¹ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 256, № 399—400.

³² M. Khadr. Deux actes de Waqf d'un Qarachaniden d'Asie Centrale, *Journal Asiatique*, t. CCLV, Paris, 1967, p. 320—324, 330—334.

³³ Там же, стр. 323.

на, выпущенная в Самарканде в 428/1036—1037 гг. Эта монета была найдена ниже уровня обмазки одного из поздних полов во дворе мечети.

К чему сводилась реконструкция соборной мечети Самарканда, предпринятая Тамгач-ханом? Прежде всего была в полтора раза увеличена площадь мечети, она была доведена до 100×150 зира ($79,6 \times 119,1$ м). Бывшая западная стена саманидской мечети была скрыта, ее великолепные панно из резного ганча были разбиты и частью попали в завал возле второго входа в южной стене караханидской мечети, сделанного возле юго-западного угла бывшей саманидской мечети.

Вместо одного в южной стороне мечети было устроено три входа, в северной стене — два. В восточной стене по-прежнему оставался один вход. Новая западная стена не сохранилась.

«Старые» стены саманидской мечети были покрыты ремонтной облицовкой из кирпича-сырца $44 \times 22 \times 10$ см, а в нижней части, местами, пахсовой рубашкой. «Новые» стены, по крайней мере на севере, были сложены из пахсы.

Мечеть была заново украшена резными ганчевыми панно или фризами, которые, однако, по своему облику отличались от панно саманидского времени. Именно к этому периоду относятся фрагменты алебастрового декора со словами «аллах», найденные нами в шурфе к северу от мечети.

Была построена или, может быть, возобновлена крытая галерея на деревянной колоннаде (от саманидского времени устои колонн до нас не дошли, но это не значит, что их не было).

В западной части при расширении мечети под полами оказались хозяйственные и жилые постройки IX—X вв. Скорее всего, в это время были построены и «кирпичные столбы», вскрытые в 1904—1905 гг. В. В. Бартольдом и В. Л. Вяткиным в западной части мечети. Судя по описям В. В. Бартольда и В. Л. Вяткина, число вскрытых столбов составило 9 (2 к западу и 6 к югу от «столба Бартольда») ³⁴. На наш взгляд, они служили подушками для колоннады михрабной части мечети. Судя по аналогии с подушками и в других частях мечети, в них использовался разноформатный, разно-

³⁴ В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, стр. 57.

временный кирпич. Именно так и попали в «столб Бартольда» кирпичи с куфическими клеймами «ихшид» и др.

Следующий крупный ремонт мечети произошел уже, скорее всего, в начале XII в. и связывается с деятельностью Арслан-хана Мухаммада ибн Сулеймана (1102—1130). Именно во время этого ремонта были сняты и попали в строительный мусор резные алебастровые украшения, найденные в шурфе к северу от мечети, где были прослежены четыре последовательных слоя строительного мусора, увязывающиеся с четырьмя ремонтами мечети между началом XII и началом XIII вв.

Следующий ремонт мечети можно связать с правлением Клыч Тамгач-хана Мас'уда (1160—1178). Предпоследний ремонт мечети, несомненно, связан с почти тридцатилетним мирным правлением Ибрахима ибн Хусейна (1179—1208) в Самарканде.

Археологические данные, а также сообщения средневековых источников указывают, что соборная мечеть домонгольского Самарканда сильно пострадала во время событий 1212 г., при неудачном мятеже последнего караханидского правителя Османа против Мухаммада Хорезмшаха. При раскопках мечети в некоторых местах были встречены два последовательных слоя пожарниц и обгорелой штукатурки.

Разрушения в мечети были велики, и ремонт, предпринятый Мухаммадом Хорезмшахом, напоминал скорее новое строительство, это и нашло свое отражение в сообщении о том, что в 1212—1214 гг. Мухаммад Хорезмшах построил в Самарканде новую соборную мечеть³⁵.

В это же время были предприняты попытки расширения мечети. Но с востока это было невозможно сделать ввиду нависания стены над дорогой. С севера и юга мечеть плотно окружали ремесленные постройки. С запада мечеть была ограничена примыкавшим кладбищем, на котором, в частности, стоял мавзолей Ибрагима ибн Хусейна. За счет этого кладбища и была расширена мечеть, охватившая максимум свободной площади вплоть до мавзолея. Поэтому ее северный и южный фасы были протянуты на разную длину. Северная стена продлилась на 137 м и уперлась в безымянные

---

³⁵ В. В. Бартольд. Кара-китан и хорезмшахи, соч. т. I, М., 1963, стр. 431; История Самарканда, т. I, Ташкент, 1969, стр. 158.

мавзолей из жженого кирпича. Поэтому северо-западный фас стены обработан снаружи грубо. Западный отрезок южного фаса также доходил до мавзолея Ибрагима ибн Хусейна, который оказался, таким образом, встроенным в тело мечети. Но так как его стены не совсем совпадают с ориентацией мечети, южный участок западной стены оказался несколько смещенным.

Внутри мечети стены были оштукатурены алебастровым раствором, перекрывшим слои пожара 1212 г. Дворик был вымощен мелкой галькой. О возведении монументальных сооружений внутри двора мы ничего не можем сказать, так как они разрушены полностью.

Была проведена частичная реконструкция и торгово-ремесленной площади, примыкавшей к мечети с севера, засыпаны устои караханидских колонн и выведен новый айван с более крупным шагом колонн. Площадь, как и дворик, была засыпана мелкой галькой.

Мечети хорезмшаха не суждено было просуществовать долго, она погибла через семь лет после ремонта во время захвата Самарканда войсками Чингиз-хана в марте 1220 г.

Вот как описывает последние часы существования соборной мечети домонгольского Самарканда историк Рашид-ад-Дин (1240—1318): «Из отдельных людей и мужественных бойцов около тысячи человек укрылось в соборной мечети. Они начали жестоко сражаться стрелами и нефтью, монголы также метали нефть и сожгли мечеть со всеми, кто в ней находился»³⁶.

Археологические данные дают обильные иллюстрации и подтверждения этому сообщению: слой пожарища, обломки доспехов и оружия, наконечники монгольских стрел и т. д.

После разгрома, учиненного войсками Чингиз-хана, руины соборной мечети были заброшены и превратились в своего рода каменоломню, из которой окрестные жители извлекали жженный кирпич и другие уцелевшие строительные материалы.

---

³⁶ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, книга 2, пер. с персидского О. И. Смирновой, М.—Л., 1952, стр. 208.

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО КЛАДБИЩА В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ АФРАСИАБА

Одним из важнейших историко-топографических моментов в северо-западной части Афрасиаба является процесс сложения здесь древнего мусульманского кладбища. Как показали исследования его стратиграфии и расчистки по площади, кладбище складывалось на протяжении нескольких столетий и включало ряд сменявших друг друга или сосуществовавших типов могильных сооружений. Изучение его интересно не только в плане выяснения времени заустения северных городских районов Афрасиаба, но и для воссоздания истории целого культово-погребального комплекса. Обилие типов погребальных сооружений, хоть и отвечавших требованиям мусульманской обрядности, ставит вопрос о разнообразии религиозных толков в среде самаркандского населения и его этнической пестроте.

Впервые с мусульманскими захоронениями на этой территории столкнулся В. Л. Вяткин при раскопках в 1929—1930 гг. между мечетью и северным обрывом к Сиабу¹. В прорытых им неглубоких траншеях зафиксированы элементы архитектурного декора XI—XII вв.— фигурные кирпичики, бантики, акант, а также неполивная керамика и монета Хорезмшаха Мухаммада. Погребения расчищены и близ северо-западного угла соборной мечети, где они оказались врезанными в культурный слой с остатками жилищ караханидского времени. Начало сложения кладбища В. Л. Вяткин относил к

¹ В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 93—96.

саманидской поре и ставил вопрос о его связи с соборной мечетью².

Мощные слои мусульманских захоронений были прорезаны раскопом 1948 г. А. И. Тереножкина, заложенным западнее траншеи В. Л. Вяткина на склоне массива наслоений, прилегающих к мечети. Зафиксированы они и в западной низине, входящей в первое кольцо городских укреплений.

Последующее изучение северной части Афрасиаба в разной степени затрагивало наслоения кладбища. Наиболее существенные материалы исследования, полученные в раскопах 6, 12 и в квадрате 31/XVII, легли в основу настоящей статьи³.

Выяснено, что кладбище занимало не только верх массива наслоений к северу и западу от соборной мечети, но и северную половину западной низины, выделенную в рельефе. Общая площадь кладбища составляет около 3 га при мощности отложений в 2—2,5 м на высоте и 4—6 м на западе. Раскопом 12 исследована низинная часть кладбища, наползавшая здесь на северный вал городской стены, а раскопом 6 и 31/XVII — его восточная часть, возникшая на культурных отложениях более позднего времени. Причем на раскопе 12 удалось получить наиболее полную стратиграфию захоронений благодаря тому, что эта территория пустовала, видимо, уже со времени раннего средневековья, и именно здесь были произведены первые погребения.

В самых нижних слоях кладбища здесь отмечена только неполивная керамика, включающая главным образом античные красноангобированные фрагменты, черепки банок с подкошенным дном и в меньшей степени — раннесредневековые формы. Городская стена, на которую, по мере разрастания, наползло кладбище, имеет античное ядро, сложенное из пахсы и сырцового кирпича размером 38—39×38—39×12—14 см, и ремонтные пристройки, выведенные из сырца размером 46—47×26—27×8—9 см, возможно, в раннесредневековый период. Часть ремонтной кладки в какое-то время, когда сте-

² В. Л. Вяткин. Дневник 1929 года, см.: В. А. Шишкин. К истории изучения Афрасиаба и его окрестностей, «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 92—94.

³ На раскопе 6 работы велись С. К. Кабановым при участии М. И. Филанович в 1959—1961 гг., на раскопе 12 — М. И. Филанович в 1960 г., в квадрате 31/XVII — в 1967, 1968 гг. — Ю. Ф. Буряковым, в 1972 г. — Л. Г. Брусенко и Э. Ю. Буряковой.

на уже не поддерживалась, обрушилась на верхние могилы, не потеряв своей структуры.

В среднем и верхнем ярусах этой части кладбища встречены отдельные фрагменты поливной керамики с бирюзовой расплывчатой и мраморовидной глазурью и густым непрозрачным голубым покрытием. Однако, как явствует из раскопа, культурного слоя, откуда могла происходить эта керамика, здесь не было.

Иную картину демонстрируют отложения восточных участков кладбища. На раскопе 6 погребения осуществлены непосредственно в культурном слое раннего средневековья и врезаются в остатки стен помещений этого времени. Никаких признаков обживания этого участка позднее середины X в. не обнаружено.

Однако к востоку от раскопа 6 в пределах квадрата 31/XVII, где могильный слой исследован на площади 250 м², погребения прорезали жилые слои IX—начала X вв. и XI—XII вв.⁴

От первого периода сохранились остатки шести комнат одного хозяйства с пахсовыми стенами толщиной до 1,4 м, ямами и бадрабами. Расчищены также две «комнаты прохлады», в которых найдены терракотовые очажки, тигель, остатки шлаков, глазурованные чаши с мутно-бирюзовым орнаментом по серому фону, пиалы с зелеными потеками, стеклянная реторта. Этот жилой горизонт, кроме материала IX—начала X вв., датируется и двумя монетами Насра ибн Ахмада, на одной из которых сохранилась дата 870 г. После запустения здесь отмечается новое обживание, оставившее небольшой комплекс глазурованных сосудов: пиалы голубой поливы, чаши кашинного теста и бирюзового покрытия, светильник на высокой ножке, т. е. материал, характерный для XI—XII вв.

Непосредственно к описанному участку с востока примыкает территория кладбища, вскрытая на площади 170 м² в 1972 г. Здесь остатки жилых помещений и культурный слой, в котором вырыты первые могильные ямы кладбища, датируются более ранним временем. Четко выявлена пахсовая

---

⁴ Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков. Об археологических исследованиях на городище Афраснаб в 1967—1968 гг., сб. «Афраснаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 278.

стена 1,7 м шириной, принадлежавшая, видимо, какому-то монументальному сооружению, перекрытому несколькими помещениями, с двумя уровнями полов.

Клад из пяти медных монет первой половины VIII в., найденный на нижнем уровне пола, указывает на время начавшегося запустения здания⁵. На VII — начало VIII вв. как на время существования здания в первом периоде указывает и небогатый керамический материал из слоя на нижнем полу. Наиболее характерна форма кружки с кольцевой ручкой, широко известная в Согде⁶.

Во втором периоде старые стены здания наращиваются сырцовым кирпичом размером 41—42×20—21×8—10 см, заделываются бреши и возводятся новые стены. Так, в помещении № 1 возникли две небольшие комнаты. В первой комнате (размер 2,5×2,2 м) у северной стены расчищен разрушенный очаг прямоугольной формы с остатками полусгоревшего дерева. Вторая комната (2,5×2,5 м) примыкает к первой с северной стороны. В северо-западном углу расчищен сливной колодец диаметром 0,75 м. На полу комнаты обнаружены фрагменты глазурованной керамики и стекла. Среди керамики преобладают чаши полусферической формы с так называемой «ишкорной» поливой, нанесенной на черепок без ангоба. Рисунок геометрического и растительного характера изображен нечеткими контурами по белому фону. Здесь встречено незначительное количество фрагментов с прозрачной бесцветной свинцовой глазурью с орнаментом в виде расплывающихся пятен зеленого, фиолетового и желтого цветов по белому ангобу с процарапанным орнаментом.

В слое второго периода обживания этих помещений обнаружена медная монета первой половины IX в. На л. ст. в поле в линейном ободке: لااله الاالله وحده/شريكه

بسم الله ضر بهذاالفلسن بسمن قندسنته خمس و [فأدأين

На об. ст. в поле в круге из слившихся точек: الله / محمد /

ممام به الا مير غسان بن [عب] باد رسول/الله/ط

Монета выбита в Самарканде в 205 г. х. (820—821) от имени Гассана ибн Аббада⁷.

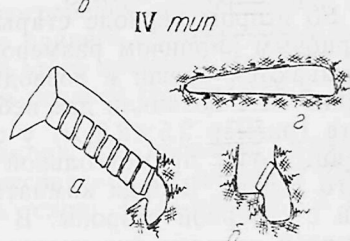
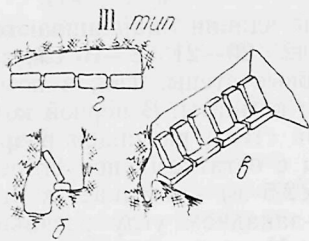
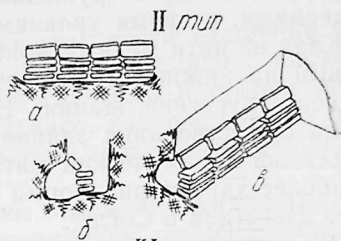
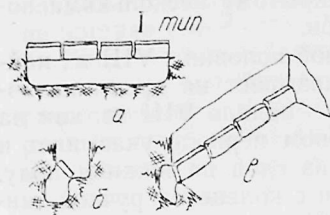
⁵ Определение монет Т. Ерназаровой.

⁶ И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента, МИА, вып. 37, М., стр. 138.

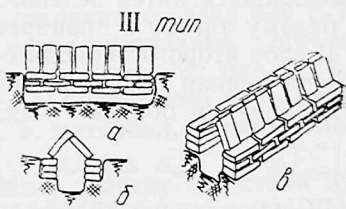
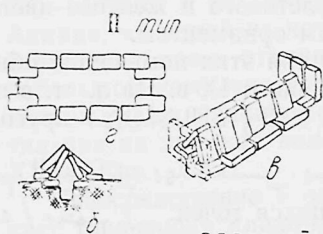
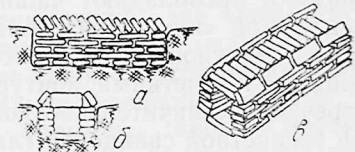
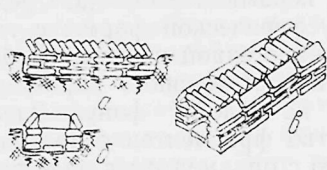
⁷ Определение Г. В. Шишкиной и Б. Д. Кочнева.

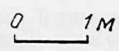
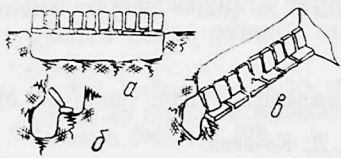
НИЖНИЙ ЯРУС КЛАДБИЩА

СРЕДНИЙ ЯРУС КЛАДБИЩА

ВЕРХНИЙ ЯРУС КЛАДБИЩА

Таким образом, уже к концу IX—началу X вв. эти жилые помещения приходят в запустение.

Суммируя описание слоев, в которых осуществлены первые захоронения на северном участке кладбища, следует отметить, что в западной низине городская территория пустовала уже в период раннего средневековья, на участке раскопа 6 — в IX в., далее к востоку на большой площади последние жилые комплексы относятся в большинстве к IX—X вв., и лишь спорадически отмечены пункты с постройками XI—XII вв.

Южный участок кладбища примыкает к западному фасаду мечети. Слой погребений здесь слабо насыщенный и не превышает 1 м, а сами могильные ямы пробиты в отвале строительных остатков XII в., состоящих из битого жженого кирпича и фрагментов архитектурного декора — бантиков и кирпичиков с голубым покрытием.

Территория к северу от мечети занята кладбищем не полностью. Между зданием мечети и крайними могилами существовала площадь с небольшими постройками и крытой галереей, идущей вдоль стены мечети.

Очагом мусульманского кладбища, видимо, следует считать северную часть западной низины, где в раскопе 12 зафиксирована шестиметровая толща погребений. Расширилось кладбище главным образом, в восточном направлении, поглощая городские территории, постепенно оставляемые жителями. В последнюю очередь под кладбище оказалась занята территория за западным фасадом соборной мечети.

Переходя к описанию типов погребений следует отметить насыщенность кладбища в северной его части, где могильные ямы и сооружения врезаются друг в друга и очень трудно определить уровень, с которого опущено захоронение.

На раскопе 12 относительно четко фиксируются три стратиграфических яруса кладбища, отличающиеся типами погребений и размерами использованного в них кирпича (рис. 1). Однако выделение трех ярусов не означает резкой границы между ними и не исключает некоторого сосуществования в промежутках типов погребений, присущих каждому ярусу.

Рис. 1. Типы могильных сооружений:

а — продольный разрез; б — поперечный разрез; в — общий вид; г — план.

В нижнем ярусе господствуют подземные захоронения — подбой с ориентацией на северо-северо-запад. Ширина могильных ям 0,4—0,5 м, длина 1,7—2 м. В западной стенке ямы сделан подбой в виде ниши или углубленной на 0,35—0,4 м канавки, где в вытянутом положении на спине с головой, повернутой лицом на юго-запад, покоится скелет. Под голову часто подложен булыжник или кусок кирпича. Подбой закрыты сырцовым кирпичом, поставленным наклонно на край канавки либо на один или несколько рядов такого же кирпича. Наиболее ранние подбои закрыты сырцом размером 47×25×8—9 см, который добывался, видимо, здесь же из кладок городской стены, стоявшей в запустении.

В выше расположенных могилах использован сырец размером 43—42×22—21×8—7,5 см, присущий постройкам IX—начала X вв. на близрасположенном к востоку участке городища. Нижний ярус по толщине занимает примерно 2,5 м. Средний ярус кладбища, на который приходится около 2 м, характеризует полуподземные могильные сооружения из сырцового кирпича — цисты. Они состоят из могильной ямы, обложенной по длине кирпичами, и кирпичного перекрытия, возвышавшегося над поверхностью кладбища. Могильные ямы углублены в грунт на 0,25—0,45 м, обычная ширина их 0,8 м.

После обкладки стен кирпичом ширина ямы сужалась до 0,35—0,4 м, и в этом узком ящике, дно которого в некоторых вариантах цист также выстлано кирпичами, осуществлялось захоронение в позе, описанной для подбоев. Стенки кирпичного ящика выводились обычно из одного, трех и пяти рядов кладки без применения скрепляющего раствора. Так же выводилось и перекрытие из кирпича, поставленного наклонно на грань. Торцовые концы ящика замазывались или присыпались землей, иногда применялся поставленный вертикально кирпич.

На нескольких могилах встречено перекрытие из кирпичей, поставленных «домиком». Все цисты среднего яруса сложены из сырца размером 41×21×8 см.

Кроме цист в этом ярусе встречено детское погребение в ящике, обложенном жженым кирпичом, с плоским перекрытием. Значительное число цист с плоским кирпичным перекрытием обнаружено и в верхнем слое раскопа 6. На этом

участке известны и подбойные захоронения аналогичные нижнему ярусу раскопа 12. Они обнаружены в нижних слоях, в срезе раскопа 1948 г. А. И. Тереножкина. В погребениях среднего яруса соблюдается та же ориентация, что и в нижних подбоях, лишь несколько цист отклонены правильнее на север. Верхний ярус кладбища на раскопе 12 составляют под-

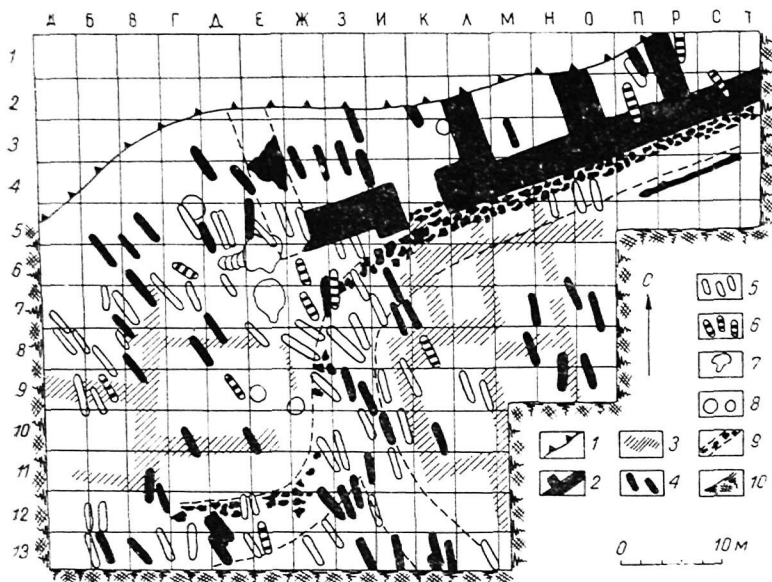

Рис. 2. План кладбища XI—XII вв. Условные обозначения:

1—обры; 2, 4—мавзолей и погребения XI—XII вв.; 3—остатки помещений IX—X вв.; 5—погребения среднего яруса; 6—погребения нижнего яруса; 7—подземные помещения; 8—бадрабы и ташпау; 9—вымостка дороги; 10—край раскопа

бойные захоронения, отличающиеся от нижнего лишь размером кирпича. Здесь применен сырец и жженный кирпич размерами 30—32×17—18×5—6 см, характерный для строительства XI—XII вв.

На раскопе 31/XVII и прилегающем к нему с востока участке выявлен целый ряд новых типов погребений, относящихся к среднему и верхнему ярусам кладбища.

На раскопе 31/XVII вскрыто 67 погребений, перекрывающих друг друга на глубине от 0,2 до 1 м. Здесь преобладает северная ориентация с меньшим числом северо-западных отклонений. Положение костяков прежнее. Кроме плоскоперекрытых цист, здесь выделяются новые типы погребений: ямы с легким подбоем с востока и ямы, обложенные с востока кирпичом под наклоном (рис. 2). Встречены и надземные могильные сооружения — сагана из жженого кирпича, иногда с выкладкой в центре. В конструкциях применен кирпич стандартов, присущих среднему и верхнему ярусу кладбища⁸.

На участке с востока, примыкающем к раскопу 31/XVII, слои кладбища достигают в северной части 2,5 м и в южной — 2 м толщины. Здесь выявлены типы захоронения аналогичные раскопу 12, однако яруса кладбища не могут быть выделены столь четко из-за чрезмерной насыщенности слоя погребениями. Стратиграфически прослежены три группы могил, расположенные друг над другом. Нижний горизонт включает 8 могил, примыкающих к цистам среднего яруса раскопа 12. При расчистке они воспринимались как овальные ямы длиной 1,9 м, шириной 0,35—0,4 м при глубине 0,3—0,4 м, обложенные сырцовым кирпичом особого стандарта (45××25×10 см).

В среднем горизонте расчищены остатки двух мавзолеев, стены которых перекрывали нижние погребения. К этому же горизонту относится кладбище с 39 погребениями, примыкающее к мавзолеям с юга. Оба мавзолея расположены вдоль обрыва, северная часть их еще в древности обрушилась в Сиаб.

Лучше сохранился западный мавзолей, у которого уцелели три стены: торцовая, длиной 3 м и часть боковых стен, длиной 2,5 м. Ширина стен 1,85 м, высота — 0,5 м. Сложены они из бесформенных кусков пахсы на глиняном растворе. Изнутри сохранилась штукатурка толщиной 10—15 см. На одной из стен с внутренней стороны видны остатки ганчевой обмазки. Наружная облицовка здания, видимо, была из жженого кирпича, бой которого и фрагменты ганчевой промазки обнаружены в отвале у стен. Пол выстлан продолговатым жженым кирпичом размером 28×15×3 см. Наблюдается чередование рядов кирпичей, уложенных ложком с рядами, вы-

⁸ Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков. Об археологических исследованиях..., стр. 277.

ложенными тычком, чем создается впечатление фигурной выкладки.

Внутри мавзолея расположены несколько плохо сохранившихся погребальных сооружений типа сагана. Одну из них удалось расчистить. Сложена она из сырцового кирпича размером $40 \times 20 \times 6$ см, $45 \times 20 \times 6$ см и $47 \times 20 \times 9$ см, наружная поверхность ее покрыта глиняной штукатуркой. Под саганом находится погребальная яма с небольшим подбоем с западной стороны. Обнаруженный там костяк ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток с поворотом лица на запад.

Снаружи у сагана обнаружена горка из мелких фрагментов чаши с бирюзовой поливой. Удалось восстановить ее форму — полусферическая с прямыми бортиками и врезным кольцевым поддоном. По лессовому черепку без ангоба нанесена бирюзовая глазурь, доходящая снаружи до поддона. Подобного типа чаши широко распространены в Самарканде с XI в.⁹ Чаша, вероятно, согласно обычаю, была разбита о камень в ногах покойника.

В Фергане до сих пор существует обычай оставлять на могилах фарфоровую посуду. Возможно, вначале мавзолей предназначался для одного лица, его погребальная камера располагалась в центре квадратного помещения. Позднее возникли еще несколько погребений в юго-восточном углу помещения с той же ориентировкой, что и центральное захоронение.

С восточной стороны к мавзолею примыкает еще два помещения. В одном из них, в центре, обнаружено погребение без сагана. В другом захоронений не обнаружено, но заполнение его содержало много фрагментов бытовой посуды — уплощенной формы чаши с низкими бортиками на врезном кольцевом поддоне с оливковой росписью по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью. Орнаменты несложные, в виде плетенок и завитков. На одной из чаш в центре изображена красная вихревая розетка. Здесь же встречены две пиалы с коническими стенками: одна белофонная, другая с бирюзовой поливой по красному ангобу. Весь комплекс ха-

---

⁹ Ш. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканды IX — начала XIII вв., Ташкент, 1967, стр. 78—103, рис. 6 а.

рактирует время заступления этого помещения и относится к XI—XII вв.

В завале помещения обнаружено несколько глазурированных облицовочных плиток $9 \times 3,5$ см с бирюзовой и марганцевой глазурью. Здесь же найден фигурный кирпичик в виде бантика размером $7 \times 7 \times 3$ см, поверхность которого покрыта бирюзовой поливой. Возможно, что эти плитки употреблялись для облицовки стен мавзолеев или попали сюда из близрасположенной мечети.

Выход из мавзолея круто поднимается вверх и состоит из ряда ступеней, выложенных рваным чупанатинским сланцем в сочетании с крупным булыжником. С внешней стороны выстилка идет вдоль стен помещений в северо-восточном направлении. К югу дорога делает крутой изгиб и спускается к мечети. С южной стороны к мавзолеям примыкает кладбище.

В XI—XII вв. наблюдается наиболее интенсивное функционирование кладбища, слой его достигает мощности до 1,5 м. В нем вскрыто небольшое количество могил — до 39. Отмечается сосуществование двух типов захоронений, отличающихся друг от друга устройством погребальных камер: 1 — могильные ямы со слабым подбоем с западной или восточной стороны, их размеры: длина 1,75—1,95 м, ширина 0,3—0,45 м, глубина 0,4—0,5 м; 2 — цисты с несколькими вариантами перекрытия сырцовым прямоугольным кирпичом, поставленным плашмя или наклонно. В обоих типах использован разноформатный сырец $40 \times 20 \times 8$ см, $39 \times 19 \times 5$ см, $30 \times 18 \times 4$ см.

В верхнем ярусе расчищено 6 могил с ориентацией северо-запад — юго-восток. Погребальные камеры имеют вид щелевидных овальных ям глубиной 0,3—0,5 м, длина которых колеблется от 1,7 до 1,8 м, ширина — от 0,25 до 0,5 м. Почти все костяки лежали в вытянутом положении, на спине или на боку, головой на север с небольшим отклонением на запад, лицо повернуто на кыблу. Почти все могилы имели двускатное или односкатное перекрытие из жженого мелкоформатного кирпича размером $27 \times 14 \times 4$ см, $25 \times 14 \times 7$ см и сырцового размером $36 \times 19 \times 15$ см, $37 \times 19 \times 5$ см, что придает им сходство с цистами.

В верхнем горизонте кладбища встречено большое количество керамики из перемещенных слоев разного времени.

Здесь обнаружены ножки античных кубков, раннесредневековые смятые сливы корчаг, фрагменты чаш так называемой «ишкорной» поливы с бирюзовым геометрическим орнаментом по серому фону и, наконец, кашинные светильники на ножке, покрытые непрозрачной бирюзовой поливой. Указанный горизонт можно сопоставить с верхним ярусом раскопа 12, разница лишь в том, что здесь кроме подбойных погребений продолжали существовать цисты, сложенные из мелкого сырцового и жженого кирпича, характерного для XI — начала XIII вв.

Средний горизонт кладбища с мавзолеем и сагана на раскопе 12 отсутствует, хотя стратиграфически он должен предшествовать верхнему ярусу. Исходя из стратиграфии кладбища, датировок культурных слоев, предшествующих первым погребениям, и сопровождающего материала сложение погребального массива представляется таким образом: выделенный только на раскопах 6 и 12 нижний ярус фиксирует первоначальное место погребений, осуществленных, видимо, в самом начале X в., единственный тип захоронений — подбой¹⁰. Постепенно подбой сменялись кирпичными полуподземными цистами, которые стали господствующим способом погребений, видимо, со второй половины X—XI вв. Затем в XII в. наряду с цистами стали применяться надземные сооружения над ляхадом — сагана и мавзолеи. В это время интенсивно использовались площади кладбища к северу от мечети и, видимо, начали осваиваться территории к западу от нее. К концу существования кладбища, т. е. в начале XIII в., опять вырос процент подбойных погребений в его верхнем слое, хотя по-прежнему выводились и цисты.

Мусульманские погребения в цистах зафиксированы в ряде пунктов Средней Азии: в Хорезме¹¹, в Фергане¹², под Бу-

¹⁰ Утверждение М. Пачоса («Средневековые погребения на городище Афрасиаб», Научные работы и сообщения, кн. 5, Ташкент, 1962) о том, что кладбищ X—XI вв. в пределах Афрасиаба не существовало и что древнейшим типом мусульманского погребения является циста — результат невнимания автора к материалу раскопа 12.

¹¹ В. Н. Ягодин. Новые материалы по истории религии Хорезма, СЭ, М., 1963, № 4, стр. 104—106; В. Н. Ягодин, Т. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана, Ташкент, 1970, стр. 11, рис. 2; А. В. Гудкова. Некрополь городища Ток-Қала, СЭ, М., 1963, № 6, стр. 70—71; А. В. Гудкова. Ток-Қала, Ташкент, 1964, стр. 145—147.

¹² В. А. Булатова. Некрополь X—XI вв. в Куве, ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 139, 143.

харой¹³, в Семиречье¹⁴, однако нигде не отмечено сосуществование их с подбоями. Цисты из могильника Гуяр-Кала в Хорезме выделены В. Н. Ягодиным в три разновременные группы.

Тип плоскоперекрытых ящиков отнесен к самым ранним и датирован IX в. Второй тип, отличающийся двускатным перекрытием, отнесен к X—XI вв. Цисты некрополя у городища Ток-Кала и кувинские погребения в прямоугольных кирпичных камерах также датируются IX—XI вв. Лишь семиреченские кирпичные ящики датированы А. Н. Бернштамом XII — началом XIII вв.

Тождество афрасиабских могильных сооружений хорезмским и кувинским абсолютно. Афрасиабское кладбище может добавить к известным типам цисту с перекрытием, где кирпичи поставлены на грань с наклоном. Датировка яруса цист — X—XI вв., видимо, не может вызывать сомнения. Примечательно лишь, что, как самый древний вид мусульманского погребения, подбой на афрасиабском кладбище предшествовал цистам, а затем сосуществовал с ними.

Большинство исследователей связывает цисты с пережитком зороастрийских погребальных традиций, предписывавших ограждать землю, как священную стихию, от соприкосновения с трупом. Если это так, то с чем можно связать более ранний тип погребений — ляхад?

Обычай оссуарного захоронения был больше присущ оседлому зороастрийскому населению. Кочевники же Средней Азии издавна хоронили умерших в грунтовых ямах, подбоях. Может быть, истоки мусульманского ляхада надо искать в кочевническом погребальном ритуале? Подобное предположение уже высказано в литературе и, на наш взгляд, заслуживает внимания¹⁵.

Однако антропологических различий между погребенными в подбоях и захороненными в цистах не замечено. Пять черепов с раскопа 12, определенные В. Я. Зезенковой, слишком малочисленный материал для выводов, но из их определения

¹³ И. А. Сухарев. Мусульманские захоронения первых веков хиджры в Бухаре, «Известия УзФАН СССР», № 12, Ташкент, 1940, стр. 71—72.

¹⁴ А. Н. Бернштам. Чуйская долина, Труды Семиреченской археологической экспедиции, МИА, вып. 14, М.—Л., 1950, стр. 34—35.

¹⁵ В. Н. Пилипко. Средневековое кладбище городища Хурмузфарра в Мервском оазисе, Труды ЮТАКЭ, т. 14, Ашхабад, 1969, стр. 254.

явствует, что погребенные тем и другим способом лица относились к европеоидному типу, в двух случаях слегка монголизованному. Подобное определение подтверждается заключением по четырем черепам из раскопа 31/XVII, сделанным Т. Ходжайовым.

Может быть, при попытке объяснить истоки цист и ляходов надо исходить из особенностей восприятия доктрин ислама в областях Средней Азии, наличия разных толков и мусульманских сект, отчего также зависело утверждение того или иного погребального обряда. Дальнейшее развитие мусульманского погребального обряда приводит к возникновению сагана и мавзолеев, зафиксированных на одном из последующих этапов развития афрасиабского кладбища. В сагана как бы слились оба типа ранних погребений и появился новый, сочетавший подземные захоронения с надземным мемориальным сооружением.

Возникновение и процесс развития намогильных сооружений типа сагана в различных районах должны изучаться в каждом случае конкретно. Рассмотрение этой стороны вопроса не входит в задачи статьи также, как и роль намогильных кирпичей и кайраков, отмечаемых на могилах, несмотря на запреты ислама.

Следует подчеркнуть два момента в историко-топографической характеристике северной части Афрасиаба. Во-первых, интенсивное разрастание кладбища в восточном направлении, связанное с забросом северных городских территорий, приходится на конец X—XI и XII вв. и прямо связано с общим перемещением в X в. основных жилых и производственно-ремесленных комплексов в центральные и западные районы городища, а также за его пределы.

Во-вторых, топографическим ядром северной территории Афрасиаба этого времени оставалась старая соборная мечеть, все больше обраставшая кладбищем, которое постепенно превращалось в погребально-мемориальный комплекс. Именно в XI—начале XIII вв. оно функционировало наиболее активно. Этим временем и датируется мавзолей. К XII в. относятся найденный здесь кайрак, надписи которого генетически связаны с именем одного из первых арабских эмиров, живших в VIII в. в Самарканде — эмира Мухаджира. Кайрак являлся, видимо, вторичным надгробием для лица, умершего в VIII в., и сделан с целью возрождения культа «святого».

Тенденция к возрождению культа святых, первых распространителей ислама, характерна для эпохи Великих Сельджуков и Караханидов. Караханидские правители Самарканда приложили немало усилий для создания мемориального комплекса около мечети: была перестроена и расширена сама мечеть, усилилась пропаганда святости культового центра на кладбище, вблизи западного фасада мечети в начале XIII в. хоронят представителя династии, от мавзолея которого остались фрагменты резной терракотовой надписи, содержащей пышную титулатуру, связанную М. Е. Массоном с именем Ибрахима ибн Хусейна¹⁶. Второй культово-мемориальный комплекс на опустевшем шахристане складывался на юге Афрасиаба, в районе Шахи-Зинда.

---

¹⁶ М. Е. Массон. Фрагменты надписи караханидского мавзолея с городища Афрасиаб, ЭВ, вып. XX, Л., 1971, стр. 84.

В мусульманском могильнике, расположенном в северной части Афрасиаба, в 1970—1973 гг. были найдены 4 мужских и 1 женский череп. Э. Ю. Бурякова и Л. Г. Брусенко датируют эти погребения концом XII — началом XIII вв. Здесь же обнаружены 2 черепа более раннего времени. Череп из погребения 31/XVII, зачистка «Б», датирован примерно V в. до н. э. Он принадлежит мужчине 45—50 лет. Черепная коробка в затылочно-теменной области сильно уплощена, поэтому продольно-поперечный указатель ультрабрахикранный. Лоб прямой, широкий, надпереносье и надбровные дуги развиты средне. Лицо ортогнатное, средней ширины и высоты с сильной горизонтальной профилировкой и значительно выступающим носом с высоким переносьем (табл. 1).

По всем основным расово-диагностическим признакам череп относится к брахикранным европеоидному типу Среднеазиатского междуречья. Примеси монголоидных элементов не обнаруживаются. По своим морфологическим и расовым особенностям он близок к черепам VI в. с городища Кафыркала¹, расположенного на левом берегу канала Даргом, и черепам из оссуарных погребений VII в. в Пайкенде² Самаркандской области (табл. 2).

¹ В. Я. Зезенкова. Черепа с городища Кафыркала под Самаркандом, ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 124—138.

² Там же, стр. 133—135.

Таблица 1

Индивидуальные размеры и указатели мужских черепов из Афрасиаба

Номер по Мартину	Признак	XXXI/XVII	XXXI/XVII	XXXI/XVII	XXXI/XVII	XXXI/XVII
		Зачистка Б	И-4	К-8	К-9	кв. 9 Я-VI
1	2	45-50 лет	45-50 лет	45-50 лет	35-40 лет	25-30 лет
1	2	3	4	5	6	7
1	Продольный диаметр	164	186	181	180	173
8	Поперечный диаметр	149	153	139	—	149
17	Высотный диаметр от базиона	146	136	133	—	140
20	Высотный диаметр от пориона	96	116	113	—	117
5	Длина основания черепа	95	97	103	—	100
9	Наименьшая ширина лба	—	100	97	100	97
10	Наибольшая ширина лба	133	127	121	124	128
11	Ширина основания черепа	124	129	123	—	129
12	Ширина затылка	108	124	104	—	—
45	Скуловой диаметр	134	140 (?)	132	136	130 (?)
40	Длина основания лица	80	85	100	—	94
48	Верхняя высота лица	70	76	65	73	67
47	Полная высота лица	—	—	110	—	117
43	Верхняя ширина лица	—	112	104	109	101
46	Средняя ширина лица	—	95	88	100	93
55	Высота носа	54	53	49	53	47
54	Ширина носа	25	26	25	28	24
51	Ширина орбиты от (<i>mj</i>)	45	45	41	43	42
51a	Ширина орбиты от (<i>d</i>)	42	42	39	40	38
52	Высота орбиты	37	36	34	34	30
77	Назомаллярный угол	—	138	136	135	147
< <i>Zm'</i>	Зигомаксиллярный угол	—	132	133	121	126
SC	Симотическая хорда	11	14	8,5	12	8
SS	Симотическая высота	8	7	6,5	6	4
DC	Дакриальная хорда	22	23	17	—	20
DS	Дакриальная высота	12	11,6	9	—	10

1	2	3	4	5	6	7
	Глубина клыковой ямки, мм	3,0	4,8	6,0	4,5	6,8
	Высота изгиба скуловой кости (по Ву)	10	10	12	11	10
	Ширина скуловой кости (по Ву)	50	56	52	54	56
32	Угол профиля лба от назиона	89	88	83	—	88
	Угол профиля лба от глабеллы	83	73	76	—	79
72	Общий угол лица	86	89	83	—	85
73	Средний лицевой угол	87	90	87	—	87
74	Угол альвеолярной части лица	86	84	68	—	76
75	Угол наклона носовых костей	47	52	52	—	58
75 (I)	Угол выступания носа	39	37	31	34	30
	Форма черепной коробки	Сфеноид.	Овоид.	Эллипс.	Овоид.	Сфероид.
	Наклон лба (1—3), 1—прямой	1	2	2	2	1
	Надпереносье (1—6 по Мартину)	3	4	4	3	3
	Наружный затылочный бугор (0—5)	1	3	2	2	1
	Сосцевидный отросток (1—3)	2	2	3	2	2
	Нижний край грушевидного отверстия	Anthr.	Anthr.	F. pr.	Anthr.	Anthr.
	Передноросовая ось (1—5 по Броку)	4	4	—	3	4
	Деформация (форма, степень)	3, зат.- тем.	1, зат.- тем.	0	2, зат.- тем.	2, зат.- тем.
	Указатели:					
8:1	Черепной	90,8	82,3	76,8	—	86,2
17:1	Высотно-продольный	83,9	73,2	73,5	—	81,0
17:8	Высотно-поперечный	98,0	89,0	95,7	—	94,0
9:10	Лобный	—	78,8	80,1	80,6	75,7
48:45	Верхнелицевой	52,7	54,4	49,4	53,8	51,5
40:5	Выступания лица	84,3	87,6	98,2	—	94,0
54:55	Носовой	45,5	49,0	51,1	52,8	51,1
52:51a	Орбитный	82,2	80,0	82,9	79,0	71,4
52:51a	Орбитный	88,0	85,8	87,2	84,9	78,9
SS:SC	Симотический	72,7	50,0	76,5	50,0	50,0
DS:DC	Дакриальный	54,5	50,0	53,0	—	50,0
	Скуловой кости (по Ву)	20,0	17,8	23,1	20,4	17,8

Сопоставление краниологических серий из Самарканда и его окрестностей

Номер по Мартину	Признак	Афрасиаб, конец XI—начало XIII вв.	Афрасиаб, V в. до н. э.	Кафыркала, VI в.	Мавзолей Гур-Эмир, XV в.	Мавзолей Ишрат-хана, XV в.	Самарканд, XVIII в.			
		Наши данные	Данные В. Я. Зезенковой		Данные Н. Г. Залкинда		Данные В. В. Гинзбурга	Данные Т. А. Трофимовой		
Число случаев максимальное		4	1	7	4	4	16	16	17	0
1	Продольный диаметр	180,0	164	180,1	175,7	174,5	176,6	173,2	180,8	178,5
8	Поперечный диаметр	147,0	149	144,0	148,2	144,7	144,9	144,7	143,7	144,5
8 : 1	Черепной указатель	81,8	90,8	80,1	84,5	82,9	82,2	83,6	79,5	—
17	Высотный диаметр от базиона	136,3	146	136,5	135,0	132,8	136,9	136,2	135,1	136,8
32	Угол профиля лба от назiona	84,7	89	—	79,0	88,0	86,5	89,7	—	80,7
45	Скуловой диаметр	134,5	134	131,7	135,5	130,0	133,6	133,7	134,9	133,3
48	Верхняя высота лица	70,2	70	69,2	77,2	69,5	72,7	67,7	73,5	72,0
48 : 45	Верхнелицевой указатель	52,3	52,7	52,5	56,1	53,2	54,4	51,0	54,5	54,1
72	Общий угол лица	85,7	86	—	89,2	86,7	86,7	88,1	—	84,6
77	Назональный угол	139,0	—	138,9	141,5	140,0	142,9	140,4	—	—
< Zm'	Зигомаксиллярный угол	128,0	—	126,1	125,8	126,8	130,4	127,4	—	—
54	Ширина носа	25,7	25	25,3	26,0	24,2	24,5	24,4	24,1	25,4
	Дакриальная высота	10,2	12	12,4	10,1	12,5	11,9	11,4	—	—
	Дакриальный указатель	51,0	54,5	60,2	45,3	68,2	52,5	52,2	—	—
	Симотическая высота	6,6	8	5,0	4,5	4,6	4,0	3,9	4,1	—
	Симотический указатель	56,6	72,7	50,4	49,1	57,1	47,4	50,4	—	—
75 (1)	Угол выступания носа	33,0	39	—	25,8	26,3	24,5	27,0	—	26,4
	Надпереносье (1—6)	1,8	3	—	2,4	2,0	3,7	3,7	—	—

Расовый тип населения Кафыркалы сходен с типом городского населения Афрасиаба. В основном это европеоидный тип Среднеазиатского междуречья. Некоторые раннесредневековые черепа Кафыркалы имеют более уплощенное лицо и более низкое переносье. Это, возможно, указывает на наличие в составе населения окрестностей Афрасиаба незначительной монголоидной примеси (табл. 3). Монголоидные черты южносибирского типа у населения Согда и Северной Бактрии наблюдаются с первых веков нашей эры³.

Подсчет выраженности монголоидных особенностей⁴ у населения Самарканда и его окрестностей по семи таксономически значимым признакам (уплощенность лица и носа) дал следующие результаты: Афрасиаб, V в. до н. э.— 34,8%; Кафыркала, VI в.— 17,9%. Дальнейшее накопление раннесредневекового краниологического материала позволит более определенно говорить о наличии примеси монголоидных черт у населения окрестностей Самарканда.

Брахикефальный европеоидный тип, характерный для раннесредневекового населения Самарканда, является в это время уже типичным для населения Среднеазиатского междуречья — древнего Согда и Бактрии⁵.

Средневековые черепа из Афрасиаба⁶ в основном брахикранные, за исключением мезокранного черепа из погребения XXXI/XVII К-8. Все брахикранные черепа искусственно деформированы в затылочно-теменной области, а мезокранный

---

³ В. В. Гинзбург. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии, МИА, № 15, М.—Л., 1950, стр. 245.

⁴ В. П. Алексеев. Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей, СЭ, 1961, № 6, стр. 35—36; Он же. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование), М., 1969, стр. 78—79.

⁵ В. В. Гинзбург. Антропологические материалы из окрестностей древнего Пянджикента, МИА, № 66, М.—Л., 1958, стр. 281—289; Он же. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии, стр. 241—250.

⁶ Сюда включен и средневековый череп из раскопок Г. В. Шишкиной. В таблицу индивидуальных данных из-за плохой сохранности он не включен. Череп принадлежит женщине 35—40 лет. Черепная коробка в затылочно-теменной области деформирована. Лоб прямой, надпереносье, надбровные дуги и сосцевидные отростки развиты слабо. Лицевая часть средней ширины и высоты, средне профилирована в горизонтальном плане. Глазницы высокие, округлые. Нижний край грушевидного отверстия антропинный. Тип европеоидный.

череп следов деформации не имеет. Деформация подобного типа была отмечена на многих среднеазиатских сериях⁷.

Мозговая коробка у черепов грациальная, надбровье, носовидные отростки и рельеф развиты слабо, продольные размеры средние, поперечные и высотные — большие. Лоб широ-

Суммарное сопоставление серий из Самарканда и его окрест- скелета и

Номер по Мартину	Признак	Армяне современные	Афрасиаб, V в. до н. э.	%	Кафыркала, VI в. н. э.	%
77	Назомалярный угол	136,6	—	—	138,9	17,7
Zm'	Зигомаксиллярный угол	124,6	—	—	126,1	8,5
75 (I)	Угол выступания носа	34,2	39,0	-30,0	—	—
DS	Дактиальная высота	13,2	12,0	26,8	12,4	17,7
DS:DC	Дакриальный указатель	62,6	54,5	37,5	60,2	11,1
SS	Симотическая высота	5,5	8,0	-78,2	5,0	15,6
SS:SC	Симотический указатель	55,3	72,7	-130,0	50,4	36,8
	Всего	0%	—	-34,8	—	17,9

кий, прямой. Лицевая часть узкая и низкая, ортогнатная, значительно профилированная в горизонтальном плане. Глазницы средневысокие. Угол выступания носа значительный.

Весь этот комплекс признаков характерен для европеоидного типа Среднеазиатского междуречья. Однако узкое и низкое лицо, в одном случае в комплексе с мезокранией, в другом — с брахикранией, указывает на сохранение в составе средневекового населения Афрасиаба элементов средиземно-

⁷ См.: Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии, МХЭ, вып. 2, М., 1959; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Палеоантропология Средней Азии, М., 1972, стр. 329—339.

морской расы. В конце XII — начале XIII вв. в составе городского населения Самарканда имеется незначительная монголоидная примесь.

Это подтверждается суммарным сопоставлением серий черепов из Афрасиаба и самаркандского мавзолея XV в. Иш-

Т а б л и ц а 3

ностей по признакам, отражающим уплощенность лицевого носовых костей

Афрасиаб, XII—на- чало XIII вв.	%	Ишрат- хана, XV в.	%	Тимур и Тимуриды, XV в.	%	Тунгусы современ- ные
139,0	18,6	140,0	26,4	141,5	38,0	149,5
128,0	19,4	126,8	12,6	125,8	6,8	142,1
33,0	7,5	30,3	24,4	25,8	52,5	18,2
10,2	66,6	13,9	-15,6	10,1	51,7	8,7
51,0	53,7	74,4	-68,2	45,3	80,0	41,0
6,6	-34,4	5,5	0	4,5	30,3	2,3
56,6	-9,3	67,0	-87,3	49,1	46,2	31,9
—	17,4	—	-15,4	—	43,6	100%

ратхана⁸, специально построенного для погребения женщин дома Тимуридов по признакам, отражающим уплощенность лицевого скелета и носовых костей (см. табл. 3). Очевидно, что по степени выраженности монголоидных особенностей население Афрасиаба конца XIII в. и Кафыркалы (VI в.) составляет почти тождественную группу.

Ближние аналогии к средневековым черепам Афрасиаба

⁸ В. Я. Зезенкова. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении, в кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953, стр. 104—107, табл. 49—50.

мы находим в Хорезмском оазисе⁹, Туркмении¹⁰ и Таджикистане¹¹.

Некоторыми вариациями европеоидный брахикранный тип, характерный для средневекового населения Самарканда, был распространен здесь и в более позднее время¹².

---

⁹ Н. Г. Залкинд. Краниологические материалы с территории древнего Хорезма, Труды ХАЭЭ, т. I, М., 1952; Т. А. Трофимова. Черепа эпохи средневековья из Беркут-калинского оазиса (по раскопкам 1953 г.), МХЭ, вып. 2, М., 1959; Она же. Черепа позднего средневековья из Хорезмского оазиса и сопредельных областей. Сообщение на сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1968 г., Л., 1969; В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана, Ташкент, 1970; Ю. П. Манылов, Т. К. Ходжайов. Средневековый мавзолей Джанпык-кала, «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1972, № 2.

¹⁰ В. Я. Зезенкова. Краниологический материал с территории Туркмении. «Вопросы антропологии», вып. 18, 1964.

¹¹ Т. П. Кияткина. Краниологические материалы с городища Кахкаха (шахристан II), «Известия отделения общественных наук Таджикской ССР», 1/24, 1961; В. В. Гинзбург. Черепа из зороастрийского кладбища XIII в. в Фринкенте, Сборник МАЭ, т. 10, М.—Л., 1949; Е. В. Жиров. Черепа из зороастрийских погребений в Средней Азии. Сборник МАЭ, т. 10, М.—Л., 1949; Г. Б. Туркевич. Черепа из зороастрийского костехранилища в Фринкенте под Самаркандом, Труды Института этнографии АН СССР, т. 32, 1963; Ю. Г. Рычков. Происхождение расы Среднеазиатского междуречья, Научные труды ТашГУ, вып. 235, Ташкент, 1964; Он же. Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира), М., 1969.

¹² Н. Г. Залкинд. Краниологические материалы из древних кладбищ Самарканда, Труды Московского общества испытателей природы («Современная антропология»), т. XIV, М., 1964; Т. А. Трофимова. Краниологический очерк татар Золотой Орды, «Антропологический журнал», вып. 2, М., 1936.

КИРПИЧНЫЙ НАМОГИЛЬНИК XI в.
С ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

В весеннем полевом сезоне 1973 г. на раскопе к северу от соборной мечети, над обрывом Сиаба в ходе вскрытия средневекового мусульманского кладбища домонгольского времени была сделана интересная находка. С запада на восток здесь проходит дорога, которая датируется XII — началом XIII вв., вымощенная рваным чупанатинским сланцем и крупным булыжником. В основании вымостки лежит подушка из боя жженого кирпича. В этой-то подушке и был найден разломанный на две половинки жженный кирпич с эпитафией. Содержание эпитафии оказалось настолько интересным, что мы посчитали необходимым посвятить ей специальную предварительную публикацию.

Кирпич, на котором вырезана эпитафия, представляет собой разбитую на две половины и частично обломанную прямоугольную плитку размером $30(?) \times 16 \times 4$ см. Эпитафия занимает верхние две трети кирпича и заключена в рамку, завершающуюся сверху отлогой килевидной арочкой. Надпись разбита на шесть строк. Сохранность ее удовлетворительна, а два недостающих небольших участка легко восстанавливаются.

هَذَا قَبْرِ الشَّيْخِ
المُحَدَّثِ مُحَمَّدِ
بْنِ عَبْدِ اللَّهِ الْأَدِ
رِيِّ سَيِّ رَحِمَهُ اللَّهُ
تَوَفَّى سَنَةَ ثَمَانٍ
وَأَرْبَعِ مِائَةٍ

Это могила шейха, мухаддиса Мухаммада б. Абдаллаха ал-Идриси — да благословит его Аллах! Скончался в году восемь и четыреста (408 г. х. соответствует 1017—1018 гг. Б. К.)

Надпись выполнена почерком куфи с некоторыми элементами курсива. Все строки строго горизонтальны, распределение слов и отдельных знаков очень умелое и равномерное. Нет ни тесноты, ни растянутости, за исключением последней строки, но и она растянута лишь слегка. Диакритические знаки отсутствуют. Начертание всех знаков унифицировано, только *дал* в слове «Мухаммад» отличается отсутствием наращения, которое не поместилось из-за низко опущенной буквы верхней строки. Почти все прямые линии букв не только вертикальные, но и горизонтальные и даже начертанные под углом (буква *ха*), завершаются шиповидными украшениями. Других украшений нет, поэтому почерк оставляет ощущение красоты без вычурности, но и без сухости. Ошибок в надписи заметить не удалось. Грамотность, умелая композиция, уверенный и красивый почерк свидетельствуют о несомненном мастерстве начертавшего ее машшака.

Публикуемый намогильный кирпич представляет интерес уже потому, что это самый ранний датированный намогильник в Средней Азии¹. Однако за пределами Средней Азии известны и более древние надгробия, правда, каменные.

Характер почерка в значительной степени зависит от материала, на котором сделана надпись. Видимо, по этой причине почерк публикуемой эпитафии имеет мало сходства с близкими по времени среднеазиатскими надписями, исполненными на дереве, камне, свинце, в кирпичном архитектурном декоре.

Параллели мы находим в куфической надписи первого стиля (начало XI в.) на колоннах соборной мечети в Хиве². Здесь наблюдается некоторая заостренность окончаний, особенно у высоких стволы, подтреугольность букв *мим*, *вав*, *фа* и некоторых других, сходно также начертание начального *ха*. Однако курсивности в хивинской надписи меньше.

---

¹ См.: М. Е. Массон. Среднеазиатские намогильные кайраки, ЭВ, вып. XI, М.—Л., 1956, стр. 3; Он же. Средневековые намогильные кирпичи из Марыйского оазиса, ЭВ, вып. VIII, М.—Л., 1953, стр. 24; Он же. Новые средневековые намогильные кирпичи из Марыйского оазиса, сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 386.

² В. Л. Воронина. Стиль надписей колонн соборной мечети в Хиве, «Нумизматика и эпиграфика», II, М., 1960; А. М. Беленицкий, В. Л. Воронина. Надписи на деревянных колоннах хивинской соборной мечети, ЭВ, вып. XIV, М.—Л., 1961.

Естественно, что намного больше сходства обнаруживается в одной из надписей на кирпичных надгробниках из Марыйского оазиса, которая датируется, правда, более поздним временем: рамадан 508/1115 г.³ Эпитафия начертана почерком куфи, но не совсем строгим. Написание многих знаков, причем в различных позициях, весьма сходно с надписями на афрасиабском надгробнике. Существенное отличие — отсутствие всяких украшений.

Довольно близок также почерк эпитафии на кирпиче с городища средневекового Башана в Марыйском оазисе. Точной даты надгробник не имеет, М. Е. Массон датирует его X — первой половиной XI вв.⁴

Интересно и содержание эпитафии. Упомянутый в ней шейх Мухаммад б. Абдаллах имеет прозвание Идриси. Такую же нисбу носил автор сочинения по истории Самарканда Абд ар-Рахман б. Махаммад б. Абдаллах б. Идрис б. ал-Хусайн б. Муавия, ал-Идриси, скончавшийся в последний день 405 г. х., т. е. 20 июня 1015 г. Тот факт, что оба лица жили в одно и то же время в Самарканде, совпадение их прозваний, имен отца и деда историка с именем и куньей названного в эпитафии лица позволяют считать последнего отцом автора истории Самарканда. Указанная в надписи дата смерти покойного свидетельствует, что отец пережил сына на два с лишним года.

Краткие сведения об историке мы находим только у Самани. По его словам, историк происходил из Астрабада, жил в Самарканде и написал сочинения по истории обоих городов. Труд по истории Самарканда носил название «Китаб ал-икмал ли-марифат ар-риджал», то есть «Улучшенная книга о познании мужей» (под «мужьями» понимаются передатчики хадисов). Это сочинение не дошло до нас. Оно было продолжено в XII в. известным богословом Наджм ад-Дином Абу Хафсом Омаром б. Мухаммадом ан-Насафи. Его труд именовался «Китаб ал-канд фи ма'рифат улама Самарканд» («Сахарная книга о познании ученых мужей Самарканда») или «Китаб ал-канд фи тарих Самарканд» («Сахарная книга об истории Самарканда»), а сокращенно — «Канд» или

³ М. Е. Массон. Средневековые надгробные кирпичи из Марыйского оазиса, стр. 26—27.

⁴ М. Е. Массон. Новые средневековые надгробные кирпичи из Марыйского оазиса, стр. 386—387.

«Кандийа». Ученик Насафи, имам Абу-л-Фадл Мухаммад б. Абд ал-Джалил б. Абд ал-Малик б. Али б. Хайдар ас-Самарканди сделал извлечение из труда своего учителя с дополнениями из «Истории Самарканда» Идриси. Эта сокращенная редакция именуется обычно «Малой Кандией» («Кандийа-и' хурд»), в отличие от «Большой Кандии» («Кандийа-и кабир»), как иногда называют сочинение Насафи. Персидский перевод этой редакции позднее тоже редактировался и дополнялся, в частности в конце XV — начале XVI вв. неким Сайид Ахмадом б. Мир Вали. В этом виде, причем в многочисленных списках, и дошла до нас «Малая Кандия»⁵.

По заключению В. В. Бартольда, «Малая Кандия» является произведением не столько исторической, сколько богословской, собственно агиологической литературы»⁶. Действительно, здесь почти отсутствуют сведения о политической истории города, хотя и содержатся ценные известия о домусульманской эпохе, об арабском завоевании, об условиях орошения (например, о канале Джу-и арзиз). Но гораздо больше места отведено хадисам с отзывами пророка Мухаммада и его сподвижников о Самарканде и его жителях⁷, биографиям святых, происходивших из Самарканда или похороненных здесь, причем перечисляются их могилы и даются подробные указания, когда и как совершать обряд поклонения им.

По тем небольшим отрывкам, которые вошли в «Малую Кандию», восстановить текст сочинения Идриси, конечно, нельзя. Тем не менее составить представление о сочинении можно даже исходя из его заглавия — «Улучшенная книга о познании мужей». Судя по этому названию, оно было посвящено прежде всего знатокам хадисов. В этой связи следует обратить внимание на тот факт, что в эпитафии отец Абд ар-Рахмана ал-Идриси назван мухаддисом. Следовательно, ин-

⁵ Часть «Малой Кандии» переведена В. Л. Вяткиным («Справочная книжка Самаркандской области», вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 235—290). История сложения текста «Малой Кандии» подробно освещена в развернутой рецензии В. В. Бартольда на перевод (В. В. Бартольд. Соч., т. VIII, М., 1973, стр. 255—262). Об истории сложения «Малой Кандии», ее рукописях, изданиях и переводе см.: Ч. А. Стори. Персидская литература. Био-библиографический обзор, ч. II, М., 1972, стр. 1112—1115.

⁶ В. В. Бартольд. Соч., т. VIII, стр. 255.

⁷ В большинстве своем эти хадисы были, конечно, поддельными, так как Мухаммад даже не знал о существовании Самарканда.

терес к изучению преданий был традиционным в этой семье и от отца перешел к сыну.

Интересно, что в эпитафии приведена лишь одна нисба покойного — по его предку (по деду, носившему имя Идрис), прозвание же по месту происхождения отсутствует. Хотя автор «Истории Самарканда» и прожил в этом городе, видимо, значительное время, он имел нисбу ал-Астрабади. Тем больше оснований считать астрабадцем его отца, но в надгробной надписи это не нашло отражения. Если бы мы не знали о происхождении погребенного, вполне естественным, в соответствии с господствующей точкой зрения, было бы предположение о местном его происхождении. Надо полагать, что хотя и существовало правило, согласно которому указывалась нисба лишь иногородних лиц, бывали и исключения из этого правила.

Весьма интересны условия находки описанного надгробника. Как указывалось, он был найден в разбитом виде в основании дороги XII — начала XIII вв. Следовательно, уже через полтора столетия после установки над погребением надгробник не только был удален оттуда, но и использован как бытовой материал. Это могло случиться лишь в том случае, если род Идриси пресекся или его представители покинули Самарканд и следить за могилой Мухаммада ал-Идриси стало некому.

С другой стороны, данный факт показывает сколь мало почтения испытывало население к погребениям духовных лиц, почитавшихся при жизни шейхами и мухаддисами. Как правило, члены одной фамилии стремятся хоронить своих покойников не только на одном кладбище, но и на одном участке. Так что можно с полным основанием предполагать, что Мухаммад ал-Идриси был погребен рядом со своим сыном и, следовательно, могила автора «Истории Самарканда» располагалась на кладбище близ соборной мечети Афрасиаба. Жаль, что едва ли удастся установить точное ее местонахождение.

НАМОГИЛЬНЫЙ КАЙРАК С ДВУМЯ НАДПИСЯМИ

В 1973 г. мастер-реставратор самаркандских архитектурных памятников усто Абдугаффар Хаккулов передал Институту археологии АН УзССР два намогильных кайрака. Оба кайрака представляют собой темно-серую гальку неправильной формы, один длиной около 70 см, другой — чуть больше. Первый кайрак содержит две надписи на двух плоских сторонах, выполненные двумя различными почерками — кувфическим и насхом. Второй кайрак имеет одну надпись, выполненную красивым кувфическим почерком, но три строки в начале надписи выбиты многочисленными точечными ударами твердым материалом и пока не поддаются уверенному чтению.

Мы попытаемся разобрать две надписи на одном кайраке¹.

Кувфическая надпись в основных деталях повторяет стиль надписей на кайраках XI—XII вв. Год смерти обозначен 558 г. х., а вся надпись читается следующим образом (рис. 1):

هذا قبر العبد المذنب الشاب الضعيف الجنافى الراجى تفضل الله
قبل نفسه الامير الاسيه سالار محمد بن الامير الاجل الاسيه سالار
حسام الدين ابى منصور بن محمد بن ابى صالح الفرابى نور الله
قبره و برد مضجعه و برحم الله لمن دعاه المغفرة و قد توفى
فى ليلة الجمعة و هو الخامس من صفر سنة ثمان و خمسين
و خمسمائة

¹ Приношу глубокую благодарность А. М. Беленицкому за помощь в разборе текстов.

«Это могила раба грешного, юноши бессильного..., надеющегося на достоинства Аллаха, да примет (Аллах) его душу, амира сипахсаларов Мухаммада бин ал-Амира славного сипахсалара Хисомутдина Аби Мансура бин Мухаммада бин Аби Салиха ал-Фараби, да осветит Аллах его могилу, да осветит (Аллах) его место покаяния, да будет милость Аллаха.. прощение и достоинство (?). Умер в ночь на пятницу, и он (т. е. день) пятый (день месяца) сафар, года пятьсот пятьдесят восемь».

Судя по почерку надписи, резчик имел профессиональные навыки, ему знакомы традиции куфического стиля, и он старался придерживаться их. Своеобразное начертание *йа*, отме-

ченное О. Г. Большаковым² в виде встречается в

надписи шесть раз наряду с формой *йа* в предлоге *في* «в». Конечное *нун* также имеет форму, близкую к описываемой О. Г. Большаковым, т. е. конец *нуна* повернут вверх³. Однако в слове «Хисом-ад дин» конечное *нун* написано в соединении с предыдущим *йа*, и эта часть слова помещена между строками ниже данного слова. По-видимому, писец ошибся при вырезании слова и выписал конец слова позже. Буквы *даль* и *заль* не отличаются по форме.

Интересно выяснить историческое значение термина «сипахсалар».

В 1948 г. А. М. Беленицкий опубликовал эпиграфический текст, содержащий титул «сипахсалар»⁴. Но автор не дал никаких пояснений к термину. Тем не менее, судя по словарному значению, термин должен был означать высокопоставленного чиновника, занимавшего должностное положение в военной иерархии феодального общества.

Так же можно предположить, что сипахсаларами могли титуловать почетных граждан, имевших видное военное прошлое. К сожалению, данные кайраков не позволяют точно

² О. Г. Большаков. Надгробие 541/1146 г. из Самарканда, ЭВ, вып. XIV, 1961, стр. 9—11.

³ Там же.

⁴ А. М. Беленицкий. Из мусульманской эпиграфики в Таласской долине, ЭВ, вып. II, 1948, М.—Л., стр. 17—18.

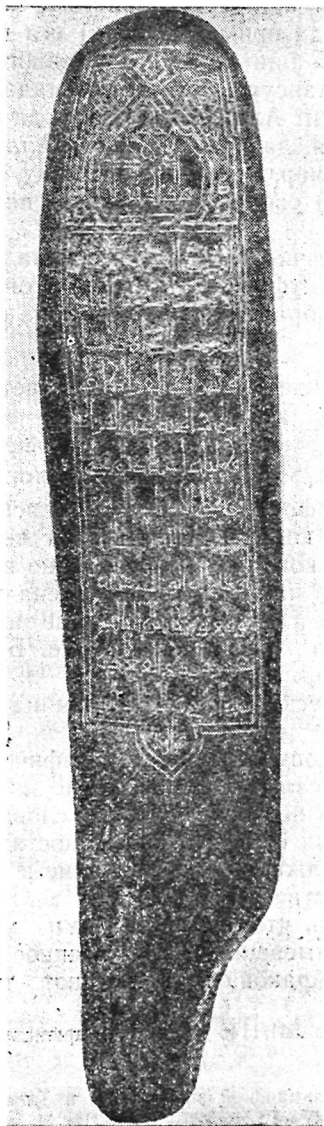

Рис. 1. Кайрак с надписью
(лицевая сторона)

Рис. 2. Кайрак с надписью
(обратная сторона)

установить тот круг социального значения данного термина, который был в обиходе того времени. Во всяком случае, термин «сипахсалар» иранского происхождения имеет значение «полководец, военачальник». Вместе с титулом «сипахсалар» в тексте несколько раз повторяется титул «амир», присоединявшийся к родословному списку покойного. Сам покойный величается амиром сипахсаларов Мухаммадом, сыном славнейшего сипахсалара Хисом ад-дина Аби-Мансура сына Мухаммада сына Аби-Салиха ал-Фараби, т. е. мы имеем полный титул **الامير الاسمه سالار** «амир сипахсаларов».

Следует обратить внимание на характер употребления титула «амир ал-сипахсалар». В первом случае титул применительно к самому покойному имеет форму «амир ал-сипахсалар», в другом случае, применительно к отцу, титул дополняется еще другой формулой **الاجل** «славнейший». Имена деда и прадеда покойного не оформлены титулами. Отсюда можно сделать вывод о том, что титул «амир ал-сипахсалар» получил отец покойного и, по-видимому, от отца титул унаследовал сын.

Таким образом, можно заключить, что в XII в. в Средней Азии, наряду с другими титулами феодальной иерархии, еще существовал официальный титул «[амир ал-]сипахсалар».

Вторая надпись расположена на верхней половине обратной стороны кайрака (рис. 2). Нижняя часть этой стороны гальки сужается по сравнению с площадью под надписью. Надпись обрамлена треугольником, венчающимся аркой с трехлопастной розеткой наверху, и выполнена, в отличие от надписи на обороте, курсивным почерком насх. Надстрочные и подстрочные диакритические точки проставлены не везде. В двух случаях под буквой **س** *син* в словах **خمسمائة** и **خمسين** имеется троеточие. Вместо **الراجى** «надеющийся» ошибочно вырезано слово **الرافى**, т. е. вместо **ج** написано **ف** (?). Текст в целом читается следующим образом: **هذا قبر العبد لضعيف الراجى بدعاى المسلمين الدهقان الجليل ابى (?) ضيل محمود بن محمد بن احمد بن ابى صالح الفرابى نور الله قبره يرد الله مضجعه اعز (?) الله و حس [... س] نه ثلث خمسين و خمسمائة**

«Это могила раба бессильного, надеющегося на благословение мусульман, дехкана славного Аби (?) Зайла (?) Махмуда бин Мухаммада бин Ахмада бин Аби Салиха ал-Фараби, да осветит Аллах его могилу, да освежит Аллах его место покаяния, да будет любовь Аллаху и хв[ала. Го]д пятьсот пятьдесят три».

Как видно из текста, покойный Аби Зайл⁵ Махмуд имел титул «дехкан ул-жалил». Этот термин известен исследователям по раннесредневековой истории Ирана и Средней Азии и первоначально обозначал свободного земледельца. Однако в силу исторических событий, связанных с концентрацией земель в руках отдельных лиц, сословие свободных земледельцев стало постепенно исчезать, а титул закреплялся за сборщиками налогов и другими должностными лицами. Об этом свидетельствуют исследования А. Кристенсена, И. П. Петрушевского, В. В. Бартольда и др. Кроме того, термин «дехкан» рассматривался в работах Н. В. Пигулевской, А. Е. Бертельса, Ю. А. Солодухо и др.⁶

Все исследователи приходят к единому мнению, считая, что дехканство — новое сословие земледельцев, возникшее в результате социально-экономических изменений в раннесредневековом обществе Средней Азии и Ирана. Многие авторы находят любопытные факты из истории соседних ареалов того времени — Сирии, Месопотамии, Армении, Грузии, которые подтверждают наличие такого привилегированного сословия как дехканство. Это «азаты-нахарары» в Армении V—VII вв., «азнауры» в Грузии, «марикурри» в Месопотамии и др.⁷

Первоначально дехканство противопоставлялось сословию зависимого крестьянства. Как было сказано выше, дехкане первоначально выполняли функции сборщиков налогов и тем самым служили посредниками между местными и центральными властями, постепенно укрепляя свои позиции в обществе.

Позиции дехканства укреплялись так быстро, что вскоре некоторые из них стали правителями отдельных областей. Так

⁵ Имя покойного из-за необычного начертания первых двух знаков читается неуверенно, но мы условно сохраняем имя Аби Зайл.

⁶ А. М. Мухтаров. Надгробные кайраки XIII—XVI вв. с упоминанием термина «дехкан», ЭВ, вып. XVIII, М.—Л., 1967, стр. 80.

⁷ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма, М., 1972, стр. 61—82.

дехканами в свое время именовались бухархудаты (а именно «дехкәне бузург») ⁸ и правитель Пенджикента Деваштич ⁹. Но эти данные односторонни, так как в научный обиход они попали из арабских источников, которые термином «дехкан» обозначают все привилегированные сословия, вплоть до правителей областей.

В действительности же картина была иная: так, например, Деваштич, по данным документов из мугского собрания, имеет титул MR'Y (идеограмма, соответствующая согдийскому $\gamma w \beta w$ «господин») и MLK' (идеограмма для согдийского $\gamma \text{š} \text{ēd}$ «царь»).

Таким образом, Деваштича в Согде не называли дехканом. Однако для Согда характерно противопоставление сословий 'ztk'r и kγuk'r, т. е. «свободные люди» и «люди работы» ¹⁰. Именно «свободные люди» сельских общин являлись дехканами в раннефеодальном обществе и несли воинские обязанности перед центральной властью, возглавляя дружины сельских общин. «Конница состояла из родовой знати — дехкан..., вооруженных луком, палицей, мечом и кинжалом» ¹¹.

Сословие дехкан, по-видимому, сохраняло свои привилегии вплоть до прихода к власти Караханидов, учредивших условную форму землевладения — икта. К этому времени дехкане, укрепившие свои экономические и общественные позиции, стали составлять основную угрозу центральной власти Караханидов. Поэтому караханидские правители ввели и узаконили систему землевладения икта, что привело к постепенному исчезновению дехкан. Таким образом, «процесс вытеснения дехканства, т. е. превращения безусловного землевладения в условное, продолжался и постепенно привел к полному исчезновению дехканства как особого класса феодалов» ¹².

⁸ Норшохий Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар. Бухоро тарихи, Тошкент, 1966, 16-бет.

⁹ По данным ал-Табари. См.: В. А. и И. Ю. Крачковские. Древнейший арабский документ из Средней Азии, «Согдийский сборник», Л., 1934, стр. 65—66; В. А. Лившиц. Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод и комментарии, М., 1962, стр. 65.

¹⁰ В. А. Лившиц. Согдийские документы с горы Муг, стр. 94—95.

¹¹ История УзССР, т. I, Ташкент, 1967, стр. 174.

¹² А. М. Мухтаров. Надгробные кайраки с упоминанием термина «дехкан», стр. 93. На основе эпиграфического материала районов верхнего Зарафшана время полного исчезновения дехканства в отдельных районах автор определяет XIV—XV и даже XVI вв.

Возвращаясь к титулу «дехкан ул-джалиль» в рассматриваемой надписи, мы можем заключить, что человек, которому была посвящена надпись, являлся феодалом среднего достатка, который носил титул лишь традиционно. Это подтверждается еще и тем, что покойный состоял в родстве с сипахсаром — высокопоставленным военачальником, которому посвящена куфическая надпись на обороте кайрака.

Интересным фактом является написание на одном кайраке двух надписей, посвященных двум лицам, умершим в разные времена. Но анализ текстов показывает, что покойные были, по-видимому, двоюродными братьями, бравшими начало от их прадеда. Приводим генеалогическую схему покойных:

К сожалению, мы не знаем места находки кайрака. Но одно несомненно: Аби Зайл Махмуд умер в 553 г. х. (1158), а сипахсар Мухаммад бин Хисомуддин — на пять лет позже, т. е. в 558 г. х. (1162—1163). После его смерти для эпитафии использовали кайрак с могилы его родственника. Вероятно, оба родственника — выходцы из средневекового Фараба — занимали видное положение в обществе и были похоронены в одном месте.

РЕЗНОЕ ДЕРЕВО ИЗ РАСКОПА
В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ АФРАСИАБА

Весной 1966 г. на центральной возвышенности, в пределах первого крепостного укрепления Афраснаба, в предполагаемом северо-восточном углу двора соборной мечети был начат большой стратиграфический раскоп. Впервые территорию к западу от цитадели отождествил с местом соборной мечети Самарканда саманидской и более поздней поры В. В. Бартольд, использовавший данные арабских географов и результаты раскопок Н. И. Веселовского¹.

В 1904 г. В. В. Бартольд предпринял раскопки в западной части этого массива. Был обнаружен четырехугольный устой из кирпичных плит с надписями. По употреблению слова «ихшид» в надписях и по монетам IX—X вв. В. В. Бартольд заключил, что строительные остатки могут принадлежать саманидской мечети. Тогда же было обнаружено много жженных кирпичей с голубой и белой поливой, отнесенных исследователем к мечети, но, как теперь ясно, принадлежавших не саманидской, а более поздней постройке. Существование ее доказали работы В. Л. Вяткина 1925, 1929—1930 гг. Ему удалось провести неглубокую траншею вдоль стен двора последней мечети и составить предварительный план сооружения², сожженного, согласно сообщениям письменных ис-

¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 года, соч., т. IV, М., 1966, стр. 131.

² В. Л. Вяткин. Отчет о раскопках на Афраснабе в 1905 г., ИРКИСВА, СПб., 1908, № 8, стр. 29.

точников, в 1220 г. монголами вместе с укрывшимися в нем последними защитниками города.

План очень схематичный, внутреннее устройство мечети и толщина стен двора не выявлены. В юго-западном углу мечети обнаружено скопление фрагментов резной терракоты, которые В. Л. Вяткин причислил к элементам декора мечети. На ряде фрагментов М. Е. Массон распознал обрывки надписи, и подобрав их, составил слово титулатуры, которое натолкнуло его на мысль о принадлежности резного декора не мечети, а мавзолею Караханида Ибрагима ибн Хусейна (1186—1199), связанному с мечетью³.

Раскоп 1966 г. обнажил часть северо-восточного угла двора последней мечети по уровню его пола и выявил ряд деталей ее планировки и устройства.

Прямоугольник мечети четко выступает в рельефе местности. Стены двора весьма внушительны — северная толщиной 2,7 м, восточная — 3 м. В пределах раскопа они несут следы перестроек и состоят как бы из двух стен: внутренней глинобитной и внешней — из сырцового кирпича размером 25×16—17×4,5 см, сложенного фигурно, но замазанного несколькими слоями ремонтной ганчевой и саманной штукатурки. Уровень дневной поверхности 1220 года за северной стеной на 2,3 м, а за восточной — на 4 м ниже уровня пола двора. Мечеть подобно крепости господствовала над окружающей площадью.

Внутри двора вдоль стен видна слегка возвышенная гряда, которая, как показал раскоп, образовалась в результате обрушения галереи, проходившей вдоль стен. Два уровня пола двора отмечены вымосткой из мелкой гальки и местами обмазаны ганчем. Верхний уровень обнаружен в 0,7 м от современной поверхности, нижний — в 1,2 м. Некоторые участки верхнего пола галереи вымощены кирпичом размером 22×22×3—4 см.

Галерею вдоль северной стены поддерживали три ряда колонн, от которых сохранились прямоугольные ямы и фундаменты (рис. 1). Ямы значительных размеров — 2×1,8—2 м, глубиной 0,9 м. Подготовка фундамента под устои основательная: в ямах делалась подушка толщиной 0,7 м из мокрой

³ М. Е. Массон. Фрагменты надписи Караханидского мавзолея с городища Афрасиаб, ЭВ, вып. XX, Л., 1971, стр. 82.

глины с галькой, выше выкладывался фундамент из жженого кирпича размером $25-27,5 \times 16-17 \times 4,5-5$ см на гипсовом растворе.

Расстояние между ямами в направлении север — юг — 2,3—2,4 м, в направлении восток — запад — 3,8 м. Таким образом, ширина северной галереи составляла 13,1 м. Перекрытие, несмотря на мощность устоев, видимо, было плоским, в нем широко применялось дерево. На полу и за внешней стеной мечети встречены рухнувшие обгоревшие доски и бревна без декора и балки со следами резьбы.

Северо-восточный угол здания несет признаки многих перестроек и ремонтов, производившихся, видимо, на последних этапах существования мечети, поскольку раскопом затронут лишь верхний уровень постройки. Известно, что последний ремонт произведен при Хорезмшахе Мухаммаде⁴, незадолго до взятия Самарканда войсками Чингиз-хана в 1220 г. и окончательной гибели мечети в огне.

Археологический материал из раскопа свидетельствует о функционировании мечети в XI — начале XIII вв. Тогда же, видимо, окончательно сложилась планировка здания и определился его облик. В слоях разрушения галереи встречена керамика, в том числе кашинный чираг XII—XIII вв. с голубой поливой. Набор той же посуды извлечен из мусорной ямы за восточной стеной двора. Под уровнем площади у стены обнаружена монета чекана поздних Караханидов⁵. Формат сырцового и жженого кирпича, как и технический гипс в растворе, применялся в постройках Мавераннахра XI—XII вв. Сама планировка мечети с двором и обводной крытой галереей аналогична принципам устройства джума мечетей Хорасана XI—XII вв.⁶ и Мавераннахра более позднего времени⁷.

Из всех находок в раскопе особенно интересны фрагменты деревянных конструкций и декора с остатками резьбы. Перекрытие галереи сильно пострадало от огня, и при всем

⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, соч., т. I, М., 1963, стр. 431.

⁵ Определение М. Н. Федорова.

⁶ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркестана поры рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 256, 262.

⁷ Л. И. Ремпель. Из истории градостроительства на Востоке, сб. «Искусство зодчих Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1962, стр. 225.

обилии обуглившихся бревен и балок, отмеченным и при работах В. Л. Вяткина, оказалось очень трудным выделить и закрепить объекты с резьбой. Из-за плохой сохранности почти полностью исчезнувшего рельефа резьбы мотивы орнаментов

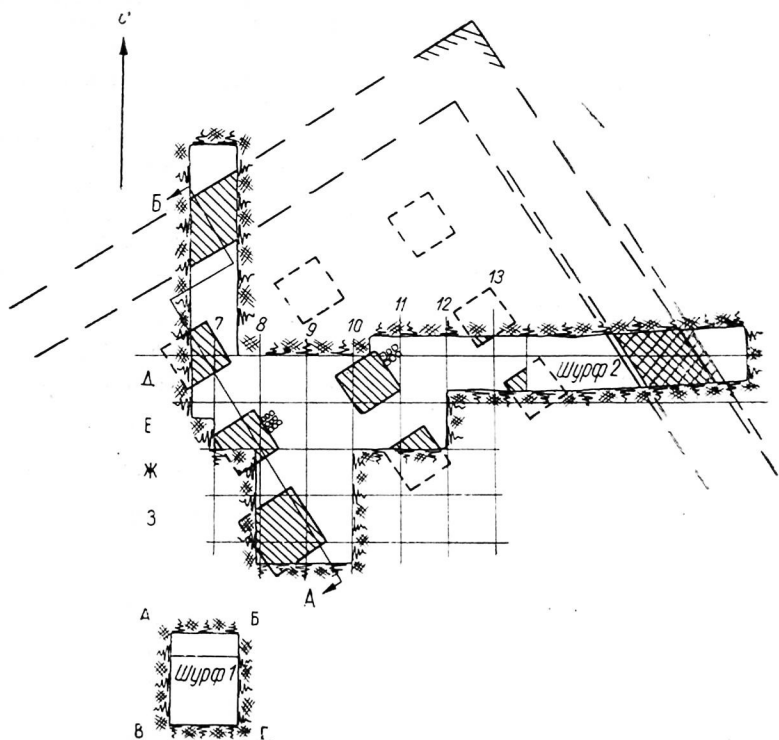

Рис. 1. План северо-восточного участка мечети

удалось реконструировать лишь на двух фрагментах. Один из них длиной 0,7 м принадлежал, видимо, подбалке колонны, поддерживавшей крышу северной обводной галереи. Второй найден за северной стеной, на уровне пола, и представ-

ляет собой часть резной доски $0,35 \times 0,25$ м, возможно, фриза, украшавшего внешний фасад мечети⁸.

Кусок подбалки украшен двумя рядами орнамента, разделенными лентой с пунсонами (рис. 2, 1). Ряд, проходящий

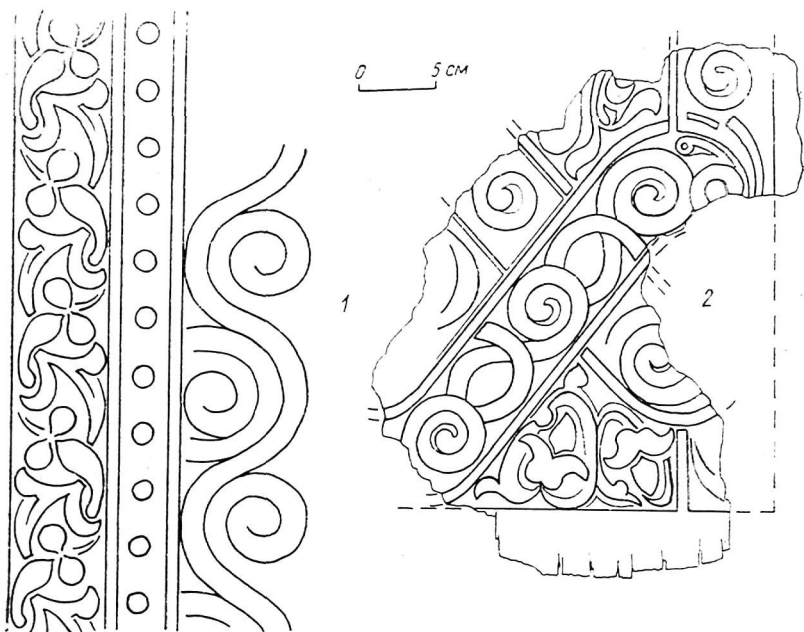

Рис. 2. Прорисовка резьбы по дереву на фрагментах из раскопа мечети

ший по краю, состоит из переплетенных побегов с трилистниками и полупальметтами, центральный лепесток которых вытянут в виде стручка перца. Второй ряд составляет извивающаяся лента с отходящими от нее волютами. Дробность разделки первого бордюра, как бы подчеркивающая край подбалки, сочетается со спокойной округлостью крупного орнамента ее части, уходящей вверх, в темноту потолка. Этим усилено ощущение формы конструктивной детали.

⁸ Экспонаты хранятся в Музее изобразительных искусств Узбекистана в Ташкенте.

Резьба на доске дает плоский одноплановый рельеф. В основе рисунка лежит геометрическая разделка поверхности лентой, образующей переплетения. В самой ленте вмещены волутообразные завитки, а пространство между изгибами и узлами заполнено растительным орнаментом. Четко различаются два трилистника на S-образном побеге.

Описанные фрагменты XI—XII вв., вслед за обнаружением подконсольной балки мечети Кусамы ибн Аббаса⁹—второй пример резного деревянного декора Самарканда поры развитого средневековья. Между тем, судя по значительным находкам резной терракоты и штука из района соборной мечети и других мест Афрасиаба, украшение зданий резьбой, в том числе по дереву, широко применялось древними мастерами.

Письменные источники сохранили сведения об использовании дерева для создания скульптур животных, украшавших в X в. улицы Самарканда¹⁰. В значительной степени деревянными были дворцы Саманидов в Бухаре, а в первой четверти XII в.—и соборная мечеть Бухары¹¹. Но более всего о расцвете мастерства резчиков по дереву в эту эпоху говорят великолепные образцы их работ из Зарафшанской долины, коллекция которых продолжает пополняться.

Прежде всего следует отметить, что афрасиабские фрагменты и по технике, и по стилю изображения стоят в одном ряду с такими памятниками, как резные колонны из Оббурдона, Курута, Урмитана и Хивы. Особенно сходна с афрасиабской резной доской урмитанская колонна XI—XII вв. Одинаковы рисунки переплетения ленты, образующей геометрическую разбивку поля, характер растительного заполнения отдельными побегами и поясок из кружков¹². Правда, на колонне лента заполнена не завитками, а цветочками.

⁹ В. М. Филимонов. Древнее резное дерево из комплекса Кусамы ибн Аббаса в ансамбле Шахи-Зида, сб. «Искусство зодчих Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1962, стр. 275.

¹⁰ Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-ль Касыма ибн Хаукаля, Труды САГУ, «Археология Средней Азии», вып. IV, Ташкент, 1957, стр. 14.

¹¹ М. Е. Массон. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытые М. С. Андреевым в горах Самаркандской области, Ташкент, 1927, стр. 5.

¹² В. Л. Воронина. Резное дерево Зеравшанской долины, МИА, вып. 15, М.—Л., 1950, табл. 16.

Вьющаяся полоса с афрасиабской подбалки переключается с каймой на стволе колонны хивинской джума мечети XI—XII вв., где, кроме того, вырезаны и пунсоны на бегущей ленте¹³. По расположению орнамента с волютами ей близки и две консоли из мазара Чор-кух в Зарафшанской долине¹⁴. Полоса с вырезанными на ней кружочками или пунсонами, закрученная волютой или образующая петли, характерна для многих объектов резного дерева из долины: консоль мазара Мавлоно Мухаммад Али (Сангистан), обрамление надписи на балке фриза из мазара Чор-Кух и др., что указывает на определенное сходство их с афрасиабскими образцами. В растительном заполнении пространства использованы элементы и мотивы, также схожие с афрасиабскими объектами. Это — трилистники, полупальметты, а в узоре михраба из кишлака Кум угадываются «перцы»¹⁵.

Уже давно поднят вопрос о происхождении резного дерева Зарафшанской долины, вызванный необычностью находок в глухих малодоступных горных уголках великолепных произведений искусства, весь облик которых говорит о глубоких устойчивых традициях мастерства резчиков.

М. Е. Массон первым отметил возможность местного их происхождения, считая, что колонны изготавливались представителями старых согдийских общин, ушедших в горы от натиска арабов-мусульман¹⁶. В. Л. Воронина, признавая местное производство колонн, приписывает их изготовление приглашенным из Самарканда столичным мастерам¹⁷. Того же мнения придерживается Л. И. Ремпель, отмечая неразрывную связь памятников верховьев Зарафшана с Самаркандом¹⁸. В. М. Филимонов, открывший первую резную балку непосредственно в Самарканде, не только отнес все горные памятники к произведениям городских мастеров, но и счел их перенесенными из столичных культовых построек при мон-

---

¹³ Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, рис. 75.

¹⁴ Резьба по дереву в долине Зеравшана (альбом средневековых орнаментов), М., 1966, рис. 18, 19.

¹⁵ Там же, рис. 42.

¹⁶ М. Е. Массон. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры... стр. 7.

¹⁷ В. Л. Воронина. Резное дерево Зеравшанской долины, стр. 216.

¹⁸ Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, стр. 172.

гольском нашествии¹⁹. Издатель новых находок Зарафшанского резного дерева А. Мухтаров приходит к выводу о местном происхождении этого искусства и, ссылаясь на древнюю высокую культуру ряда кишлаков, решительно отстаивает мнение о существовании здесь собственной школы резчиков по дереву, обладавшей древними согдийскими традициями²⁰.

Решение вопроса о происхождении зарафшанской резьбы осложнялось сначала отсутствием, а затем единичностью находки объектов такого рода в самой столице. Новый материал позволяет вернуться к этому вопросу. Несмотря на мизерность фрагментов из соборной мечети, в афрасиабской резьбе видна уверенная рука мастера, сочность орнаментальной линии, угадывается владение тонкостями композиционного заполнения пространства, что ставит эти образцы в один ряд с лучшими из дошедших до нас резных объектов XI—XII вв.

Сопоставимость же многих деталей орнамента (полос с кружками, трилистников, волют) с резьбой из зарафшанской долины, даже учитывая явную разницу в степени мастерства создавших ее резчиков, позволяет отнести все эти памятники к кругу произведений, выполненных мастерами одной школы. В ареал ее влияния входил не только Самарканд, как центр, но и города и поселения всей долины Зарафшана. Видимо, прав М. Е. Массон, полагающий, что независимо от того, уроженцами каких пунктов были мастера, они после прохождения ремесленной выучки трудились в различных местах, где требовалось их искусство²¹.

Безусловно, резные колонны, подбалки, консоли, облицовки михрабов изготовлялись на местах ремесленниками, которые могли жить как в Самарканде, так и в других пунктах, однако сложение самой школы с присущими ей традициями, по всей вероятности, происходило в центре, параллельно с развитием других видов резьбы. Принцип геометрической разделки поверхности и растительного заполнения, определяющий школу резьбы по дереву XI—XII вв., которым владели и мастера, украсившие самаркандскую джума мечеть, объединяет рассмотренные объекты с образцами резьбы по штуку и терракоте, ранее найденными на Афрасиабе.

¹⁹ В. М. Филимонов. Древнее резное дерево... стр. 276.

²⁰ Резьба по дереву в долине Зеравшана, стр. 16.

²¹ М. Е. Массон. Еще о средневековых памятниках деревянной архитектуры из верховьев Зеравшана, ОНУ, 1967. № 3, стр. 22.

Особенно близка им панель из дворца X—XI вв., где в рисунке штукатурной резьбы применено сочетание полосы с кружками, образующей петли и круги с заполнением из трилистников и полупальметт²². Явная их связь прослеживается с резным декором терракотового портала мавзолея Ибрагим-ибн Хусейна XII в. Правда, полоса, очерчивающая фестончатые круги, выступает здесь в рельефе над мелким растительным рисунком, создавая двухплановость. Но сама полоса заполнена пунсонами, а в кружево рисунка вплетены мотивы трилистника, «перца» в полупальметтах и S-образный побег²³.

Таким образом, штукатурные панели, резная терракота портала мавзолея и резное дерево соборной мечети несут следы органической связи в технике резьбы, в построении, мотивах и стиле рисунка и демонстрируют принадлежность к единой школе, обладавшей устойчивой традицией орнаментики.

Находки лучших образцов резьбы по дереву в горных уголках, где сами условия гарантировали их сохранность, в противовес многослойному городищу, где очень мало шансов обнаружить остатки, косвенно указывают на степень великолепия резного декора столичных зданий. Вместе с тем, то обстоятельство, что мастера-резчики имели возможность применять свое искусство в мелких кишлаках, говорит о большом экономическом и культурном значении мелких пунктов и сельских поселений, создавших вместе с городами тот культурный взлет, которым отмечен в истории Средней Азии период X—XII вв.

---

²² Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, рис. 56.

²³ Там же, рис. 70.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
УКАЗАТЕЛЬ ПО ИСТОРИИ
ИЗУЧЕНИЯ АФРАСИАБА (1874—1972)

Качественно изменившееся изучение Афрасиаба последних лет настоятельно требует создания библиографического указателя по материалам археологического исследования Афрасиаба.

Предлагаемый указатель ставит целью облегчить нахождение соответствующей литературы, для чего он разделен на 4 группы:

- I. Научная литература на русском языке;
- II. Литература на узбекском языке;
- III. Литература на иностранных языках;
- IV. Научно-популярная литература.

Указатель не претендует на исчерпывающий характер, редактор сборника и составитель будут признательны читателям за указания на пропуски, в последующих выпусках сборника указатель будет дополняться. Обзор литературы закончен 1972 годом.

I

- Абдуразаков А. А. Сырьевые ресурсы раннесредневекового стеклоделия Средней Азии, сб. «Исследование минерального и растительного сырья Узбекистана», Ташкент, 1962, стр. 5—21.
- Абдуразаков А. А. Химико-технологическое исследование средневековых стекол Средней Азии, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1964.
- Абдуразаков А. А. Способы реставрации настенных росписей Афрасиаба, «Тезисы докладов на научной сессии, посвященной 2500-летию г. Самарканда», Ташкент, 1968, стр. 12.
- Абдуразаков А. А. Ценное исследование по химии и технологии древнего стекла, ОНУ, 1971, № 3, стр. 79—80.

- Абдуразаков А. А. Закрепление археологических материалов полимерами, реф. журн. «Химия», М., 1971.
- Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Химическое исследование средневековых стекол Средней Азии, «Узбекский химический журнал», 1962, № 3, стр. 5—16.
- Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье, Ташкент, 1963.
- Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Химические типы средневековых стекол Средней Азии, «Узбекский химический журнал», 1965, № 3, стр. 11—14.
- Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Средневековые стекла Средней Азии (опыт химической характеристики), Ташкент, 1966, стр. 5—168.
- Абдуразаков А. А., Камбаров М. А., Ильхамов Ш. И. Консервация алтаря огня на Афраснабе (археологические данные), ОГУ, 1971, № 4, стр. 49—50.
- Абдуразаков А. А., Зайнутдинов С. А., Камбаров М. К. Применение препарата К-4 в реставрации настенных росписей Афраснаба, ОНУ, 1971, № 6, стр. 53—55.
- Абдуразаков А. А., Камбаров М. К. Влияние химического закрепления на прочность археологических объектов из лесса, «Строительство и архитектура Узбекистана», 1972, № 2, стр. 16—18.
- Адылов Х. А., Джуракулов М. Д. Чернильные приборы Афраснаба (по материалам раскопок археологической экспедиции СамГУ), Труды СамГУ, 1970, вып. 182, стр. 55—59.
- Адылов Х. А., Джуракулов М. Д., Крикис Я. К. Полвная бытовая посуда Афраснаба (по материалам археологических исследований СамГУ на западной части городища Афраснаба в 1967—1970 гг.), Труды СамГУ, новая серия, вып. 218; Сб. «Материалы по истории и археологии Узбекистана», Самарканд, 1972, стр. 143—158.
- Адылов Х. А.—См.: Багиров Ф., Адылов Х. А.
- Агзамходжаев Т. Раскопки дворцового сооружения на Афраснабе, в сб. «Объединенная научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда», Ташкент, 1969, стр. 22—23.
- Альбаум Л. И. О гончарном производстве на Афраснабе в X—XI вв., «Афраснаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 256—267.
- Альбаум Л. И. Новые росписи Афраснаба, «Страны и народы Востока», вып. X, ГРВЛ, М., 1971, стр. 83—89.
- Альхамова З. А. Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г. хиджры, Труды САГУ, новая серия, вып. XI, гуманитарные науки, кн. 3, 1950, стр. 69—74.
- Аминджанова М. Т. Средневековое стекло Мавераннахра, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1962.
- Аминджанова М. Т., Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда, ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 87—100.
- Аминджанова М. Т. Среднеазиатское средневековое стекло в собрании Эрмитажа, ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 153—158.
- Амиркулов Л. Археологическое изучение городища Афраснаб в Самарканде, Труды студенческой научной конференции университетов

- Средней Азии и Казахстана, новая серия, вып. 3, Самарканд, 1960, стр. 41—44.
- Аскарлов А. А. Древнейшее прошлое Самарканда, ОНУ, 1970, № 3. «Афрасиаб», СИЭ, т. 1, М., 1961, стр. 970.
- «Афрасиаб», БСЭ, т. 2, М., 1970, стр. 434.
- «Афрасиаб» (Путеводитель), Ташкент, 1969.
- «Афрасиаб», вып. 1, Ташкент, 1969; Рец.: Массон В. М., СА, 1971, № 4, стр. 270—273.
- Ахраров И. А. Глиняная головка с согдийской надписью с Афрасиаба (X—XI вв.), СА, 1967, № 4, стр. 263—294.
- Ахраров И. А. К истории керамического производства на городище Афрасиаб, сб. «Афрасиаб», вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 301—311.
- Ахраров И. А., Ремпель Л. И. Резной штук Афрасиаба, Ташкент, 1971.
- Ахраров И. А.—См. также: Ремпель Л. И., Ахраров И. А.
- Багиров Ф., Адылов Х. Стекло Афрасиаба (по материалам археологической экспедиции СамГУ им. А. Навои), Труды СамГУ, новая серия, вып. 218; сб. «Материалы по истории и археологии Узбекистана», Самарканд, 1972, стр. 162—171.
- Балабан К. Н., Рахимов М. К. Средневековые глазури Узбекистана, «Стекло и керамика», 1955, № 5, стр. 16—20.
- Бартольд В. В. Еще о самаркандских оссуариях, Соч., т. IV, М., 1966.
- Бартольд В. В. Археологические работы в Самарканде летом 1924 г., Соч., т. IV, стр. 269—279.
- Безбородов М. А.—См.: Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Химическое исследование...
- Безбородов М. А.—См.: Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А., Стеклоделние...
- Безбородов М. А.—См.: Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Химические типы...
- Безбородов М. А.—См.: Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Средневековые стекла...
- Бетгер Е. К. Список трудов Василия Лаврентьевича Вяткина, Труды ТашГУ, «Археология Средней Азии», вып. V, Ташкент, 1960.
- Боброва А. С. Бусы из Афрасиаба. Следы производства глазчатых стеклянных бус Средней Азии в IX—X вв., КСИИМК, вып. 30, 1949, стр. 121—123.
- Большаков О. Г. Поливная керамика Мавераннахра VIII—XII вв. как историко-культурный памятник, Автореферат канд. дисс., Л., 1954.
- Большаков О. Г. Заметки по исторической топографии долины Зарафшана в IX—X вв., КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 17—23.
- Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв., ЭВ, вып. XII, Л., 1958, стр. 23—28; вып. XV, 1963, стр. 73—87; вып. XVI, 1963, стр. 35—55; вып. XVII, 1966, стр. 54—62; вып. XIX, 1969, стр. 42—50.
- Большаков О. Г. Надгробие 541/1146 г. из Самарканда, ЭВ, вып. XIV, Л., 1961, стр. 9—11.
- Большаков О. Г. Изучение средневекового города Средней Азии в свете общей проблематики изучения города Востока. Проблема ар-

- хеологии Средней Азии, «Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии», Л., 1968.
- Большаков О. Г. Два вакфа Ибрахима Тамгач-хана в Самарканде, сб. «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971, стр. 170—178.
- Бурнашева Ф. А. Глазурная полива керамической посуды Афраснаба X—XII вв., ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 137—143.
- Бурнашева Ф. А. К вопросу использования химико-технологических методов при изучении бытовой керамики (котлов) средневековья, ИМКУ, вып. V, Ташкент, 1964, стр. 168—172.
- Буряков Ю. Ф. Коллекция бронзовых художественных изделий XIV—начала XV века из Самарканда, ОНУ, 1969, № 8, стр. 81—86.
- Буряков Ю. Ф. Историческая топография Самарканда Тимуридского времени, «Объединенная научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда», Тезисы докладов, Ташкент, 1969, стр. 26—28.
- Буряков Ю. Ф. Научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда, ОНУ, 1969, № 4, стр. 55—56.
- Буряков Ю. Ф. Изучение Самаркандского Регистана в 1969 г., СГСАК, Л., 1970, стр. 27—29.
- Буряков Ю. Ф., Гулямов Я. Г. К планировке обсерватории Улугбека по материалам раскопок 1967 г., ОНУ, № 2, 1968, стр. 69—71.
- Буряков Ю. Ф., Тагиев М. О кангюе-кушанских слоях Афраснаба (по материалам археологических раскопок 1968 г.), ОНУ, 1968, № 8, стр. 58—60.
- Буряков Ю. Ф.—См.: Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях...
- Буряков Ю. Ф.—См.: Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Новые данные...
- Буряков Ю. Ф.—См.: Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Археологические раскопки...
- Быков А. А. Редкий самаркандский фельс, ЭВ, вып. XX, 1971, стр. 72—73.
- Веселовский Н. И. Сообщения о раскопках в Афраснабе близ Самарканда, ЗРАО; новая серия, т. II, СПб., 1887, стр. XCII—CIV.
- Веселовский Н. И. Заметка о стеклянном производстве в Средней Азии, ЗВОРАО, т. VIII, СПб., 1894, стр. 137—138.
- Веселовский Н. И. О находках глиняных гробов в Самарканде, ЗВОРАО, т. XIII, СПб., 1900, стр. 2—4.
- Веселовский Н. И. Предложение об организации в 1904 г. работ по выяснению исторической топографии Самарканда и о поручении этих работ В. В. Бартольду, ИРКОМ, СПб., 1904, № 3, стр. 3—5.
- Вирский М. М. Древние глиняные гробы (из последней раскопки в Самарканде), ПТКЛА, год IV, Ташкент, 1899, стр. 154—162.
- Воронец М. Э. Новое поступление музея истории АН УзССР, Бюлл. АН УзССР, 1946, т. 8, стр. 21—22.
- Воронина В. Л. Доисламские культовые сооружения Средней Азии, СА, 1960, № 2, стр. 42—55.
- Воронина В. Л. Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии, КСИИМК, вып. XXIII, М.—Л., 1949, стр. 103—109.
- Воронина В. Л. Раннесредневековый город Средней Азии (по данным археологии и письменных источников), СА, 1959, № 1, стр. 84—104.
- «Всемирная иллюстрация», 1871, № 107, стр. 41—42; № 108, стр. 62;

- №109, стр. 78; № 110, стр. 90—91, Самарканд, описание города и окрестностей через год после его завоевания русскими войсками и краткая историческая справка.
- Вызго Т. С. Судьба афрасиабской лютни (о терракотовых статуэтках древнего Самарканда, изображающих музыкантов), «Советская музыка», 1970, № 11, стр. 92—97.
- Вызго Т. С. Афрасиабская лютня. Из истории искусства великого города (к 2500-летию Самарканда), Ташкент, 1972, стр. 269—297.
- Вяткин В. Л. Материалы к исторической топографии Самаркандского вилайета, СКСО, вып. 6, 1902, стр. 22.
- Вяткин В. Л. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 году. Напечатано по распоряжению русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, СПб., 1907, стр. 1—15.
- Вяткин В. Л. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 году, ИРКОМ, 1908, № 8, стр. 22—26.
- Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк, Ташкент, 1927. Рец. В. В. Бартольда в сб. «Иран», т. II, Л., 1928, стр. 181—185.
- Вяткин В. Л. Памятники древности Самарканда, Самарканд, 1929, изд. второе, 1933.
- Вяткин В. Л. Матрица и штамп из Самарканда, «Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины», вып. I, 1926, стр. 71—76.
- Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении, т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., под ред. И. Брагинского, М., 1949; Изд. второе испр. и доп., М., 1952; Изд. третье, испр. и доп., М., 1955.
- Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, М., 1972.
- Городецкнй В. Д., Городецкая М. Н. Библиография Туркестана, т. I, Ташкент, 1913.
- Гражданкина Н. С. Опыт технологического исследования древней красноангобированной керамики Узбекистана, ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 123—157.
- Гражданкина Н. С. К истории керамического производства в Средней Азии (методы изготовления, сероглиняной керамики в IX—XIII вв.), ИМКУ, вып. V, Ташкент, 1964, стр. 173—199.
- Гулямов Я. Г. Археология в Узбекистане, Ташкент, 1956.
- Гулямов Я. Г. Стратиграфия Самарканда в свете новейших раскопок, «Объединенная научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда», Тезисы докладов, Ташкент, 1969.
- Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг., «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 268—293.
- Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Археологические раскопки на Афрасиабе в 1969 г., СГСАК, 1970, стр. 30—32.
- Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Новые данные по истории древнего Самарканда, ОНУ, 1970, № 9, стр. 68—78.
- Дадабаев Г. Осуарий из Афрасиаба, ОНУ, 1968, № 10, стр. 44—46.
- Джуракулов М. Д., Крикис Я. К. Археологические исследования Самаркандского госуниверситета на западной части городища Аф-

- раснаб в 1968 г., Труды СамГУ, вып. 182, Самарканд, 1970, стр. 32—44.
- Джуракулов М. Д., Крикис Я. К. Исследования Самаркандского госуниверситета им. А. Навои, сб. «Археологические открытия 1968 года», М., 1969, стр. 419—421.
- Джуракулов М. Д., Крикис Я. К. Раскопки здания IX—X вв. на городище Афраснаб, «Афраснаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 312—316.
- Джуракулов М. Д., Крикис Я. К. Из опыта применения геофизической разведки в археологии на Афраснабе, Труды СамГУ, 1970, вып. 182, стр. 45—51.
- Джуракулов М. Д., Крикис Я. К. Работы археологической экспедиции Самаркандского госуниверситета в 1969 г. (сообщение), Труды СамГУ, новая серия, вып. 182, Самарканд, 1970, стр. 52—54.
- Джуракулов М. Д.—См.: Адылов Х. А., Джуракулов М. Д. Добровольский И. Самаркандский фельс Исаака ибн Ахмеда, ЭВ, вып. XV, 1963, стр. 88—89; «Древние авторы о Средней Азии», хрестоматия под ред. Л. В. Баженова, Ташкент, 1940.
- Дресвянская Г. Я., Валиев П. О. Раскопки Ташкентского госуниверситета на Афраснабе, сб. «Археологические открытия 1970 г.», М., 1971, стр. 411—412.
- Дресвянская Г. Я. Исследования у соборной мечети Афраснаба, сб. «Археологические открытия 1971 г.», М., 1972, стр. 512—513.
- Ерназарова Т. С. О монетных находках на Афраснабе в 1965 году, «Афраснаб», вып. I, 1969, стр. 317—329.
- Ерназарова Т. С. Монетные находки на городище Афраснаб 1947—1948 гг. (из раскопок А. И. Тереножкина). Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, «Краткие сообщения и аннотации VI годичной сессии ЛОИВ АН СССР, посвященной 100-летию В. И. Ленина», М., 1970, стр. 80—82.
- Ерназарова Т. С. Новые клады согдийских монет, ОНУ, 1971, № 12, стр. 58.
- Ерназарова Т. С. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IX в.), Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1971.
- Жуков В. Д. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афраснаба (Самарканда), ОНУ, 1961, № 4, стр. 54—57.
- Заднепровский Ю. А.—См.: Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А.
- Зайнутдинов С. А.—См.: Абдуразаков А. А., Зайнутдинов С. А.
- Зайнутдинов С. А.—См.: Абдуразаков А. А., Зайнутдинов С. А., Камбаров М. К.
- Забелина Н. Н., Ремпель Л. И. Согдийский всадник, Ташкент, 1948.
- Заславская Ф. А. Терракотовые статуэтки всадников с булавами из Афраснаба в собрании Музея истории УзССР, Труды Музея истории УзССР, вып. 3, 1956, стр. 88—117.
- Заславская Ф. А. Богиня плодородия на коропластике Афраснаба кушанского времени (по материалам собрания Музея истории УзССР), ИМКУ, вып. I, Ташкент, 1959, стр. 22—59.

- Заславская Ф. А. Терракоты Афраснаба как источник по истории и культуре Согда, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1970.
- Ильхамов Ш. И.—См.: Абдуразаков А. А., Камбаров М. К., Ильхамов Ш. И.
- История Узбекской ССР, в 4-х томах, Ташкент, I—III тт.—1967, II—IV тт.—1968.
- История таджикского народа, т. I, М., 1963.
- История Самарканда, в 2-х томах, Ташкент, 1969—1970. Рец.: Салымов Ш., Абуталипов Ч. История древнего города, «Коммунист Узбекистана», 1970, № 10, стр. 89—94.
- Кабанов С. К. Ареал и эволюция двух древних керамических форм, СА, 1964, № 3, стр. 79—87.
- Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афраснаб, СА, 1969, № 1, стр. 183—198.
- Кабанов С. К. Изображение Шивы на оссуарии, найденном при раскопках на Афраснабе, СА, 1971, № 2, стр. 240—255.
- Кабанов С. К., Шишкина Г. В. Древнейшие наслоения городища Афраснаб (к 2500-летию Самарканда), ОНУ, 1968, № 3, стр. 53—55.
- Камбаров М. К.—См.: Абдуразаков А. А., Камбаров М. К., Ильхамов Ш. И.
- Касымов М. Археологические работы в Узбекистане, сб. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 326—332.
- Каталог книг Самаркандской публичной библиотеки, составлен А. А. Андреевым, Самарканд, 1911.
- Кнопов Б. И. Интересное сообщение о новых открытиях на Афраснабе, ОНУ, 1965, № 9, стр. 50.
- Комаров П. К вопросу о найденных в Самарканде глиняных гробах, ПТКЛА, год шестой (1900—1901), Ташкент, 1901, стр. 44—45.
- Крашенинникова Н. И. Археологические работы в восточной части Афраснаба, СГСАК, Л., 1970, стр. 41—43.
- Крестовский В. В. Самаркандские раскопки 1883 г., «С.-Петербургские ведомости», 1884, I (13) февраля, № 32.
- Крикис Я., Пачос М., Ташходжаев Ш., Федоров М. Жилой комплекс X—XI вв. в западной части Афраснаба, «Научные работы и сообщения ООН АН УзССР», Ташкент, 1968, стр. 224—236.
- Крикис Я. К.—См.: Джуракулов М. Д., Крикис Я. К.
- Кузьмина Е. Е. Бронзовый шлем из Самарканда, СА, 1958, № 4, стр. 120—126.
- Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917), Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1956.
- Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917), Ташкент, 1958, стр. 319.
- Лунин Б. В. Библиографический, именной и географический указатель к протоколам и сообщениям ТКЛА (1895—1917), ИМКУ, вып. 1, Ташкент, 1959.
- Лунин Б. В. Библиографический указатель литературы по археологии, истории, этнографии, философии и праву Узбекистана, вышедший в свет в 1970 г., ОНУ, 1972, № 2, стр. 58—59.
- Майсурадзе З. П. Керамика Афраснаба, Тбилиси, 1958. Рец.: Большаков О. Г. Известия АН ТаджССР, 1961, вып. I, стр. 111—112;

- Ташходжаев Ш. С., ВДИ, 1960, № 5, стр. 40; Шишкин В. А., ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 313, 316, 319—320.
- Мандельштам А. М. К вопросу о хронологической квалификации древних терракот Согда, сб. «Искусство таджикского народа», вып. I, Труды ИИАН ТаджССР, т. XXIX, Сталинабад, 1960, стр. 143—159.
- Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа, СПб., 1896.
- Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв., Труды Гос. Эрмитажа, Л., 1961, т. 5, стр. 177—201.
- Массон В. М. Древнесогдийская монета из собрания Музея истории Академии наук УзССР, Труды Музея истории УзССР, 1954, стр. 85—88.
- Массон М. Е. Несколько археологических данных к исторической топографии Самарканда, «Известия Средазкомстариса», вып. I, Ташкент, 1926, стр. 115—120.
- Массон М. Е. Археологический и нумизматический рынок в Самарканде по данным отчета М. Е. Массона от 20 февраля 1924 г., «Известия Средазкомстариса», вып. I, Ташкент, 1926, стр. 271—272.
- Массон М. Е. Монетные находки в Средней Азии 1917—1927 гг., «Известия Средазкомстариса», вып. I, Ташкент, 1926.
- Массон М. Е. Памятка об экскурсии по Самарканду, Самарканд—Ташкент, 1929.
- Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 155—166.
- Массон М. Е. К локализации Согда, Труды САГУ, новая серия, вып. II, кн. 3, Ташкент, 1950, стр. 171—179.
- Массон М. Е. История изучения Средней Азии в археологическом отношении, Труды САГУ, вып. XXXI, Ташкент, 1956.
- Массон М. Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении, Труды САГУ, новая серия, вып. LXXXI, «Исторические науки», кн. 12, «Археология Средней Азии», Ташкент, 1956, стр. 5—40.
- Массон М. Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении (часть I, до первой послевоенной пятилетки), Труды САГУ, вып. 31, «Археология Средней Азии», Ташкент, 1956, стр. 5—40.
- Массон М. Е. Фрагменты надписи караханидского мавзоля в городище Афрасиаб, ЭВ, вып. XX, Л., 1971, стр. 77—84.
- Массон М. Е. По поводу далекого прошлого Самарканда, сб. «Из истории искусств великого города (к 2500-летию Самарканда)», Ташкент, 1972, стр. 3—35.
- Массон М. Е. Краткое сообщение о результатах исследования фундаментов мавзоля Ходжа-Ахмада в группе Шахи-Зинда в Самарканде в 1922 г., ИТОРГО, т. XXVII, Ташкент, 1924, стр. 159.
- Мешкерис В. А. Изображения музыкантов в согдийской коропластике, сб. студенческих работ САГУ, вып. 5, Ташкент, 1953, стр. 41—49.
- Мешкерис В. А. Терракотовые статуэтки музыкантов из собрания Музея истории, Труды Музея истории АН УзССР, вып. II, Ташкент, 1954.
- Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Каталог древних

- статуэток и других мелких скульптурных изделий из обожженной глины, хранящихся в Республиканском музее истории культуры и искусства УзССР в г. Самарканде, Л., 1962.
- Мешкерис В. А. Ранние терракоты Согда (к вопросу об истоках согдийской коропластики), сб. «Искусство таджикского народа», вып. 3, Душанбе, 1965, стр. 3—51.
- Мешкерис В. А. Коллекция терракот музея истории АН УзССР, МООП АН ТаджССР, 1967, № 1 (47), стр. 80—94.
- Мешкерис В. А. Согдийская школа коропластики в кушанскую эпоху, ИООН АН ТаджССР, 1962, № 2 (52), стр. 3—20.
- Монгайт А. А. Археология в СССР, М., 1955.
- Мончадская Е. А. О «царском городе», или «второй столице» Согдианы, ВДИ, 1969, № 2, стр. 116—121.
- Муминов И. М. Самарканду 25 веков, ОНУ, 1970, № 9, стр. 8—12.
- Мухамеджанов А. Р. Развитие археологической науки в Узбекистане в годы Советской власти, СА, 1967, № 4, стр. 93—102.
- Мухамеджанов А. Р. К вопросу о водоснабжении Афрасиаба, «Афрасиаб», вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 294—300.
- Наливкина М. А. К изданию каталога терракот домонгольского периода в собраниях Самаркандского музея, Реферат научно-исследовательских работ за 1945 г. (АН СССР, СИФ), М.—Л., 1947.
- Немцева Н. Б. Раскопки на ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде, СА, 1964, стр. 336—338.
- Немцева Н. Б. Исследование в «западном коридоре» архитектурного ансамбля Шахи-Зинда, ИМКУ, вып. V, Ташкент, 1964, стр. 123—138.
- Немцева Н. Б. Раскопки на территории мавзолея «Безымянный» № 2 в комплексе Шахи-Зинда, ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 151—161.
- Немцева Н. Б. К истории сложения «средней группы» мавзолеев в ансамбле Шахи-Зинда, сб. «Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1967.
- Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб, «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 155—205.
- Немцева Н. Б. Раскопки на территории Шахи-Зинда в Самарканде, сб. «Археологические открытия 1968 г.», М., 1969.
- Немцева Н. Б. Малонзученный мавзолей из ансамбля Шахи-Зинда, ОНУ, 1969, № 8—9, стр. 43—50.
- Немцева Н. Б. Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв. (по археологическим материалам), сб. «Зодчество Узбекистана. Материалы и исследования», вып. 2, Ташкент, 1970.
- Немцева Н. Б. Шахи-Зинда. К истории ансамбля и исторической топографии юга Самарканда, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1972.
- Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.), Ташкент, 1966.
- Ноткин И. И. Развитие структуры однокупольного сооружения XIV—начала XV вв. в ансамбле Шахи-Зинда, сб. «Архитектурное наследство», вып. 13, М., 1961.
- Обельченко О. В. Шахматный конь с городища Афрасиаб XI—XII вв., ОНУ, 1969, стр. 47—48.

- Патрушева Е. А. Фонды музея истории, Труды музея истории народов Узбекистана, вып. I, Ташкент, 1951, стр. 9—15.
- Пачос М. К. Стратиграфический раскоп в западной части Афрасиаба, «Научные работы и сообщения ООА АН УзССР», кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 282—290.
- Пачос М. К. Средневековые погребения на городище Афрасиаб (древний Самарканд), «Научные работы и сообщения ООА АН УзССР», Ташкент, 1962, стр. 191—196.
- Пачос М. К. Раскопки здания в восточной части Афрасиаба, «Научные работы и сообщения ООА АН УзССР», кн. 6, 1968, стр. 262—268.
- Пачос М. К. Из истории раскопок на Афрасиабе, сб. «Из истории материальной культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965, стр. 19—31.
- Пачос М. К. Оборонительные сооружения Афрасиаба, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1966.
- Пачос М. К. К изучению стен городища Афрасиаб, СА, 1967, № 1, стр. 60—73.
- Пачос М. К. Новые находки терракот на Афрасиабе, ОНУ, 1969, № 2, стр. 68—69.
- Пачос М. К. Две находки из Афрасиаба, ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 143—145.
- Пачос М. К. Стратиграфический раскоп в северной части Афрасиаба, Труды СамГУ, вып. 182, 1970, стр. 60—69.
- Пачос М. К.—См.: Крикис Я., Пачос М., Ташходжаев Ш., Федоров М.
- Пославский Д. О глиняных сосудах с коническим дном, ПТКЛА, год X, Ташкент, 1805, стр. 5—18.
- Проблемы археологии Средней Азии, «Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии», Л., 1968.
- Пугаченкова Г. А. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда, ИООА АН ТаджССР, Сталинабад, 1952, № 2.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана, Ташкент, 1960.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусства Узбекистана (с древнейших времен до середины девятнадцатого века), М., 1965.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Самаркандские очажки. Из истории искусства великого города, Ташкент, 1972, стр. 206—234.
- Пьянков И. В. О сводс греко-римских источников по истории древней Средней Азии. Проблемы археологии Средней Азии, «Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии», Л., 1968.
- Пьянков И. В. Басисты (к истории Самаркандского Согда), ИОНА АН ТаджССР, 1970, № 3 (61), стр. 40—46.
- Пьянков И. В. Мараканды, ВДИ, 1970, № 1, стр. 32—48.
- Пьянков И. В. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов, Душанбе, 1972.
- Реклю Э. Самарканд. Статья в «Туркестанский край», под ред. Д. Д. Семенова, т. VI, «Отечественное», М., 1887, стр. 207—276.

- Ремпель Л. И. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба, ДАН ТаджССР, вып. 9, 1953, стр. 25—30.
- Ремпель Л. И. Резной штук Афрасиаба и реконструкция купольного зала, «Объединенная научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда», Тезисы докладов, Ташкент, 1969, стр. 20—22.
- Ремпель Л. И., Ахраров И. А. Резной штук Афрасиаба и реконструкция купольного зала IX—X веков (по материалам археологических раскопок), ОНУ, 1971, № 3, стр. 53—61.
- Ремпель Л. И. Об отражении образов согдийского искусства в исламе (к вопросу о культурах Шахи-Зинда, Хазрат-Хызра и Ходжа-Данияра в Самарканде), «Из истории искусства великого города (к 2500-летию Самарканда)», Ташкент, 1972, стр. 36—51.
- Ремпель Л. И.—См.: Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История...
- Ремпель Л. И.—См.: Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Самаркандские очажки...
- Ремпель Л. И.—См.: Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники...
- Ремпель Л. И.—См.: Забелина Н. Н., Ремпель Л. И.
- Ремпель Л. И.—См.: Ахраров И. А., Ремпель Л. И.
- Ростиславов М. Об археологических изысканиях в Зеравшанском округе, ПТКЛА, год третий (11 декабря 1897—11 декабря 1869), Ташкент, 1897—1898, стр. 144—149.
- Сайко Э. В. Некоторые вопросы технологии ангоба средневековой среднеазиатской керамики, ИООН АН ТаджССР, вып. I (28), 1962, стр. 83—98.
- Саринанди В. И. Новая матрица Самаркандского музея, ИООН АН ТаджССР, вып. 4, 1957, стр. 105—108.
- Саринанди В. И. Новая матрица Самаркандского музея, ЭВ, вып. XII, 1958, стр. 107—110.
- Смирнова О. И. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии, договор арабского полководца Кутейбы с царем Согда Гуреком, заключенный в 712 г., СВ, 1957, № 2, стр. 112—134.
- Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент, М.—Л., 1963.
- Смирнова О. И. Очерки из истории Согда, М., 1970.
- Советская археология Средней Азии и кушанская проблема, «Аннотированная библиография», вып. I—II, М., 1968.
- Спасеский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета отдела нумизматики, «Нумизматика и эпиграфика», вып. VIII, М., 1970, стр. 133—234.
- Ставиский Б. Я. Некоторые вопросы истории и топографии древнего Согда, ВЛУ, 1948, № 3, стр. 118—126.
- Ставиский Б. Я. Самаркандские чернильные приборы IX—X вв. в собрании Эрмитажа, СА, 1960, № 1.
- Ставиский Б. Я. Даргом и два этапа в истории орошения Самарканда, «Народы Азии и Африки», 1969, № 2, стр. 147—149.
- Ставиский Б. Я. В стране Роксаны и Тимура, М., 1970.
- Сухарев И. А. Ранняя поливная керамика Самарканда, Труды УзГУ, новая серия. II, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 9—11.
- Ташходжаев Ш. К истории изучения средневековой поливной кера-

- мики Афраснаба, в кн. «Научные работы и сообщения ООН АН УзССР», кн. 2, Ташкент, 1961, стр. 260—268.
- Ташходжаев Ш. Поливная керамика Афраснаба второй половины X — первой половины XI вв., «Научные работы и сообщения ООН АН УзССР», 1961, кн. 4, стр. 298—305.
- Ташходжаев Ш. Поливная керамика второй половины XII — начала XIII вв., «Научные работы и сообщения ООН АН УзССР», кн. 5, Ташкент, 1962, стр. 197—211.
- Ташходжаев Ш. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII вв., Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1964.
- Ташходжаев Ш. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII вв., Ташкент, 1967, рец.: E. Esin. Orientalistisch Literaturzeitung, 65, 1970, № 11/12; Д. Урманбеков. Афросиёб хазиналари, «Ўзбекистон маданияти», 27 февраля 1968 г.
- Ташходжаев Ш. Самаркандский жилой дом X в., СГСАК (тезисы к совещанию в городе Фрунзе 24—29 ноября 1970 г.), Л., 1970, стр. 53—54.
- Ташходжаев Ш. Самаркандское ремесло; «История СССР», 1970, № 4.
- Ташходжаев Ш. Вопросы исторической классификации поливной керамики Афраснаба. Из истории искусства великого города, Ташкент, 1972, стр. 185—205.
- Ташходжаев Ш.—См.: Крикис Я., Пачос М., Ташходжаев Ш., Федоров М.
- Тереножкин А. И. Археологические работы в Самарканде, «Бюллетень АН УзССР», 1945, № 11—12, стр. 45—46.
- Тереножкин А. И. Археологическая разведка на городище Афраснаб в 1945 г., КСИИМК, вып. 17, 1947, стр. 116—121.
- Тереножкин А. И. Отчет об археологических работах в Шахи-Зинда, Самарканд, 1946, рукопись архива ГУОПМК и музеев Министерства культуры УзССР, инв. № 951, стр. 7—11.
- Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4, стр. 127—135.
- Тереножкин А. И. Согд и Чач, Автореферат канд. дисс., КСИИМК, вып. 33, 1950, стр. 152—169.
- Тереножкин А. И. Раскопки на городище Афраснаб, КСИИМК, вып. 36, 1951.
- Умняков И. И. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 г., «Известия Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928, стр. 265—275.
- Федоров М. Клад медных хорезмских дирхемов, обнаруженный на Афраснабе в 1959 г., «Научные работы и сообщения ООН АН УзССР», 1961, кн. 4, стр. 291—297.
- Федоров М. Н. К вопросу о последнем караханидском дворце на Афраснабе, СА, 1965, стр. 239—242.
- Федоров М. Н. Мухаммад Хорезмшах и чекан Самарканда в конце первого и во втором десятилетии XIII в. (нумизматические данные к истории Самарканда начала XIII в.), ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 162—170.
- Федоров М. Н. Стратиграфический шурф в восточной части городища Афраснаб, «Афраснаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 247—255.

- Федоров М. Н. Клад монет Улугбека и Шахруха из Самарканда, ОНУ, 1969, № 3, стр. 53—57.
- Федоров М. Н. Находка керамики с именем гончара XII в. Абубакра ибн Ахмада (в 4-х км от Афрасиаба), СА, 1971, № 2, стр. 284—285.
- Федоров М. Афрасиабский клад золотых монет второй половины XII в., ЭВ, вып. XXI, Л., 1972, стр. 32—34.
- Федоров М. Н., Буряков Ю. Ф. Эпиграфические и нумизматические находки и публикации в Узбекистане в 1965 г., ЭВ, вып. XIX, Л., 1969.
- Федоров М. Н., Давыдов Г. А. Клад золотых монет X в. из Самарканда, в кн. «История — археология», М., 1962, стр. 175—189.
- Федоров М.—См.: Крикис Я., Пачос М., Ташходжаев Ш., Федоров М.
- Филанович М. И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе, «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 206—220.
- Фрейман А. А. О некоторых согдийских монетах и легендах. К столетию со дня рождения Валентина Александровича Жуковского, проф. персидской словесности Петербургского университета (1858—1918), СВ, 1958, № 3, стр. 128—131.
- Хатипов А. Э. Сокровища Афрасиаба, Труды СамГУ, новая серия, вып. 102, Самарканд, 1969, стр. 70—72.
- Чабров О. Я. Историко-археологическая периодизация древнего Самарканда, Бюлл. АН УзССР, 1947, № 3, стр. 29—30.
- Шишкин В. А. Из археологических работ на Афрасиабе (городище древнего Самарканда. Раскопки В. Л. Вяткина в 1925 г.), «Известия УзФАН», 1940, № 12, стр. 63—70.
- Шишкин В. А. Советская археология в Узбекистане и ее роль в развитии исторической науки, «Юбилейный сборник, посвященный 25-летию Узбекской ССР», Ташкент, 1959, стр. 448—474.
- Шишкин В. А. Аэроразведка и аэросъемка в археологии Узбекистана, «Известия АН УзССР», ООИ, Ташкент, 1957, № 3, стр. 61—62.
- Шишкин В. А. Узбекстанская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.), ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 18—50.
- Шишкин В. А. Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1960 г., ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 5—19.
- Шишкин В. А. Узбекстанская археологическая экспедиция в 1961 г. (предварительное сообщение о полевых работах экспедиции), ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 5—22.
- Шишкин В. А. Сорок лет советской археологии в Узбекистане (1924—1964), ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 5—17.
- Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры, Ташкент, 1966.
- Шишкин В. А. Кал'а и Афрасиаб, «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 122—152.
- Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 3—121.
- Шишкина Г. В. Клад медных монет с Афрасиаба, ИМКУ, вып. V, Ташкент, 1964, стр. 112—122.
- Шишкина Г. В. Монетные находки в жилом квартале древнего Самарканда, «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965.

- Шишкина Г. В. О датировке некоторых терракот Афраснаба, ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 180—184.
- Шишкина Г. В. Два острака из Самарканда, ОНУ, 1966, № 10, стр. 43—45.
- Шишкина Г. В. О местонахождении Мараканды (археологические данные о древнем Самарканде I тыс. н. э.), СА, 1969, № 1, стр. 62—75.
- Шишкина Г. В. Древнейшая оборонительная стена Самарканда, ОНУ, Ташкент, 1970, № 9, стр. 102—107.
- Шишкина Г. В. Методика изучения городского квартала в свете работ на Афраснабе, СГСАК, Л., 1970, стр. 15—18.
- Шишкина Г. В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афраснаба, «Афраснаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 211—246.
- Шишкина Г. В. Древнейший Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афраснаба, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1969.
- Шишкина Г. В.—См.: Кабанов С. К., Шишкина Г. В.
- Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда, ТОВЭ, вып. II, Л., 1940, стр. 285—337.
- Якубовский А. Ю. Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории, культуры и искусства Средней Азии до XVI в., ТОВЭ, вып. II, Л., 1940, стр. 7—24.

II

- Абдуразоқов А. А. Сув ўтмас, ўтда куймас, «Фан ва Турмуш», 1968, № 11, 14—17-бетлар.
- Абдуразоқов А. А. Кўҳна дурдоналар қайта яшаради (Афросиёб ёдгорликларининг қайта тикланиши ҳақида), «Фан ва Турмуш», № 6, 1971, 30—31-бетлар.
- Абдуразоқов А. А. Сирлар сирли ҳақида, «Фан ва Турмуш», № 9, 1971.
- Абдуразоқов А. А. Қадимги нодир ёдгорликларни сақлашнинг янги усули, «Янги техника», 1971, № 2, 22-бет.
- Абдурахмонов А. Шаҳарга сув қандай келган, «Ленин йўли» газетаси, 1970, 22 август.
- Алескерев Ю. Я. Зарафшон водийси қадимги маданият маркази (Самарканд тарихига доир), «Ленин йўли» газетаси, 1965, 22 июнь.
- Алескерев Ю. Я. Искандар қўшинига берилган зарба, «Ленин йўли» газетаси, 1968, 22 июнь.
- Альбаум Л. И. Афросиёбда санъат дурдоналари, «Фан ва Турмуш», 1965, № 8, 20—25-бетлар.
- Асқаров А. А. Афросиёб сўзлайди, «Шарқ юлдузи», 1970, № 5.
- Афросиёб, ЎзСЭ, т. I.
- Афросиёб деворий суратлари, ЎзСЭ, т. I.
- Афросиёб сирли сополи. ЎзСЭ, т. I.
- Буряков Ю. Ф. Регистандан топилган кўзача, «Фан ва Турмуш», № 9, 1969, 29-бет.
- Фулломов Я. Г. Ўзбекистонда археология (фан ҳақида суҳбатлар), «Қизил Ўзбекистон», «Правда Востока», ва «Ўзбекистонни сурх» бирлашган нашриёти, 1956, 43-бет.

- Ғуломов Я. Ғ. Тарих сўқмоқлари, «Совет Ўзбекистони» газетаси, 1970, 18 сентябрь.
- Дониёров Х. Афросиёб қадимги Самарқанд демакдир, «Ленин йўли» газетаси, 1966, 28 май.
- Левин Я. А., Ҳалимов Р. Ҳ. Самарқанд атрофининг геологик тузилишини ўрганиш, «Совет мактаби», 1964, № 2, 54—58-бет.
- Лукин Б. В. Самарқанд археологи ва шарқшуноси Василий Лаврентьевич Вяткин, Тошкент, 1969; Рец.: Исмаилов Т. Самарқандга бағишланади, «Ленин йўли» газетаси, 1970, 16 май.
- Муҳаммаджонов А. Қуйи Зарафшон водийсининг суғорилиш тарихи, Тошкент, 1972.
- Муҳамедов Х. Самарқанд Х асрада, «Ўзбекистон Маданияти» газетаси, 1970, 22 сентябрь.
- Немцева Н. Б., Шваб Ю. Шоҳи-Зинда. Тўлдирилган 4-нашри, Тошкент, 1971.
- Сандов А., Кучнев А. «Фараҳбахш шаҳар», «Фан ва Турмуш», 1970, № 8, 15—16-бет.
- Саъдиев М. Асрори ниҳони Афросиёб, «Ҳақиқати Ўзбекистон» газетаси, 1970, 25 июнь.
- Саъдиев М. Мужда ва хазинаи Афросиёб, «Маориф ва маданият» газетаси, 1972, 6 июнь.
- Саъдиев М. Асрлардан ҳикоя, «Ленин йўли» газетаси, 1970, 8 декабрь.
- Саъдиев М., Абдурахмонов. Асрларни акс эттирар, «Ўзбекистон маданияти» газетаси, 1971, 4 июнь.
- Саъдиев М. Бозёфтхон намунахон санъати меъморӣ, «Маориф ва маданият» газетаси, 1968, 17 март.
- Саъдиев М. Бозёфтхон тарихий, «Маориф ва маданият» газетаси, 1962, 17 март.
- Саъдиев М. Афросиёб сирлари, «Ленин йўли» газетаси, 1969, 8 март.
- Саъдиев М. Санъатимиз тарихининг ёрқин саҳифаси, «Ленин йўли» газетаси, 1969, 23 сентябрь.
- Саъдиев М. Шиша снёҳдон тарихи, «Ленин йўли» газетаси, 1969, 15 октябрь.
- Саъдиев М. Бозёфтхон нави тарихи Самарқанд, «Ҳақиқати Ўзбекистон» газетаси, 1969, 15 сентябрь.
- Саъдиев М. Тангалар тилга кирди, «Ленин йўли» газетаси, 1970, 6 июнь.
- Саъдиев М. Сўғдиёна ҳайкаллари нимадан баҳс этади?, «Фан» ва турмуш», 1970, № 5, 35—36 ва 40-бетлар.
- Тошхўжаев Ш. С. Афросиёбдан топилди, «Гулистон», 1968, № 7.
- Умняков И. И., Ҳамидов Ҳ. Афросиёб ҳақида янги сўз, «Ленин йўли» газетаси, 1966, 10 сентябрь.
- Федоров М. Н. Амали абу Бакр Аҳмад (Афросиёбдаги янги топилмалар ҳақида), «Фан ва турмуш», 1971, № 4, 25-бет.
- Шишкин В. А. Ўзбекистон шаҳарлари (Самарқанд, Бухоро, Тошкент), Тошкент, 1944.
- Шишкин В. А. Афросиёб — қадимги маданият ҳазинаси, Тошкент, 1966.
- Шишкина Г. В. Ганчга битилган бебаҳо ганж, «Фан ва турмуш», 1967, № 6, 30—31-бетлар.
- Шораҳимов Ш. Афросиёб янгиликлари, «Ленин йўли» газетаси, 1967, 7 июнь.

- Шораҳимов Ш. Афросиёб водопроводлари, «Фан ва турмуш», 1968, № 5.
- Шораҳимов Ш. Минг йиллик ҳаммом, «Гулистон», 1969, № 3.
- Шораҳимов Ш. Сополлар сўзлайди, «Гулистон», 1970, № 8.
- Шораҳимов Ш. Санъатимиз илдизлари теран, «Гулистон», 1971, № 7.
- Шораҳимов Ш. Тирик тарих мулки (Афросиёб топилмалари ҳақида), «Ленин йўли» газетаси, 1971, 4 август.
- Шораҳимов Ш. Сопол қозонлар, нақшин ўчоқлар, тилла тангалар. (Афросиёбдан топилган янги буюмлар ҳақида), «Фан ва турмуш», 1971, № 5, 26—27-бетлар.
- Шораҳимов Ш. Афросиёбдаги янги топилдиқлар, «Ленин йўли» газетаси, 1972, 1 январь.
- Шораҳимов Ш., Раҳматов Т. Афросиёб устида бир кун (Самарқанд 2500 йиллига олдида), «Ленин йўли» газетаси, 1967, 16 ноябрь.

- Abdurazakov A. A. New Excavated Glass works in the USSR, 3rd—14th Centuries A. D., 7, „Journal of Glass Studies“, New York, vol. VI, 1964.
- Abdurazakov A. A. Etude chimique des verres D'Asie Centrale, D'ant du Moyen-Age, — „Communications artistiques et Historiques“, IX Congress International du verre, Paris, France, 1972.
- Albaum L. J., Brentjes B. Wächter des Coldes zur Geschichte und Kultur Mittelasiatischer Völker vor der Islam, Berlin, 1972.
- Brentjes B. The Silver-hoard from Çilek, in: „East and West“, Rom (Im Druck).
- Engel K. Sogdiana and the Hiung-nu, in: „Central Asiatic Journal“, I, Den Haag—Wiebaden, 1965, S. 48—62.
- Frumkin G. Archaeology in Soviet Central Asia, in: „Central Asian Review“, Bd. X, 4, London, 1962, pp. 334—342; Bd. XI, 1, 1963, pp. 13—29; Bd. XII, 1, 1964, pp. 16—20; Bd. XII, 3, 1964, pp. 170—184; Bd. XIII, 1, 1965, pp. 69—86; Bd. XIV, 1, 1966, pp. 71—89.
- Frumkin G. Archaeology in Soviet Central Asia. Handbuch der Orientalistik, II, III, 1. Leiden—Köln, 1970.
- Flury S. Une formule épigraphique de la céramique de l'Islam, „Syria“, vol. 5, 1924.
- Flury S. Ornamental kufic inscriptions on the Pottery, SPA, vol. 2, 1939.
- Hobson R. L. A guide to the Islamic Pottery on the Near East, London, 1932.
- Kühnel E. Islamische Kleinkunst, Berlin, 1925.
- Lane A. Islamic Pottery in the collection of Sir Eldred Hitchcock, London, 1941.
- Migeon G. Manuel d'art musulman, t. 2, ed. 2, Paris, 1927.
- Pezard M. La céramique archaïque de l'Islam et ses origines, Paris, 1920.
- Pope A. The ceramic art in Islamic times. A. The History, SPA, vol. 2, New York—London, 1939.

- Shishkina G. V., Varchotova S. D. La monumenta pentroarto de Afrasiab. „La Praktika“, 1965, No. 12.
- Trever K. V. Terrakotas from Afrasiab, Leningrad, 1934.
- Wilkinson K. The Glased Pottery of Nishapur and Samarkand, ВММА, November, 1961.

IV

- Алескеров Ю. Двадцать три века и пятьдесят лет (из истории г. Самарканда), газ. «Ленинский путь», Самарканд, 27 июля, 31 июля, 7 августа, 22 августа 1962 г.
- Апухтин О. Керамика Афрасиаба, «Декоративное искусство СССР», 1964, № 8.
- Афрасиаб раскрывает свои тайны (о раскопках под Самаркандом), «Советский Узбекистан сегодня», 1970, № 6, стр. 12.
- Афрасиаб. О раскопках древнего городища около Самарканда, «Советский Узбекистан сегодня», 1968, № 6, стр. 11.
- Афрасиабу вновь будет светить солнце, газ. «Ташкентская правда», 14 декабря 1960 г.
- Буряков Ю. Ф. Тайна медной монеты, газ. «Ленинский путь», 27 марта 1965 г.
- Буряков Ю. Ф. Стрела летит через тысячелетия, газ. «Ленинский путь», 8 сентября 1967 г.
- Буряков Ю. Ф. Столица древнего Согда (к 2500-летию Самарканда), газ. «Строитель Ташкента», 27 ноября 1968 г.
- Буряков Ю. Ф. Последний оплот защитников древнего Самарканда, газ. «Ленинский путь», 3 октября 1969 г.
- Буряков Ю. Ф. Уникальная античная монета, газ. «Ленинский путь», 5 сентября 1969 г.
- Буряков Ю. Ф. О чем рассказал клад, газ. «Ленинский путь», 21 марта 1969 г.
- Буряков Ю. Ф. Находка на Регистане, газ. «Ленинский путь», 28 февраля 1969 г.
- Буряков Ю. Ф., Абдуллаев В. А. Древняя площадь рассказывает, газ. «Ленинский путь», 4 апреля 1969 г.
- Буряков Ю. Ф. Уникальный клад на площади Регистан, газ. «Правда Востока», 15 марта 1969 г.
- Буряков Ю. Ф. Пеналу 900 лет, газ. «Ленинский путь», 20 февраля 1970 г.
- Буряков Ю. Ф. Уникальная монета, вычеканенная 23 столетия тому назад и найденная на территории древнего Самарканда. газ. «Ташкентская правда», 12 сентября 1969 г.
- Буряков Ю. Ф. Оживают творения древних (о реставрации художественных изделий, найденных при археологических исследованиях Самарканда), газ. «Строитель Ташкента», 5 июля 1970 г.
- Буряков Ю. Ф. Доспехи защитника древнего Самарканда, газ. «Ленинский путь», 29 мая 1970 г.
- Буряков Ю. Ф. Сообщения юрста XI века, газ. «Ленинский путь», 26 февраля 1971 г.
- Буряков Ю. Ф. «Камень победы» Афрасиаба, газ. «Ленинский путь», 19 февраля 1971 г.

- Буряков Ю. Ф. Кувшин шейха Богоуддина, газ. «Ленинский путь», 24 сентября 1971 г.
- Буряков Ю. Ф. Два динара без дырок, газ. «Ленинский путь», 28 июля 1972 г.
- Буряков Ю. Ф., Фенютин С. Вглубь земли без машины времени, газ. «Комсомолец Узбекистана», 15 августа 1972 г.
- Быков А. Согдийские силуэты (из собрания согдийских монет И. И. Холодковского), журн. «Культура и жизнь», 1969, № 1, стр. 46—47.
- Вархотова Д. Сокровища Афрасиаба (о раскопках столицы Согдианы — Афрасиаба на окраине Самарканда), газ. «Комсомолец Узбекистана», 31 июля 1965 г.
- Вархотова Д., Шишкина Г. В. Афрасиаб (о настенной согдийской живописи VII в., обнаруженной при раскопках городища Афрасиаб), журн. «Вокруг света», 1966, № 1, стр. 3—5.
- Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Э. Фрески Афрасиаба, журн. «Наука и жизнь», 1966, № 1.
- Городище Афрасиаб. «Туркестанские ведомости», 1914, № 142.
- Ездаков В. И. Об изготовлении жаростойкой посуды в древнем Самарканде, журн. «Природа», 1951, № 8, стр. 74—75.
- Жуковский В. А. «Живой царь». Легенда, Лит. приложение к журн. «Нива», 1898, № 2.
- За тайнами Афрасиаба, газ. «Правда Востока», 20 апреля 1967 г.
- Иосько М. Самаркандские дирхемы в Белоруссии, газ. «Ленинский путь», 22 апреля 1972 г.
- Контарь В. Были долины Зеравшана (об Афрасиабе), газ. «Правда», 8 декабря 1966 г.
- Коромок В. Воскрешение древних шедевров (живописи при раскопках на Афрасиабе), журн. «Азия и Африка сегодня», 1970, № 3.
- Кострин К. «Нефтяные бомбы» средневековья, журн. «Нефтяник», 1968, № 8.
- Леонов Н. И. По древней Согдиане, журн. «Звезда Востока», 1956, № 7, стр. 94—101.
- Лексин Ю. Тайна земли Согд (об археологических раскопках под Самаркандом), журн. «Вокруг света», 1969, № 7, стр. 36—39.
- Массон В. М. Страна тысячи городов, М., «Наука», 1966.
- Немцева Н. Б., Шваб Ю. Шахи-Зинда, Ташкент, 1963; изд. 2-е, 1965; изд. 3-е, 1968; изд. 4-е, 1970.
- Обельченко О. В. Древний Самарканд. Найдена фигура шахматного коня, газ. «Правда Востока», 8 февраля 1959 г.
- Памяти исследователя Самарканда (к 100-летию со дня рождения В. Л. Вяткина), газ. «Комсомолец Узбекистана», 24 сентября 1969 г.
- «По краю», Серия статей в газ. «Туркестанские ведомости», 1904 г. № 55, 79, 118, 162, 176 и 1905 г. № 82.
- Попондопуло В. Клад Самаркандских монет в Новгороде, газ. «Правда Востока», 4 февраля 1959 г.
- Поступь веков (о раскопках под Самаркандом городища Афрасиаб), журн. «Огонек», 1966, № 41, стр. 28—29.
- Путешествие в историю Самарканда (к археологическим раскопкам на Афрасиабе в 1965 г.), газ. «Правда Востока», 28 января 1966 г.
- Раскопки на Афрасиабе (экспедиция АН УзССР под рук. В. А. Шишкина, 1960 г.), газ. «Ленинский путь», 25 сентября 1960 г.

- Раскопки на Афраснабе в Самарканде под руководством полковника В. А. Крестовского, «Туркестанские ведомости», 1883, № 42.
- Рахимова З. На земле древнего Афраснаба (об археологических раскопках городища и росписи его древних стен), журн. «Нева», 1969, № 10, стр. 220.
- Садиев М. Гости седой старины, газ. «Комсомолец Таджикистана», 25 мая 1962 г.
- Садиев М. Согдийская анахита в терракоте, газ. «Ленинский путь», 31 июня 1970 г.
- Садиев М. Двести драхм за раба или коня, «Ленинский путь», 20 августа 1971 г.
- Садиев М. Горела соборная мечеть..., газ. «Ленинский путь», 15 августа 1972 г.
- Сколько же лет Самарканду? Афраснаб раскрывает свои вековые тайны, газ. «Правда Востока», 14 декабря 1960 г.
- Тереножкин А. И. Археологическая база Академии наук Узбекской ССР в Самарканде, газ. «Ленинский путь», 17 июля 1946 г.
- Уникальная находка археологов (открытие участка оборонительной стены Самарканда, построенной в V—VI вв. до н. э.), газ. «Строитель Ташкента», 13 ноября 1970 г.
- Умняков И. Сколько же лет Самарканду?, газ. «Ленинский путь», 30 сентября 1966 г.
- Федоров М., Амарцева Е. Тайна древнего клада, газ. «Ленинский путь», 13 мая 1967 г.
- Федоров М. Монеты рассказывают, газ. «Комсомолец Узбекистана», 12 марта 1969 г.
- Федоров М. Афраснаб рассказывает свои тайны, газ. «Вечерний Ташкент», 20 ноября 1969 г.
- Хатилов А. Э. Сокровища Афраснаба, газ. «Ленинский путь», 28 мая 1967 г.
- Шарахимов Ш. Клад царя Тархуна, газ. «Ленинский путь», 31 декабря 1971 г.
- Шарахимов Ш. Кирпичный завод XII века, газ. «Ленинский путь», 30 июля 1971 г.
- Ценные находки (две чаши райской керамики с люстровым покровом, найденные при строительстве дома колхозников в Самарканде и пр.), газ. «Правда Востока», 30 июля 1957 г.
- Юлдашев Э. Сокровища Афраснаба, газ. «Комсомолец Узбекистана», 16 июля 1966 г.
- Якубовский А. Ю. Культура и искусство Средней Азии. Путеводитель по выставке Эрмитажа (с VI в. до н. э. по XIX в. н. э.), Л., 1940.

Сокращения

- ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ВЛУ — «Вестник Ленинградского университета», Л.
ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы
ГУОПМК — Главное управление по охране памятников материальной культуры и изобразительного искусства при Министерстве культуры УзССР
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения русского археологического общества», СПб.
ИИА — Институт истории и археологии
ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана», Ташкент.
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.
ЛОИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
МАЭ — музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л.
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент
ООН — Отделение общественных наук
ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского клуба любителей археологии», Ташкент
СА — «Советская археология», М.
СВ — «Советское востоковедение», М.—Л., М.
СГСАК — «Средневековые города Средней Азии и Казахстана», Л.
СИФ — Серия истории и философии
СКСО — «Справочная книжка Самаркандской области»
Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы
СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.
ТОВЭ — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», Л.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЭВ — «Эпиграфика Востока», Л.
ЮТАКЭ — Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция
BGA—Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. Goeje pars. I—VIII, Lugduni Batavorum
SPA—Survey of the Persian Art, London—New York

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Ю. Ф. Буряков, Ш. С. Ташходжаев. Историческая топография Самарканда XI — начала XIII вв.	6
Г. В. Шишкина. Бухарские ворота средневекового Самарканда	23
Ш. Ш. Шарахимов, Ш. Р. Пидеев. Кухонная керамика Афраснаба	42
Ш. С. Ташходжаев. Керамическая мастерская XII — начала XIII вв.	53
Ш. С. Ташходжаев. Керамическое производство Афраснаба и вопросы организации труда ремесленников X — начала XIII вв.	58
Б. Д. Кочнев, Т. С. Ерназарова. Находки монет XI — начала XIII вв. на Афраснабе	69
Ю. Ф. Буряков, М. Садиев, М. Н. Федоров. Соборная мечеть Самарканда в XI — начале XIII вв.	77
Л. Г. Брусенко, Э. Ю. Бурякова, М. И. Филанович. К истории сложения мусульманского кладбища в северной части Афраснаба	100
Т. К. Ходжайов. Краниологические материалы из Афраснаба	115
Б. Д. Кочнев. Кирпичный надгильник XI в. с городища Афраснаб	123
М. Исхаков. Надгильный кайрак с двумя надписями	128
М. И. Филанович. Резное дерево из раскопа в северной части Афраснаба	135
Д. Кадырова. Библиографический указатель по истории изучения Афраснаба (1874—1972)	144
Сокращения	163

АФРАСИАБ

Выпуск IV

Утверждено к печати

Ученым советом Института археологии,

Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор *В. Г. Кан*

Художники *Д. Файзирахманов, В. Ворохов*

Художественный редактор *Р. И. Кривошей.*

Технический редактор *Р. К. Ибрагимова*

Корректор *Л. В. Дамаева*

Р05477 Сдано в набор 27 VIII-75 г. Подписано к печати 26 IX-75 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бум. тип. № 1. Бум. л. 6.12. Печ. л. 10.25. Уч.-изд. л. 9,6. Изд. № 1404. Тираж 1500
Цена 1 р. 20 к.

Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70. Заказ 195.
Типография изд-ва „Фан“, г. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

